

ISSN 2219-6838

**ЭЛЕКТРОННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
К «РОССИЙСКОМУ
ЮРИДИЧЕСКОМУ ЖУРНАЛУ»**

**НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ,
ИНФОРМАЦИОННОЕ И ПРАКТИЧЕСКОЕ
ИНТЕРАКТИВНОЕ ИЗДАНИЕ**

Основано в 2010 году

2/2025

electronic.ruzh.org

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – к. ю. н., доц. **И. В. Федоров**

д. ю. н., доц. **О. И. Андреева** (Томск), д. ю. н., проф. **Ю. С. Безбородов** (зам. гл. редактора), д. ю. н., проф. **О. В. Болтинова** (Москва), д. ю. н., проф. **Л. Ю. Василевская** (Москва), д. ю. н., проф. **Т. С. Волчецкая** (Калининград), д. ю. н., проф. **С. Ю. Головина** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **Е. Р. Ергашев** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **С. К. Загайнова** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **Т. В. Заметина** (Саратов), д. ф. н. **О. А. Зигмунт** (Фехта), д. ю. н., проф. **И. А. Игнатьева** (Москва), д. ю. н., проф. **С. В. Кодан** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **И. Я. Козаченко** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **Н. В. Козлова** (Москва), к. ю. н. **Я. Койстинен** (Хельсинки), д. ю. н., проф. **В. В. Комарова** (Москва), к. ю. н., доц. **Т. В. Кондрашова** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **П. И. Кононов** (Киров), д. ю. н., проф. **Э. А. Кочкарова** (Бишкек), д. ю. н., проф. **Е. В. Кудрявцева** (Москва), д. ю. н., проф. **П. У. Кузнецов** (Екатеринбург), к. ю. н., доц. **А. В. Лисаченко** (Екатеринбург), к. ю. н., доц. **Т. Е. Логинова** (Пермь), д. ю. н., проф. **Е. В. Марковичева** (Москва), д. ю. н., проф. **С. Ю. Марочкин** (Тюмень), д. ю. н., доц. **М. В. Мещанова** (Минск), д. ю. н., проф. **С. П. Мороз** (Алматы), д. и. н., проф. **В. П. Мотревич** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **В. В. Никишин** (Санкт-Петербург), д. ю. н., проф. **Д. В. Осинцев** (Екатеринбург), проф. **П. Поликастро** (Щецин), д. ю. н., проф. **С. Б. Поляков** (Пермь), д. ю. н., проф. **В. Ф. Попондопуло** (Санкт-Петербург), д. ю. н., проф. **С. В. Рыбакова** (Саратов), д. ю. н., проф. **Г. В. Сахнова** (Красноярск), д. ю. н., проф. **Е. В. Смахтин** (Тюмень), д. ю. н., проф. **А. И. Стахов** (Москва), д. ю. н., проф. **В. Л. Толстых** (Москва), д. ю. н., проф. **А. Трунк** (Киль), д. ю. н., проф. **М. Ю. Федорова** (Екатеринбург), к. ю. н., доц. **С. Д. Хазанов** (Екатеринбург), проф. **Хуан Даосю** (Пекин), д. ю. н., проф. **В. М. Шафиров** (Красноярск), проф. **П. Шокинс** (Лёвен)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief – **I. Fedorov** (candidate of legal sciences, assoc. prof.)

O. Andreeva (doctor of legal sciences, assoc. prof., Tomsk), **Yu. Bezborodov** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **O. Boltinova** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **E. Ergashev** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **S. Golovina** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **Huang Daoxiu** (prof., Beijing), **I. Ignatieva** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **S. Khazanov** (candidate of legal sciences, assoc. prof., Yekaterinburg), **E. Kochkarova** (doctor of legal sciences, prof., Bishkek), **S. Kodan** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **Ja. Koistinen** (candidate of legal sciences, Helsinki), **V. Komarova** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **T. Kondrashova** (candidate of legal sciences, assoc. prof., Yekaterinburg), **P. Kononov** (doctor of legal sciences, prof., Kirov), **I. Kozachenko** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **N. Kozlova** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **E. Kudryavtseva** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **P. Kuznetsov** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **A. Lisachenko** (candidate of legal sciences, assoc. prof., Yekaterinburg), **T. Loginova** (candidate of legal sciences, assoc. prof., Perm), **E. Markovicheva** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **S. Marochkin** (doctor of legal sciences, prof., Tyumen), **M. Miashchanava** (doctor of legal sciences, assoc. prof., Minsk), **S. Moroz** (doctor of legal sciences, prof., Almaty), **V. Motrevitch** (doctor of historical sciences, prof., Yekaterinburg), **V. Nikishin** (doctor of legal sciences, prof., Saint Petersburg), **D. Osintsev** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **P. Policastro** (prof., Szczecin), **S. Polyakov** (doctor of legal sciences, prof., Perm), **V. Popondopulo** (doctor of legal sciences, prof., Saint-Petersburg), **S. Rybakova** (doctor of legal sciences, prof., Saratov), **T. Sakhnova** (doctor of legal sciences, prof., Krasnoyarsk), **O. Siegmunt** (doctor of philosophy, Vechta), **E. Smakhtin** (doctor of legal sciences, prof., Tyumen), **A. Stakhov** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **V. Tolstykh** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **A. Trunk** (doctor of legal sciences, prof., Kiel), **M. Fedorova** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **V. Shafirov** (doctor of legal sciences, prof., Krasnoyarsk), **P. Schoukens** (prof., Leuven), **L. Vasilevskaya** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **T. Volchetskaya** (doctor of legal sciences, prof., Kaliningrad), **S. Zagaynova** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **T. Zametina** (doctor of legal sciences, prof., Saratov)

Редакционная коллегия определяет текущую редакционную политику журнала, рассматривает и утверждает содержание очередных номеров, контролирует деятельность журнала

Адрес редакции: 620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 23, оф. 207
Корреспонденцию, материалы и статьи направляйте по адресу:
620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21, УрГЮУ,
редакция «Российского юридического журнала».
Тел./факс (343) 375-54-20.
E-mail: ruzh@usla.ru.
electronic.ruzh.org.

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77-41478 от 28 июля 2010 г.

Точки зрения авторов статей, иных материалов не обязательно совпадают с точкой зрения редакции.

Перепечатка статей и иных материалов, опубликованных в «Электронном приложении к „Российскому юридическому журналу“», допускается только с разрешения редакции

СОДЕРЖАНИЕ

МЕЖДУНАРОДНОЕ И ИНТЕГРАЦИОННОЕ ПРАВО

- Толстых В. Л.* Китайская доктрина международного права в эпоху Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина (1949–1992) 5
- Синякин И. И.* Договор о запрещении ядерного оружия: закрепление режима и становление механизма 31
- Коноплянко А. А.* Понятие и цели территориальных государственных изменений в контексте современного международного права 42

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЗАЩИТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

- Авдеева О. А.* Обязательства государств в отношении права на здоровье: на грани между идеализмом и реализмом 49

ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

- Гаитова Е. Р.* Биографический методологический подход в истории политических и правовых учений: понятие и познавательные возможности 57

ХРОНИКА

- Абдуллин А. И., Давлетгильдеев Р. Ш., Гибадуллин Т. Д.* Международное право в условиях глобальной трансформации: региональная интеграция и межрегиональное взаимодействие: обзор международно-правовой сессии III Казанского международного юридического форума 67

ВАША БИБЛИОТЕКА

- Калиниченко П. А.* Возвращаясь к имперскому прошлому российской науки международного права. Рец. на кн.: Наука международного права в дореволюционной России / отв. ред. Л. А. Лазутин, Р. М. Халафян. – М.: Проспект, 2025. – 192 с. 71

CONTENTS

INTERNATIONAL AND INTEGRATION LAW

- Tolstykh V.* Chinese doctrine of international law in the era of Mao Zedong and Deng Xiaoping (1949–1992) 5
- Sinyakin I.* Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons: consolidation of the regime and establishment of the mechanism 31
- Konoplyanko A.* The concept and objectives of territorial state changes in the context of modern international law 42

INTERNATIONAL PROTECTION OF HUMAN RIGHTS

- Avdeeva O.* States obligations under the right to health: on the borderline between idealism and realism 49

PROBLEMS OF LEGAL SCIENCE AND EDUCATION

- Gaitova E.* Biographical methodological approach in the history of political and legal doctrines: the concept and cognitive capabilities 57

CHRONICLE

- Abdullin A., Davletgildeev R., Gibadullin T.* International law in the context of global transformation: regional integration and interregional cooperation: overview of the international legal session of the III Kazan international legal forum 67

LIBRARY

- Kalinichenko P.* Going back to the imperial past of Russian science of international law. Book review: The Science of International Law in Pre-Revolutionary Russia / ed. by L. A. Lazutin, R. M. Khalafyan. – Moscow: Prospect, 2025. – 192 p. 71

КИТАЙСКАЯ ДОКТРИНА МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В ЭПОХУ МАО ЦЗЭДУНА И ДЭН СЯОПИНА (1949–1992)

Толстых Владислав Леонидович

Доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения
Российской академии наук (Москва), ORCID: 0000-0001-5103-5324, e-mail: vlt73@mail.ru.

Китайская доктрина международного права сформировалась во второй половине XX в., во многом под влиянием советской доктрины. Многие из заимствованных идей были впоследствии переработаны и адаптированы к внешнеполитическим задачам КНР. В статье рассматривается история китайской доктрины с 1949 г. (основание КНР) по 1992 г. (победа сторонников реформ). В этот период Китай пережил несколько радикальных изменений как во внутренней, так и во внешней политике. Эти изменения, однако, почти не затронули правовую доктрину: работы, опубликованные в 80-х гг., менее радикальны, чем работы 50-х гг., но также делают акценты на суверенитете, согласовании воли, сосуществовании и т. д. После рассмотрения внутреннего и внешнего контекстов автор освещает развитие юридического образования и науки, марксистский подход как методологическую основу китайской доктрины, позиции китайской доктрины по отношению к отдельным проблемам международного права и, наконец, ее вклад в развитие международного права, как его видят сами китайские ученые. В заключении выделяются общие особенности китайской доктрины. К их числу относятся лояльность ученых по отношению к государству, отсутствие претензий на оригинальность, дефицит критики и публичной дискуссии, структурированность, неразвитость абстрактного мышления и юридического языка, узкая (китайская) перспектива и значительные внешние влияния. Многие из этих особенностей объясняются особым социальным статусом китайского ученого: китайская интеллигенция никогда не образовывала отдельного класса, но всегда входила в правящий класс; важной частью карьеры ученого была сдача экзамена на доступ к госслужбе; его главной целью являлось не установление истины, а поддержка правительства и забота о народе. В целом китайская доктрина международного права выглядит уникальным и интересным артефактом. С одной стороны, она воспроизводит многие западные идеи; с другой стороны, она содержит элементы конфуцианской морали, выражает синоцентричную концепцию миропорядка и обладает сходством с доктринами эпохи империи и периода Гоминьдана. Вопрос о перспективах ее развития и ее возможном влиянии на глобальный порядок остается открытым.

Ключевые слова: международное право, история государства и права, юридическое образование, государственность, источники международного права, неравноправные договоры

Для цитирования: Толстых В. Л. Китайская доктрина международного права в эпоху Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина (1949–1992) // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2025. № 2. С. 5–30. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2025_2_5.

CHINESE DOCTRINE OF INTERNATIONAL LAW IN THE ERA OF MAO ZEDONG AND DENG XIAOPING (1949–1992)

Tolstykh Vladislav

Doctor of legal sciences, leading researcher, Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences, ORCID: 0000-0001-5103-5324, e-mail: vlt73@mail.ru.

The Chinese doctrine of international law was formed in the second half of the XX century, largely under the influence of Soviet doctrine. Many of the borrowed ideas

were later modified and adapted to the PRC's foreign policy objectives. This article examines the history of Chinese doctrine from 1949 (the founding of the PRC) to 1992 (the victory of the reformists). During this period, China underwent several radical changes in both domestic and foreign policy. These changes, however, hardly affected legal doctrine: works published in the 1980^s are less radical than those published in the 1950^s, but also emphasise sovereignty, reconciliation of wills, coexistence, etc. After an examination of the internal and external contexts, the author describes development of legal education and science, Marxist approach as the methodological basis of Chinese doctrine, positions of Chinese doctrine in relation to particular problems of international law and, finally, its contribution to the development of international law as seen by Chinese scholars themselves. The conclusion highlights the general features of Chinese doctrine. These include loyalty of scholars to the state, lack of claims to originality, shortage of criticism and public debate, structuralisation of doctrine, underdevelopment of abstract thinking and legal language, narrow (Chinese) perspective and significant external influences. Many of these features are explained by the special social status of the Chinese scholar: Chinese intellectuals never formed a separate class, but were always part of the ruling class; an important part of a scholar's career was passing the civil service examination; his main goal was not to establish the truth, but to support the government and care for the people. Overall, the Chinese doctrine of international law appears to be a unique and interesting artefact. On the one hand, it reproduces many Western ideas; on the other hand, it contains elements of Confucian morality, expresses a Sinocentric conception of the world order, and has similarities with the doctrines of the imperial and Kuomintang periods. The question of its prospects for development and its possible influence on the global order remains open.

Key words: international law, history of state and law, legal education, statehood, sources of international law, unequal treaties

For citation: Tolstykh V. (2025) Chinese doctrine of international law in the era of Mao Zedong and Deng Xiaoping (1949–1992). In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 2, pp. 5–30, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2025_2_5.

Введение

Китайская доктрина международного права представляет интерес по нескольким причинам. Первая из них – «поворот на восток». Международно-правовые подходы Китая необходимо знать не только для того, чтобы с ним сотрудничать, но и чтобы с ним конкурировать – в тех регионах, где его влияние усиливается, прежде всего в Центральной Азии. Вторая причина – генетическая связь: в основу китайской доктрины легли многие идеи, сформулированные советскими учеными. Помимо этого обе доктрины развивались похожим образом, пройдя период свободной дискуссии (в СССР – 20-е гг., в КНР – 50-е гг.), период монополии крайне левой идеологии (в СССР – 30–40-е гг., в КНР – 60–70-е гг.) и период «разрядки» (в СССР – 60–70-е гг., в КНР – 80-е гг.). Дальше, однако, их пути разошлись: российская доктрина, отказавшись от советского наследия, так и не смогла сформулировать новую повестку, в то время как китайская доктрина сохраняет свою идеологическую основу и пытается адаптироваться к новым задачам. Третья причина – культурологическая. Современная китайская доктрина содержит элементы конфуцианской морали, выражает сиоцентричную концепцию миропорядка и обладает сходством с доктринами эпохи империи и периода Гоминьдана. В отличие от космополитической советской доктрины она является национально ориентированной (китайские ученые прямо говорят о приоритете национальных интересов), но при этом претендует на универсальность. Четвертая причина – методологическая. В последние годы появилось несколько крупных работ, показывающих своеобразие международно-правовых практик в постколониальных регионах¹. К сожалению, эта проблема, как и сравнительное международное право в целом, не вызывает интереса у российских ученых.

¹ *Anghie A. The Evolution of International Law: Colonial and Postcolonial Realities // Third World Quarterly. 2006. Vol. 27. No. 5. P. 739–753; Chesterman S. Asia's Ambivalence about International Law and Institutions: Past, Present and Futures // European Journal of International Law. 2017. Vol. 27. No. 4. P. 945–978.*

В статье рассматривается история китайской доктрины международного права с 1949 г. (основание КНР) по 1992 г. (победа сторонников реформ). В этот период Китай пережил несколько радикальных изменений – как во внутренней, так и во внешней политике. Эти изменения, однако, почти не затронули правовую доктрину: работы, опубликованные в 80-х гг., менее радикальны, чем работы 50-х гг., но также делают акценты на суверенитете, согласовании воли, сосуществовании и т. д.

1. Внутриполитический контекст

Дж. Фэрбэнк выделяет следующие периоды в истории Китая после 1949 г.: с октября 1949 г. по конец 1957 г. – период восстановления; 1958–1960 гг. – «Большой скачок»; 1961–1965 гг. – экономический подъем; 1966–1976 гг. – «культурная революция» («десять потерянных лет»); после 1976 г. – постепенная либерализация; 1978–1992 гг. – эпоха Дэн Сяопина («политика реформ и открытости»)¹.

В первый период был проведен ряд реформ: финансовая (установление контроля над банками, привязка зарплаты к товарному эквиваленту), земельная (распределение земли между крестьянами и коллективизация), частичная индустриализация, административная (борьба с коррупцией и бюрократией), уголовно-исполнительная (создание трудовых лагерей), реформа мышления (перевоспитание интеллигенции), университетская (централизация и развитие технического образования) и конституционная². Ряд мер был направлен на утверждение суверенитета. В 1950–1952 гг. Китай ввел новые тарифы и создал независимую таможенную службу, установил правила досмотра иностранных судов, создал агентство по управлению портами, сократил число предприятий с иностранными инвестициями с 1192 до 563; запретил иностранцам сделки с землей; конфисковал собственность иностранных правительств; взял под контроль иностранные школы, университеты и больницы³. В 50-е гг., используя лозунг «освобождения», он постепенно ограничил автономию Синьцзяна, Внутренней Монголии и Тибета. В 1956 г. Мао Цзэдун объявил кампанию «Пусть расцветают сто цветов», но после ее выхода из-под контроля была развернута антиправая кампания⁴.

В 1958 г. VIII съезд КПК объявил «курс трех красных знамен» («Большой скачок»), призванный решить проблему стагнации экономики и безработицы и включавший ускоренную коллективизацию, мелиорацию, индустриализацию и др. Данная кампания проводилась военными методами («борьба за сталь», «борьба с четырьмя вредителями»), на антинаучной основе (например, были попытки увеличить урожайность путем более плотной посадки и глубокой вспашки) и предполагала соревнования между коллективами и регионами. Результатами стали экономический спад (выплавляемый в малых печах чугун был низкого качества, перерасход угля приводил к остановке фабрик, уничтожение воробьев способствовало размножению насекомых) и Великий голод 1959–1961 гг., унесший жизни 20–30 млн человек.

В 1961 г. «Большой скачок» был остановлен; Лю Шаоци (Председатель КНР) и Дэн Сяопин (генсек ЦК КПК) попытались исправить ситуацию, но в 1966 г. Пленум ЦК объявил о начале «культурной революции», направленной на «преобразование всех областей надстройки, не соответствующих социалистическому базису». В рамках революции были проведены мероприятия по уничтожению оппонентов Мао («Огонь по штабам»), «борьбе с четырьмя пережитками» (старым мышлением, культурой, привычками и обычаями), развитию села («Ввысь в горы, вниз в села») и др. Хунвейбины (студенты и школьники) и цзаофани (молодые рабочие) пытались и убивали представителей интеллигенции, разрушали храмы, сжигали древние книги, нападали на иностранные посольства. В определенный момент страна оказалась в состоянии, близком к гражданской войне (фракции хунвейбинов сражались друг с другом и нападали на армейские подразделения). В итоге Мао был вынужден прибегнуть к помо-

¹ Fairbank J. K., Goldman M. China: a New History. Harvard: Belknap Press, 2006. P. 343.

² В соответствии с Конституцией 1954 г. система управления включала Народный политический консультативный совет, Всекитайский совет народных представителей, Председателя КНР, Административный совет (правительство) и Центральную военную комиссию; параллельно системе государственных органов существовала структура КПК во главе с Постоянным комитетом Политбюро ЦК.

³ Carrai M. A. Sovereignty in China. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. P. 156–157.

⁴ По мнению Дж. Фэрбэнка, движущей силой кампании было желание молодых и необразованных партийных кадров отстранить от дел старую бюрократию и интеллигенцию; апелляция к народу стала характерной чертой внутренней политики Китая при Мао (Fairbank J. K., Goldman M. Op. cit. P. 366–367).

щи армии, влияние которой резко усилилось. Официально революция закончилась в 1969 г., но многие мероприятия продолжались до смерти Мао в 1976 г. В экономическом плане страна деградировала; огромные ресурсы были вложены в создание «Третьего фронта» (военное и промышленное развитие внутренних регионов с целью отражения возможной советской или американской агрессии).

В конце 70-х гг. управление постепенно перешло в руки премьер-министра Чжоу Эньлая, который вернул Дэн Сяопина во власть. После смерти Чжоу и Мао в 1976 г. Дэн постепенно стал лидером Китая, не занимая при этом никаких высших постов, кроме должности председателя Центрального военного совета ЦК КПК. В 1979 г. он выдвинул идею «четырех модернизаций» (промышленности, сельского хозяйства, обороны и науки и техники), которые должны были проходить под руководством КПК и определять содержание социализма с китайской спецификой. Эта идея легла в основу «политики реформ и открытости» (ликвидация коммун, отмена госзакупок, привлечение инвестиций и т. п.), принесшей положительные результаты, главным из которых стала ликвидация бедности.

В апреле 1989 г. в Пекине прошли выступления в поддержку демократизации; их центром стала площадь Тяньаньмэнь. 3 июня демонстранты были разогнаны войсками, а поддержавший их генсек КПК Чжао Цзыян был заменен Цзян Цзэмином (против Цзыяна выступили Дэн и премьер-министр Ли Пэн). Цзян сформулировал доктрину «трех представительств» (производительных сил, китайской культуры и китайского населения), означавшую переход КПК на широкую социальную платформу. В 1992 г. Дэн совершил поездку по югу страны, в ходе которой выступил с речами в поддержку реформ. Эта поездка ознаменовала окончательную победу его курса¹.

2. Международный контекст

После 1949 г. место Китая в ООН занимало правительство Гоминьдана, эвакуировавшееся на Тайвань. К числу немногих союзников КНР относились СССР и КНДР. СССР добивался для КНР членства в ООН, бойкотируя заседания Совета Безопасности. В 1950 г. был подписан Советско-китайский договор о дружбе, союзе и взаимной помощи, на основании которого СССР оказал Китаю техническую помощь и передал Китайско-Восточную железную дорогу (КВЖД). В этом же году КНР вмешалась в Корейскую войну, опасаясь, что она станет прелюдией для вторжения США в Китай; в Корею были направлены несколько дивизий «народных добровольцев». Война закончилась восстановлением границы по 38-й параллели. В 1961 г. КНР и КНДР подписали Договор о сотрудничестве и дружбе, закрепивший обязательство военной помощи.

В начале 60-х гг. Китай урегулировал пограничные споры с Бирмой, Непалом, Монголией, Пакистаном, Афганистаном и КНДР. Граница с Индией, однако, оставалась спорной. В 50-х гг. Китай построил дорогу, соединившую Синьцзян с Тибетом и проходившую через спорную территорию (Аксайчин); в это же время Индия стала перемещать свои пограничные посты дальше на север, отклоняя предложения Китая об урегулировании. В 1962 г. китайские силы перешли в наступление и выдворили индийцев из Аксайчина (китайские авторы считают, что речь шла о самообороне)². В настоящее время стороны придерживаются установившейся «линии фактического контроля».

После смерти Сталина СССР передал Китаю доли в совместных предприятиях и вывел свои части из Порт-Артура (1954–1955). Курс СССР на мирное сосуществование и критика Сталина на XX съезде КПСС, однако, были оценены Мао как ревизионизм. Другими причинами ухудшения отношений стали отказ СССР передать Китаю ядер-

¹ «Период между окончанием „культурной революции“ и южным турне Дэна в 1992 году характеризовался прагматичными институциональными экспериментами, неопределенностью политики и острыми политическими дебатами. В то время как одна фракция правящей элиты выступала за политические реформы, которые позволили бы создать более либеральное и демократическое государство, относительно отделенное от КПК, консервативная фракция решительно выступала против „разведывающего влияния буржуазных идей“... Южное турне Дэна в 1992 году решительно изменило баланс фракций в пользу реформаторов» (*Ji Li. The Evolving Rule of Law with Chinese Characteristics and Its Impacts on the International Legal Order // UC Irvine Journal of International, Transnational and Comparative Law. 2023. No. 8. P. 154*).

² Чжун Ж. Индо-Китайская война 1962 г. и послевоенное урегулирование // Национальная безопасность. 2014. № 5. С. 739–759; Толмачев Ю. О. Китайско-индийский пограничный конфликт в 1962 году // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2016. № 2. С. 72–81.

ные технологии, поставка им оружия Индии, отказ Китая разместить на своей территории советскую военную радиостанцию, монгольский вопрос и др. Полемика приобрела открытые формы, и в 60-х гг. Пекин стал называть СССР «врагом № 1»¹. В 1960 г. СССР отозвал из КНР 1,5 тыс. специалистов и прекратил поставки. В январе 1967 г. произошел инцидент с китайскими студентами на Красной площади, после чего китайские активисты взяли в осаду посольство СССР в Пекине, сотрудники которого были вынуждены эвакуироваться. Отношения Китая с европейскими социалистическими странами также испортились.

Кульминацией конфликта стал инцидент на острове Даманский. Пекинский трактат 1860 г. закрепил прохождение границы по «течению» рек, но не определил принадлежность островов, большинство из которых контролировалось СССР. Китай, однако, ссылаясь на обычаи, согласно которым граница должна следовать средней линии или тальвегу. В марте 1969 г. китайские части напали на советский патруль и закрепились на Даманском, но позднее были вытеснены со своих позиций. Осенью СССР и Китай договорились о нормализации отношений и провели переговоры о границе²; в это же время Китай установил контроль над островом³. Отношения между СССР и Китаем улучшились только после смерти Мао; Соглашение о советско-китайской границе в ее восточной части 1991 г. официально признало принадлежность Даманского Китая.

Претензии КНР к внешней политике СССР состояли в следующем. Во-первых, СССР проводит империалистическую политику: защищает приобретения царской России, вмешивается во внутренние дела других государств (расчленение Пакистана, интервенция в Анголу, агрессия в Афганистане) и пытается контролировать развивающиеся государства. Во-вторых, он считает мирное сосуществование главной целью международного права, однако предпосылкой мира является борьба против империализма. В-третьих, он противодействует прогрессивному развитию международного права, например сформулировал теории «ограниченного суверенитета» и «социалистического содружества», оправдывающие вмешательство, и отрицает универсальный характер *Пяти принципов* (по его мнению, они применимы только к отношениям между странами с разными социальными системами и не допустимы в отношениях между социалистическими государствами)⁴.

В 1970-х гг. США и КНР, имевшие общего противника в лице СССР, нормализовали отношения и подписали три совместных коммюнике (1972, 1978, 1982). 25 октября 1971 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Резолюцию 2758 (XXVI), в которой постановила «восстановить КНР во всех ее правах и признать представителей ее правительства единственными законными представителями Китая в ООН, а также немедленно лишить представителей Чан Кайши места, которое они незаконно занимают в ООН и во всех связанных с нею учреждениях» (за – 76 государств; против – 35; воздержались – 17). После этого КНР была признана рядом западных стран, включая США.

В 1975 г. в Камбодже был установлен режим Пол Пота, поддерживаемый КНР и вступивший в конфликт с Вьетнамом. В 1978 г. Вьетнам, опирающийся на СССР, ввел в Камбоджу войска, сверг Пол Пота и предъявил претензии на Тонкинский залив и острова Южно-Китайского моря. В 1979 г. Китай, обеспокоенный усилением СССР, вторгся во Вьетнам; официальными целями были поддержка Пол Пота, защита китайского меньшинства и освобождение островов, оккупированных Вьетнамом. Захватив приграничные районы, но понеся при этом тяжелые потери, он объявил о выводе

¹ Кудашев Р. Ш. Записки переводчика СССР и КНР // Вопросы истории. 2002. № 12; Галенович Ю. М. Россия в «китайском зеркале». Трактровка в КНР в начале XXI века истории России и русско-китайских отношений. М.: Восточная книга, 2011. С. 165–167, 175.

² Переговоры закончились безрезультатно. Советская делегация предлагала обсудить вопрос о прохождении линии границы с целью ее уточнения на отдельных участках и заключить новый договор о границе. Но китайская сторона заявила о неравноправном характере русско-китайских договоров о границе и потребовала признать наличие «спорных районов» на советской территории и вывести оттуда советские войска. См.: История дипломатии / под ред. А. А. Громыко: в 5 т. Т. 5. Кн. 2. М.: ИПЛ, 1979. С. 427–428.

³ Некоторые авторы считают, что Мао развязал этот конфликт, стремясь отвлечь внимание населения от проблем, вызванных «культурной революцией» (Goldstein L. J. Return to Zhenbao Island: Who Started Shooting and Why it Matters // China Quarterly. 2001. No. 168. P. 997).

⁴ Yuan P. C. China's Challenge to Traditional International Law: An Exposition and Analysis of Chinese Views and Behaviour in International Law and Politics // Dalhousie Law Journal. 1987. Vol. 10. No. 3. P. 21–22, 25–28.

войск. СССР воздержался от прямого участия в конфликте. В этом же году Китай денонсировал Договор о дружбе с СССР 1950 г.

В целом внешняя политика КНР в период Мао преследовала несколько главных целей: предотвращение возможного вторжения США и СССР, завоевание лидерства в социалистическом лагере и среди стран третьего мира, восстановление территориальной целостности (Тибет, Тайвань, Гонконг и др.), решение пограничных споров, отмена оставшихся неравноправных договоров, получение международного признания и членства в ООН. Ее идеологическая основа была неоднородной и в разное время включала постулаты о классовой борьбе и мирном сосуществовании; уважении суверенитета и мировой революции; дружбе с СССР и предательстве последним дела марксизма-ленинизма.

По мнению Д. Хоффхеймера, в китайской практике международного права после 1949 г. отчетливо прослеживаются несколько сюжетов. Первый из них – национализм; отсюда – жесткое отношение к проблеме Тайваня; стремление к свободному ведению переговоров; требование равенства в организациях. Второй – неявная вера в политику силы: фраза Мао «винтовка рождает власть» означает осознание того, что политическая и правовая власть опирается на физическую силу. Третий – морализаторское отношение, отражающее традиционное сознание и предрасположенность к ортодоксальности. Четвертый – прагматизм, диалектическая способность превращать слабость в силу. Несмотря на недоверие Китая к западным идеалам, он стал ревностным приверженцем некоторых положений западного права¹.

3. Развитие юридического образования и доктрины международного права²

КНР заимствовала советскую модель юридического образования и ряд научных концепций. В начале 1950-х гг. советские ученые приезжали в Китай для преподавания, а китайские студенты направлялись в СССР для изучения права. На китайский язык были переведены работы Ф. И. Кожевникова, С. Б. Крылова и А. Н. Николаева. Позднее эти контакты сошли на нет, но концептуальное влияние советской доктрины сохранилось. В 1956 г. был создан Институт международных отношений в Пекине, в 1960 г. – аналогичный институт в Шанхае, а в 1959 г. – рабочая группа по международному праву Института права. Вопросами международного права также занималась Китайская ассоциация политологии и права. Статьи по международному праву публиковались в «Исследованиях в сфере политологии и права», «Журнале международных исследований», «Правовых исследованиях» и др., а сам этот предмет преподавался на всех юридических факультетах.

В ходе кампании «Пусть расцветают сто цветов» некоторые юристы призвали к частичному заимствованию западных концепций независимости суда, равенства перед законом и пр., но после ее свертывания они были осуждены как правые уклонисты. «Культурная революция» привела к почти полному уничтожению правовой науки и образования. В период с 1966 по 1976 г. не было принято практически ни одного закона, Министерство юстиции не функционировало, юридические факультеты были закрыты, а юридические исследования прекращены.

Процесс возрождения начался только после смерти Мао, в рамках программы «четырёх модернизаций». Юридические факультеты были открыты; журналы вновь стали издаваться. 30 марта 1979 г. *People's Daily* опубликовала статью «Необходимо усилить изучение международного права», написанную Ван Тейей (Wang Tieya) и Вэй Минем (Wei Min), призывавшую восстановить исследовательские институты в данной сфере, создать профессиональное общество, усилить преподавание и составить план исследований. В 1979 г. в Пекинском университете была открыта первая кафедра международного права; его примеру последовали Гишинский и Уханьский университеты (Пекинский университет специализировался на международном публичном праве,

¹ Hoffheimer D. J. China and the International Legal Order: An Historical Introduction // *Case Western Reserve Journal of International Law*. 1979. Vol. 11. P. 251–266.

² Ji Li. Op. cit. 153–155; Chen Tiqiang. The People's Republic of China and Public International Law // *Dalhousie Law Journal*. 1984. Vol. 8. No. 1. P. 8–21; Hungdah Chiu. Chinese Attitudes toward International Law in the Post-Mao Era, 1978–1987 // *International Lawyer*. 1987. Vol. 21. No. 4. P. 1159–1163; Zewei Yang. The People's Republic of China and the Development of Contemporary International Law: Review and Prospects // *Journal of East Asia and International Law*. 2020. Vol. 13. No. 2. P. 337–341.

Уханьский – на торговом праве, а Гиринский – на МЧП). В 1980 г. было создано Китайское общество международного права, которое с 1982 г. стало издавать Китайский ежегодник международного права¹.

Наиболее важными научными трудами периода Мао были следующие: двухтомный учебник по международному праву Чжоу Гэншэна (Zhou Gengsheng)² и монографии «Договоры и соглашения о международной торговле» (Wang Yao Tien, 1958); «Проблемы, касающиеся территориального моря Китая» (Fu Zhu, 1959); «Тенденции современной международно-правовой науки в Великобритании и США» (Чжоу Гэншэн, 1963); «Юрисдикция судов в международном праве» (Nee Zheng Yu, 1964); «Право территориального моря» (Liu Ze Rung, 1965).

Кроме того, вышло довольно много статей. Их основные темы – критика буржуазных подходов; проблемы, затрагивающие КНР (Пять принципов, Тайвань и Тибет, статус китайских добровольцев, территориальные споры с Индией и Вьетнамом); освободительная борьба в других странах (Камбоджа, Египет, Ливан, Иордания и др.); проблемы общего права (определение агрессии, самооборона, морское право, космическое право, статус Берлина и др.). Названия некоторых статей довольно красноречивы: «Подлинное лицо буржуазного международного права» (Ying Tao, 1960), «Лишить агрессоров их правовой маскировки», «Абсурдная резолюция ООН» (Mei Ru Ao, 1955), «Опровержение абсурдных аргументов, касающихся статуса Тайваня», «Опровержение одностороннего индийского аргумента, касающегося китайско-индийской границы», «Незаконность вмешательства ООН в тибетский вопрос» (Чжоу Гэншэн, 1955, 1959).

По свидетельству Чэнь Тицяна, китайские исследования часто слепо следовали советской доктрине, чье понимание марксизма-ленинизма было односторонним, и вслед за ней смешивали международное право с политическими лозунгами; вместе с тем была установлена связь между марксизмом-ленинизмом и международным правом, разработана критика империализма и советских взглядов. На самом деле ситуация выглядит более сложной. Во-первых, советская доктрина, конечно, оказала влияние на китайскую, в том числе в части лозунгов, но к 60-м и тем более 70-м гг. она уже приобрела *догматический* характер: правовые аргументы преобладали над лозунгами и экскурсами в марксизм (см., например, работу Г. И. Тункина «Теория международного права», 1970 г.). В китайской же доктрине этого периода имела место обратная ситуация. Во-вторых, советский подход к международному праву был более профессиональным: некоторые работы отличались большой оригинальностью (например, Е. Б. Пашуканиса); на русский язык были переведены труды Л. Оппенгейма, Ч. Хайда, А. Фердросса и Я. Броунли (на китайский – только труд Оппенгейма); советские авторы анализировали более широкий круг вопросов.

В 1980-х гг. вышли учебники Чжоу Гэншэна (1981 – второе издание), Ван Тейи и Вэй Миня (1981), Лю Фэнмина (Liu Fengming, 1982), Чжу Лисуня (Zhu Lisun, 1985), Лу Инхуэйя (Lu Yinghui, 1984) и Вэй Миня (1986). Был также издан ряд монографий: «Сравнительное исследование вопроса о гражданстве» (Li Naopei, 1979); «Введение в право гражданства» (Jing Qiu, Li Zepai, 1981); «Новые тенденции в морском праве» (Zhao Lihai, 1981) и «Вопрос о внесении поправок в Устав ООН» (Zhao Lihai, 1982); «Международное торговое право» (Shen Damin, Feng Tatong, Zhao Hongxun, 1982); «Краткое введение

¹ Во время проведения учредительного собрания Общества вице-президент Китайской академии социальных наук Хуань Сян предложил китайским международникам «освободить свой разум, полностью выложиться для свободного участия в обсуждении теоретических проблем, которые были недоступны в течение почти тридцати лет, и высказывать свои взгляды без ограничений», но при этом «глубоко критиковать преобладающую левацкую идеологию, такую как нигилизм и аболиционизм, чтобы избавиться от духовного рабства», учитывать, что «марксизм, ленинизм и идеи Мао Цзэдуна по-прежнему являются нашими проводниками в исследовании международного права и мы будем стремиться создавать свод международного права с отчетливыми китайскими характеристиками». Представитель МИД Китая Шао Тянь Жэнь также посетовал на господство «левой линии», результатом чего стало низкое качество исследований, и призывал наверстать упущенное, основываясь на теориях марксизма-ленинизма и идеях Мао; необходимо изучать вещи, чуждые китайской культуре, чтобы служить Китаю, не становясь при этом «пленниками» иностранцев; необходимо создать атмосферу свободного обсуждения и «позволить сотне школ мысли соревноваться» (Yuan P. C. Op. cit. P. 28–31).

² Подробный обзор этого учебника см.: Fry J. D., Huang Yining. The Semisecret Life of Late Mao-Era International Law Scholarship // Pace Law Review. 2019. Vol. 39. No. 2. P. 1005–1006.

в новые области международного права» (Sheng Yu, Wei Jiajui, 1984); «Некоторые правовые вопросы международного экономического и технического сотрудничества» (Liu Ding, 1983) и «Международное экономическое право» (Liu Ding, 1984); «Современные международные организации» (Liang Xi, 1984); «Введение в международное трудовое право» (Liu Yumian, 1985); «Международное налоговое право» (Liu Longheng, 1985); «Собрание эссе по международному праву» (Chen Tiqiang, 1985); «Введение в международное валютное право» (Shen Yu, 1985); «Международное инвестиционное право» (Yao Meizhen, 1985); «Вопрос о судебной юрисдикции в международном праве» (Ni Zhengyu, 1985); «Морское право» (Zhou Ziya, Yang Zhixiong, 1985); «Международное уголовное право и международные преступления» (Li Yaping, 1986).

Лидерами китайской доктрины второй половины XX в. были Чжоу Гэншэн («старейшина международного права», 1889–1971), Ван Тейя (1913–2003), Ли Хаопэй (Li Haopei, 1906–1997) и Чэнь Тицян (Chen Tiqiang, 1917–1983). Все они начали профессиональную деятельность еще в период правления Гоминьдана, но не эвакуировались вместе с ним на Тайвань. Тем не менее до перехода на службу новому правительству они не были коммунистами – даже Чжоу Гэншэн, бывший личным другом Чжоу Эньлая, был сторонником Гоминьдана и вступил в КПК лишь в 1956 г. Все эти ученые получили образование в престижных иностранных университетах (Чжоу – в Японии, Эдинбурге и Париже; Ван и Ли – в Лондонской школе экономики; Чэнь – в Оксфорде) и испытали влияние западной доктрины и либеральных идей; не случайно Ван и Чэнь были подвергнуты преследованиям в ходе антиправой кампании (Ван был отправлен в исправительный лагерь). Большую часть жизни они работали в крупных университетах, часто совмещая преподавание с госслужбой; помимо пекинских университетов, Чжоу, Ван и Ли работали в Уханьском университете – одном из центров китайской науки международного права. Интересен тот факт, что все они – выходцы из прибрежных, наиболее открытых внешнему миру районов Китая: Чжоу – из провинции Хунань, Ван и Чэнь – из Фуцзяня, Ли – из Шанхая.

4. Марксистский подход¹

Китайские ученые рассматривали марксизм-ленинизм как идеологическую основу правовой теории, делая акцент на классовом подходе и пролетарском интернационализме. По их мнению, право отражает *волю правящего класса*, но в отличие от государства, в котором существует лишь один правящий класс, на международной арене существует множество государств, правящих классов и их воля. В связи с этим любая норма международного права, претендующая на жизнеспособность, должна соответствовать классовым интересам правящих классов тех государств, которые продвигают эту норму и используют имеющуюся в их распоряжении власть, чтобы сделать ее эффективной. Не существует неизменных, идеальных или естественных норм международного права. Правящий класс каждого государства имеет свою программу и старается сделать ее реальностью. Для достижения этой цели государства борются и сотрудничают друг с другом, а также создают и применяют международное право. При этом существуют некоторые основные принципы, которые большинство государств поддерживают по тем или иным причинам. Эти принципы определяют содержание менее важных норм. Поскольку ни одно государство не достигло абсолютного доминирования, международное право содержит элементы компромисса. Если такое доминирование будет достигнуто, то возникнет мировое государство, что будет означать конец международного права.

Господствующая сила на международной арене может состоять из государств, управляемых одним классом, а также из государств, управляемых разными классами. Тот факт, что государства управляются разными классами, не мешает им договариваться по поводу некоторых норм, в то время как государства, управляемые одним классом, могут расходиться друг с другом. Например, перед Октябрьской революцией все крупные государства были капиталистическими, но у них были разные взгляды на международное право. Сегодня социалистический Китай может договариваться с капиталистическими государствами по многим вопросам. Аналогично СССР договаривался с Великобританией и США о содержании Устава ООН. Таким образом, в отличие от норм внутреннего права, отражающих волю одного правящего класса,

¹ Данный параграф составлен на основе статьи Чэнь Тицяня. См.: *Chen Tiqiang*. Op. cit. P. 16–21.

нормы международного права, согласованные большинством государств, отражают волю не одного класса, а всех правящих классов разных государств. Эти классы, хотя и являются антагонистами, могут по той или иной причине соглашаться на определенные правила. В связи с этим китайские юристы должны оценивать каждую норму по существу: нормы, которые служат исключительно интересам капитализма, неприемлемы; нормы, которые являются буржуазными по своему происхождению, могут при некоторых условиях служить интересам пролетариата и мира.

Некоторые авторы утверждают, что государство должно принимать международное право во всей его полноте. Однако непонятно, из чего состоит «вся полнота» международного права; кроме того, каждое государство делает свой выбор, не исходя из каприза, а лишь просчитав краткосрочные и долгосрочные выгоды и взвесив преимущества – как в конкретном случае, так и в рамках общей стратегии. Государство, формулирующее норму, в большинстве случаев выберет норму, способствующую его долгосрочным выгодам и соответствующую его общей стратегии в ущерб сиюминутным преимуществам. Кроме того, необходимо учитывать взаимность: краткосрочное преимущество может обернуться недостатком при смене ролей. В связи с этим выбор государства является ограниченным, и даже некоторые сверхдержавы были вынуждены принять (пусть только на словах) антигегемонизм в качестве принципа своего поведения. Таким образом, нормы международного права становятся обязательными не только потому, что государства их принимают, но и потому, что эти государства заинтересованы в том, чтобы соблюдать их и следить за тем, чтобы другие поступали так же. Классовые интересы влияют и на толкование и применение норм. Даже империалистические государства, создавшие в XIX в. нормы международного права, часто изменяли их в новых обстоятельствах в угоду собственным интересам. Разумеется, толкование не может идти вразрез с основными принципами.

Пролетарский интернационализм означает противодействие угнетению своей нации любой другой нацией и в то же время противодействие угнетению любой нации любой другой нацией. Патриотизм и национализм полностью соответствуют пролетарскому интернационализму и дополняют его. В прошлом борьба Китая против империализма способствовала борьбе других угнетенных народов, и, наоборот, их борьба помогала ему. Сегодня перед Китаем по-прежнему стоит задача защититься от посягательств гегемонистских держав, и он считает себя обязанным помогать другим угнетенным народам в их борьбе за освобождение с целью ликвидации всякого угнетения во всем мире. Для Китая помощь в освобождении угнетенных наций – неотъемлемая часть задачи освобождения самого себя. По этой причине он выступает за уважение суверенитета, равенства и самоопределения и против агрессии, интервенции и угнетения. Одно государство не может, прикрываясь «пролетарским интернационализмом», требовать в интересах «социалистического содружества» односторонних жертв от других государств, как это делает СССР. Для капиталистических государств, наоборот, высшим соображением являются их национальные интересы.

В целом изложенный подход напоминает подход советской доктрины; при этом китайские авторы делали больший акцент на классовом интересе, праве на самоопределение и суверенитете, который предполагает свободу усмотрения государств в части принятия норм международного права и отказ от советской концепции «социалистического содружества» («социалистического интернационализма»).

5. История международного права¹

По мнению китайских авторов, каждому типу классового общества свойственно свое международное право, обслуживающее интересы правящего класса. Так, буржуазное международное право закрепляет принципы суверенной независимости, свободы моря, свободной торговли и др., обслуживающие интересы буржуазии.

Западные ученые полагают, что международное право было создано цивилизованными нациями под влиянием христианства в начале XVII в. Однако правила межгосударственных отношений существовали в рабовладельческом и феодальном обществах, не только в Европе, но и в Азии. Где есть государство, будет и право; где

¹ Об истории международного права в Китае см.: *Wang Tiejia*. International Law in China: Historical and Contemporary Perspectives // Collected Courses of the Hague Academy of International Law. Vol. 221. 1990. P. 205–262. Общие подходы китайской доктрины см.: *Yuan P. C.* Op. cit. P. 11–14, 14–19.

есть отношения между государствами, обязательно будет международное право. Буржуазное международное право действительно появилось в XVII в., но после Октябрьской революции 1917 г. мир качественно изменился и возникло *современное международное право*, которое регулирует отношения между странами с разными социальными системами, служит разным интересам их правящих классов и учитывает интересы пролетариата и угнетенных наций (Лю Фэнмин, 1982).

Дальнейшая трансформация международного права происходит под влиянием следующих факторов: 1) возникновение новых независимых государств, благодаря которым были сформулированы новые принципы и концепции (например, Пять принципов мирного сосуществования, концепция общего наследия и др.); 2) научно-технический прогресс, усиливший взаимозависимость между государствами и расширивший сферу их сотрудничества (и сферу действия международного права); 3) развитие международного экономического порядка: новые независимые государства хотят не только политической независимости, но и экономической эмансипации; государства все чаще участвуют в экономических отношениях; сфера действия международного публичного права расширяется, а разграничение между публичным и частным международным правом становится нечетким; 4) увеличение числа международных организаций.

6. Понятие и функция международного права¹

На первом этапе существования КНР китайские авторы ориентировались на советские определения. Так, Хэ Ушун (He Wushuang) и Ма Цюнь (Ma Qun) писали: «Международное право – это совокупность норм, регулирующих отношения между государствами в процессе их борьбы и сотрудничества, выражающих волю правящего класса этих государств и гарантируемых принуждением, применяемым государствами индивидуально и коллективно» (1957). Позднее китайская доктрина выработала собственный, относительно оригинальный подход, подчеркивающий согласительный характер международного права, его диалектическую функцию (регулирование отношений борьбы и сотрудничества), его особую классовую природу и исключительность государств как его субъектов. Похожие акценты делались и советской доктриной, поздние представители которой, однако, склонялись к признанию *объективной (неклассовой) природы* международного права.

Чжоу Гэншэн выделял четыре черты международного права: оно является международным (регулирует отношения между государствами); оно является правом (не включает неправовые нормы); оно является общим (связывает все государства); оно является классовым (служит политике). Автор дает следующее определение: «Международное право формируется в процессе международных отношений и, как правило, признается различными государствами. Оно выражает волю правящего класса этих государств и представляет собой совокупность правил поведения, имеющих юридически обязательную силу для государств в их международных отношениях и состоящих из принципов, правил и институтов» (1976). И далее: «Хотя международное право, как и другие отрасли права, имеет классовый характер, оно отличается от внутреннего права. Внутреннее право принимается законодательным органом государства, выражающим волю правящего класса этого государства. Международное право является общепризнанным и не обязательно выражает волю правящего класса какого-либо государства, но должно выражать волю правящих классов разных государств. Однако это не может быть общая воля правящих классов разных государств, особенно правящих классов государств с разными политическими и социальными системами. Таким образом, международное право, выражающее волю правящих классов разных государств, может быть лишь выражением их согласованной воли».

По мнению Чжу Циу (Zhu Qiwu), предыдущее определение не объясняет роль международного права в регулировании борьбы и сотрудничества между странами с разными социальными системами. Его определение выглядит следующим образом: «Международное право создается путем соглашений в международных отношениях, выражает согласованную волю правящих классов государств и гарантируется принудительными мерами, принимаемыми государствами индивидуально или коллектив-

¹ Carrai M. A. Op. cit. P. 153–154; Fry J. D., Huang Yining. Op. cit. P. 1009–1011; Yuan P. C. Op. cit. P. 23–24; Hungdah Chiu. Chinese Attitudes. P. 1129–1137.

но. Оно есть совокупность обязательных правил поведения, признанных государствами с целью регулирования отношений борьбы и сотрудничества между ними» (1981).

Ван Тейя и Вэй Мин определяли международное право как «совокупность обязательных принципов, норм, правил и отраслей, которые регулируют главным образом отношения между государствами» (помимо государств существуют государствовподобные образования и международные организации); оно является результатом согласования воли государств и производным от борьбы между государствами. В международном сообществе нет правящего класса, поэтому оно выражает соглашение между правящими классами разных государств (1986).

Лю Фэнмин писал: «Международное право – это право равных, это не право правителя и управляемого. Пролетарское государство или народно-демократическое государство не навязывает свою государственную волю ни одной стране мира и, исходя из фундаментальных интересов и желаний народов разных государств, ищет общую основу, сохраняя различия в международных делах... Основания „согласованной воли“ и „общей воли“ различаются: первая устанавливается на основе поиска общего при сохранении различий, вторая – на основе тождества классового интереса... Отличия современного международного права от других видов международного права состоят в следующем: 1) оно выражает общую волю пролетариата социалистических стран или согласованную волю государств с разными социальными системами, одобренную пролетариатом; оно не выражает исключительно волю эксплуататорского класса... 2) оно регулирует отношения между социалистическими странами и отношения между социалистическими странами и капиталистическими странами и международные отношения, затрагивающие социалистические страны... оно не регулирует исключительно отношения эксплуататорских государств» (1982)¹.

В 50-е гг. большинство китайских авторов подчеркивали роль международного права как инструмента внешней политики государства; после смерти Мао данная позиция отстаивалась Линь Цзиньжуном, в то время как другие авторы заняли более нейтральную позицию и даже критиковали «политико-ориентированную теорию». По мнению Ван и Вэй, существуют две точки зрения на функцию международного права: в соответствии с первой международное право – гарант мира, безопасности и справедливости; вторая отрицает значение международного права (именно она, к сожалению, преобладала в Китае). Обе точки зрения некорректны; на самом деле международное право играет три роли: во-первых, оно выступает критерием добра и зла (*right and wrong*) в международном сообществе; во-вторых, оно является инструментом самоограничения и взаимного ограничения с целью установления нормального международного порядка; в-третьих, оно определяет конкретные права и обязанности государств в процессе их взаимодействия.

7. Государственность и суверенитет²

Суверенитет – ключевое понятие в китайской теории международного права. Его политическая функция – шире и более акцентирована, чем в западной или советской доктринах. Во-первых, суверенитет – инструмент освобождения пролетариата, пролетариат может стать правящим классом только в суверенном государстве; во-вторых, он защищает от империализма и неравноправных договоров; в-третьих, он является сущностным элементом отношений между социалистическими странами, основанных на взаимном уважении³.

По мнению Чжоу Гэншэна, суверенитет не делится на внутренний и внешний; даже «полусуверенное» государство вправе в любой момент избавиться от внешнего

¹ В китайской доктрине велась дискуссия относительно того, сколько типов международного права существует – один (общее), два (социалистическое и буржуазное) или три (общее, социалистическое и буржуазное).

² Fry J. D., Huang Yining. Op. cit. P. 1011–1040; Wang Tieya. Op. cit. P. 288–314; Carrai M. A. Op. cit. P. 158–182.

³ «Китайская концепция суверенитета является скорее политической программой с целью обретения „национальной мощи“, чем понятием правовой доктрины. Она включает элементы официального патриотизма, коммунистической идеологии и антизападных тенденций... Такая концепция суверенитета предполагает, что международные обязательства принимаются с осторожностью, а их внутренняя имплементация осуществляется при условии, что эти обязательства продвигают национальные интересы» (Björn Ahl. Die Anwendung völkerrechtlicher Verträge in China // Beiträge zum ausländischen öffentlichen Recht und Völkerrecht. Band 207. 2009. P. 355).

контроля и восстановить полный суверенитет. Автономные регионы не признаются субъектами международного права (Конвенция Симлы 1914 г. между Великобританией и Тибетом в связи с этим недействительна). Ватикан также им не является, поскольку после 1870 г. он не имеет собственной территории и населения. Концепция «двух Китаев» противоречит международному праву: правительство региона не может образовывать государство и участвовать в международных отношениях. Тем не менее нация, которая борется за независимость и развивает свою политическую организацию, может быть признана государством. Индивид также не выступает субъектом международного права: он обладает правами в силу национального права (в том числе в результате имплементации международного права). Договоры, упоминающие права индивида, на самом деле закрепляют права государств; индивид – лишь предмет регулирования.

Чжоу считал, что территория государства служит основой его развития: она является постоянно определенной, и население может постоянно эксплуатировать ее ресурсы. В политическом плане территория – это место, где государство может свободно осуществлять свои полномочия без каких-либо препятствий и вмешательства извне. Государства действуют на своей территории в силу своего суверенитета, а не получают полномочия от международного права (в связи с этим теория Г. Кельзена, согласно которой международное право устанавливает пределы действия государственной власти, неверна). Территория может быть приобретена различными способами. Аннексия (например, открытого острова) правомерна, но некоторые ее виды считаются искусственными (например, рекламация земли) и требуют согласия стороны, занимающей другой берег. Концепция *terra nullius* в том виде, в каком она используется Западом, неправомерна, так как она игнорирует интересы коренного населения. Цессия правомерна, но некоторые ее формы представляют собой военную оккупацию и поэтому незаконны (например, аренда земель у Китая в XIX в. или аренда Панамского канала). Воздушное пространство государства простирается на неопределенную высоту.

Китайская доктрина уделяла большое внимание критике западных подходов. Чжу Лижу (Zhu Liru) писал: «Ученые-международники капиталистических государств считают, что только европейские (*Caucasian*) государства могут обладать суверенитетом. Они даже утверждают, что суверенитет европейских государств абсолютен и неограничен и они не связаны обязательствами „уважать законные интересы других государств“... Мы, социалистические государства, придерживаемся совершенно иной точки зрения... Мы уважаем каждое государство – большое и малое, европейское, негритянское и монголоидное» (1957). Кун Мэн (Kong Meng) утверждал: «Согласно буржуазной теории международное сообщество есть большая семья „цивилизованных государств“, и оно покровительствует только цивилизованным нациям; нецивилизованные же нации находятся вне международного сообщества: они либо не являются полными субъектами международного права, либо не являются его субъектами вообще... Они [нецивилизованные страны] вообще не могут пользоваться правами по международному праву, а могут лишь брать на себя обязательства в соответствии с подписанными ими неравноправными договорами или соглашениями, заключенными между крупными буржуазными странами» (1960). Далее, ссылаясь на Устав ООН, он доказывал, что любая теория, отрицающая субъектность государства в силу его «уровня цивилизованности» или характера социальной системы, неправомерна. Китайские авторы также критиковали Ф. Джессапа, выдвинувшего идею мирового государства, Г. Лаутерпахта, утверждавшего, что государства должны действовать в интересах международного сообщества, и советскую теорию «социалистического интернационализма», воспринимая ее как предлог для вмешательства.

В прикладном значении концепция суверенитета использовалась для обоснования прав Китая на Тибет, Тайвань, Гонконг и Макао. По мнению китайских авторов, титул Китая на эти территории абсолютен; его суверенитет не может быть приостановлен; обсуждение этих вопросов в рамках ООН считается вмешательством¹.

¹ Так, Шао Цзиньфу (Shao Jinfu) писал: «Во-первых, китайский народ сам сверг революционным путем старое реакционное правительство, создав вместо него народное правительство. Это ни в коей мере не влияет на статус Китая как члена семьи наций. Во-вторых, вопрос о возвращении Тайваня Китаю уже был решен после победы китайского народа в Войне сопротивления Японии; он не относится к вопросам, не

После смерти Мао внешняя политика Китая была переориентирована: Конституция 1982 г., сохраняя акцент на важности суверенитета, упоминала, что «будущее Китая тесно связано с будущим всего мира» и что Китай «укрепляет сплоченность с народами различных стран мира» и т. п. Идея классово-борьбы, таким образом, отошла на второй план, хотя и не исчезла полностью. В 1982 г. Дэн выдвинул теорию «одна страна, две системы» и допустил, что после объединения Тайваню будет разрешено сохранить капиталистический строй (1984); фактически данная теория была применена к Гонконгу.

Данная смена перспективы хорошо отражена в работе Ван Тейи 1992 г. По его мнению, суверенитет Китая был завоеван в результате долгой борьбы, поэтому воспринимается как средство защиты от иностранной агрессии. Новые государства, опасющиеся посягательств на свою независимость, также привязаны к этой концепции. М. Боден определил суверенитет как верховную власть суверена над территорией и ее жителями, не ограниченную никакими законами и правилами, созданными любой другой властью на земле, но ограниченную законами Бога и Природы и человеческими законами, общими для всех наций. Поэтому суверен должен подчиняться международному праву и соблюдать обязательства по отношению к другим суверенам. К сожалению, эта идея была искажена доктриной абсолютного суверенитета, оправдывающей агрессивную политику некоторых государств. КНР никогда не придерживалась этой доктрины: она всегда была бдительна в отношении своего суверенитета, но никогда не считала суверенитет неограниченной властью. В соответствии с разработанными ею Пятью принципами принцип суверенитета ограничен другими принципами; взаимное уважение суверенитета предполагает, что суверенитет одного государства ограничивается суверенитетом других. Другое доказательство – приверженность КНР правилу *pacta sunt servanda* (заключение договора является актом суверенитета, в то время как положения договора всегда ограничивают суверенитет). Это, однако, не значит, что КНР отрицает концепцию суверенитета в целом. Попытка уничтожить суверенитет путем создания «мирового государства» и заменить международное право «мировым правом» направлена не на обеспечение порядка, а на доминирование одной державы. Прошлый опыт Китая убедил его в необходимости защиты суверенитета: во-первых, Китай настаивает на том, что Тайвань – его часть; во-вторых, он протестует против иностранных вторжений в его территориальные воды и воздушное пространство; в-третьих, он считает, что проблема границ тесно связана с суверенитетом и должна решаться путем переговоров на основе Пяти принципов. Суверенитет не исключает взаимозависимости и наоборот, но взаимозависимость без суверенитета ведет к хаосу и конфликтам. Суверенитет неотделим от равенства: поскольку все государства суверенны, они равны. Юридическое равенство не предполагает равенства фактического, но фактическое неравенство не может быть поводом для отрицания юридического равенства. Принцип юридического равенства в свете Пяти принципов предполагает не только формальное, но и содержательное равенство (стремление к взаимной выгоде). Суверенитет может быть ограничен международным правом, но не является делимым. Поэтому аренда территорий представляет собой не «переодетую цессию» (т. е. уступку суверенитета), а передачу владения (юрисдикционных прав) без уступки суверенитета.

8. Международно-правовое признание¹

Китайские ученые придерживались декларативной теории признания. Кун Мэн (Kong Meng) писал: «Возникновение государства, становящегося субъектом международного права, должно определяться волей народа этого государства... Признание в международном праве есть лишь подтверждение факта существования нового государства уже существующими государствами... буржуазная теория о том, что признание создает субъекта международного права, несовместима с принципами суверенного равенства и национального самоопределения».

решенным после Второй мировой войны. В-третьих, освобождение Тайваня китайским народом является продолжением Китайской народной революции после войны. Это чисто внутренний вопрос, который не имеет ничего общего с международными соглашениями и не затрагивает никаких международных вопросов».

¹ Fry J. D., Huang Yining. Op. cit. P. 1016–1019; Carrai M. A. Op. cit. P. 167–175.

Чэнь Тицян, защитивший диссертацию о признании в Лондонском университете, выделял два подхода к признанию (1951). В соответствии с первым государство является высшим источником власти, поэтому новое государство не может осуществлять никаких прав в международной системе, если оно не признано другими государствами. Другой подход предполагает наличие высшего свода законов, определяющих права и обязанности государств, с конечной функцией регулирования «поведения политических субъектов в гармоничном сосуществовании с сообществом», что не может быть достигнуто с помощью представлений об абсолютном суверенитете. Он выступал против теории, согласно которой до тех пор, пока новые государства не будут признаны, их права могут безнаказанно нарушаться. Права и обязанности нового государства возникают автоматически, просто в силу его существования (что перекликается с идеей начала XX в. о «праве на существование»). При этом, хотя признание не создает правовой статус нового государства, оно имеет важные политические последствия.

Китайских авторов также интересовал вопрос о преждевременном и запоздалом признании. По мнению Чжоу Гэншэна, КНР признает государства, ставшие независимыми в результате деколонизации (Алжир, Йемен, Сирия), но в отличие от США и Японии никогда не предоставляет преждевременного признания. Такое признание посягает на целостность материнского государства и является неправомерным вмешательством; его разновидность – признание марионеточных государств, оккупированных иностранными войсками (признание США Панамы и Маньчжурии). Маньчжурия была лишь инструментом Японии; у нее не было ни независимости, ни автономной воли, ни устойчивости. Отказ от признания уже существующих государств также противоправен, так как он посягает на право людей выбирать свое правительство, принцип невмешательства и принцип самоопределения (пример – отказ США признавать СССР и Китай).

9. Международные организации¹

Отношение КНР к международным организациям сформировалось под влиянием нескольких факторов: разочаровывающего опыта участия в Парижской конференции и членства в Лиге, длительного отсутствия КНР в ООН и политики ООН по отношению к тибетскому, тайваньскому и некоторым другим вопросам, воспринимаемой как вмешательство. Тем не менее организации в целом и ООН в частности рассматривались как необходимый и демократический институт, а Устав ООН – как договор, отражающий консенсус государств с разными социальными системами. Китайские авторы сетовали, что некоторые члены ООН не соблюдают Устав, в связи с чем его принципы не могут быть реализованы. Народы мира в связи с этим должны объединиться для защиты Устава и поддержания безопасности (Wang Jiazhun, 1957).

По мнению Чжоу Гэншэна, международные организации состоят из государств-членов и не обладают суверенитетом; в связи с этим они не могут быть главными субъектами международного права. По сути, они представляют собой инструмент, который может быть использован как для налаживания сотрудничества, так и для подрыва суверенитета других государств. В настоящее время организации в основном выполняют вторую функцию; в обоснование этого империалистические державы ссылаются на положения, касающиеся защиты прав человека и поддержания мира и безопасности; такая трактовка, однако, подрывает принципы суверенитета, невмешательства и самоопределения. Примером может служить продвижение в ООН концепции «двух Китаев» или обсуждение вопросов, связанных с Тибетом. США манипулируют не только ООН, но и Организацией американских государств (Заявление о противодействии международному коммунизму 1954 г., решение об исключении Кубы 1962 г.). В отличие от ОАГ Лига арабских государств и Организация африканского единства пытаются противостоять мировому империализму, разрешать пограничные споры и способствовать деколонизации.

Членство в ООН должно быть универсальным, непостоянные места в СБ должны распределяться с учетом интересов азиатских и африканских государств (Чжоу Эньлай говорил об этом еще на Бандунгской конференции). КНР имеет законное право

¹ Hungdah Chiu. Chinese Attitudes. P. 1151–1159; Carrai M. A. Op. cit. P. 172–175; Fry J. D., Huang Yining. Op. cit. P. 1044–1048.

быть членом ООН, поскольку изменение формы государства или политического режима не затрагивает правосубъектность государства. В связи с этим ей не требуется заново ходатайствовать о вступлении в ООН; этот вопрос должен решаться как процедурный (а не важный) вопрос, т. е. большинством, а не 2/3 голосов (ст. 18 (2) Устава) (Чжоу Гэншэн). Членство в ООН позволит КНР эффективно защищать не только ее интересы, но и интересы всех развивающихся государств, и противостоять США.

10. Источники международного права¹

Китайская доктрина источников отличалась некоторой оригинальностью. По мнению Чжоу Гэншэна, термин «источники права» имеет два значения: метод формулирования правовых норм и место, где впервые закрепляются нормы. Если говорить о первом из них, то источниками являются лишь обычаи и договоры; в своем втором значении этот термин также охватывает решения судов, мнения ученых и дипломатические документы (они могут стать обычаями благодаря длительной практике). Существуют три признака *договора*: участие государств, добровольное согласие, законная цель. Империалистические государства часто не соблюдают договоры и навязывают неравноправные договоры.

Ван Тейя рассмотрел вопрос о *совместных заявлениях*. По его мнению, они выполняют разные функции. Заявления и коммюнике часто объявляют об установлении дипломатических отношений или подводят итоги переговоров. Они имеют не только политическое, но и правовое значение: например, три коммюнике с США устанавливают принципы поведения сторон и вытекающие из них обязательства. Другой пример – Декларация КНР и Великобритании по вопросу Гонконга 1984 г., подписанная премьер-министрами двух государств и ратифицированная Всекитайским собранием народных представителей (ВСНП) в 1985 г. Такие заявления нельзя считать необязывающими соглашениями: любое соглашение, заключенное государствами, их обязывает; недостаток точности и политическая природа положений не препятствуют тому, чтобы они имели обязательную силу, хотя иногда для их применения необходимо заключить более конкретные соглашения. Определяющий фактор – намерение сторон, однако его не всегда легко установить; следовательно, нужно руководствоваться презумпциями обязательности или необязательности соглашения. В целом данный вопрос решен не до конца. Пример разного понимания – Каирская декларация 1943 г., согласно которой Тайвань должен быть передан Китаю. По мнению Великобритании, речь идет о декларации о намерениях; по мнению США – об обязательствах (позднее эта позиция была изменена); по мнению Китая, данная декларация является международным договором.

Китайская доктрина придерживалась двухэлементной теории *международного обычая*. Многие авторы считали, что договоры более важны, чем обычаи, и подчеркивали классовый характер обычаев, а также их неясность и сложности, связанные с их доказыванием. Ван и Вэй, однако, полагали обычай самым важным источником международного права: он образует большую часть общего права, от него зависит эффективность других источников, в том числе договоров. Современные методы коммуникации сокращают период формирования обычая; например, обычай, закрепляющий право на континентальный шельф, возник менее чем за 20 лет после окончания Второй мировой войны.

Китайские авторы были склонны преуменьшать значение *общих принципов права*. По мнению Чжоу Гэншэна, данные принципы не являются источником права: они не могут пониматься как принципы международного права (позиция советских ученых), поскольку принципы международного права не могут быть его источниками; вместе с тем, пока «общие принципы» не получили общего признания через обычай или договор, они не могут стать нормами международного права. Значение ст. 38 (с) Статута Международного суда ООН состоит в том, чтобы уполномочить Суд в отсутствие применимых норм, содержащихся в обычаях или договорах, применять общие принципы права *по аналогии* в качестве удобного способа решения проблемы; это также подтверждается ст. 59 Статута, согласно которой решение Суда обязательно только для сторон.

¹ Hungdah Chiu. Chinese Attitudes. P. 1139–1145; Fry J. D., Huang Yining. Op. cit. P. 1042–1044; Yuan P. C. Op. cit. P. 35–38; Wang Teyea. Op. cit. P. 315–326; Hungdah Chiu. Chinese Views on Sources of International Law // Harvard International Law Journal. 1987. Vol. 28. No. 2. P. 289–307.

Близкую позицию занял Чжу Лисунь (Zhu Lisun), по мнению которого принципы внутреннего права не могут действовать в международном праве, поскольку речь идет о двух разных правовых системах. По мнению Ван и Вэй, общие принципы права не могут рассматриваться как принципы международного права, поскольку последние создаются посредством договора или обычая. Они также не могут рассматриваться как вытекающие из общего правосознания, поскольку международное сообщество не походит на внутригосударственное и состоит из государств с разными социальными и экономическими системами. Следовательно, в качестве данных принципов необходимо рассматривать принципы, общие для правовых систем разных государств (примером может служить принцип исковой давности). Данные принципы, однако, не являются независимым источником; важным признаком общего принципа выступает общепризнанность, которая предполагает одобрение принципа через договор или обычай; общие принципы в этом случае «сливаются» с этими двумя главными источниками международного права.

Авторы эпохи Мао призывали не доверять судебным решениям, так как они принимаются судьями, выражающими интересы буржуазных держав (по этим же причинам не следует доверять западной доктрине) (Ying Tao и др.)¹. Позднее эта точка зрения была смягчена. По словам Ван и Вэй, судебные решения и доктрина – это не более чем вспомогательное средство; мнение ученых не может связывать государства, его значение уменьшается по мере увеличения доступности материалов по международному праву. Чжоу Сяолин, однако, считал, что решения Международного суда ООН оказывают большое влияние на развитие права, представляя собой авторитетное выражение и толкование правовых норм (1985).

По мнению Ван и Вей, резолюции универсальных организаций, закрепляющие правовые принципы, могут служить вспомогательным средством для определения норм права; их роль аналогична роли судебных решений и доктрины. В силу того что они принимаются государствами, они имеют большее значение, чем судебные решения и доктрина. Цинь Я (Qin Ya) придерживалась иной точки зрения: резолюции Генеральной Ассамблеи, касающиеся внутренней структуры ООН и административных правил, могут становиться источником права международных организаций или международного административного права, а те, которые создают новые нормы международного права, – источником международного права. Резолюция, поддержанная главными политическими силами, может стать общеобязательной, даже если она не была принята единогласно (тот факт, что резолюция была принята большинством, не всегда означает ее общеобязательность) (1984). Аналогично, по мнению Чжоу Сяолина, некоторые резолюции Генеральной Ассамблеи ООН (особенно касающиеся прав и обязанностей государств, толкования Устава ООН и т. п.) отражают волю международного сообщества и обязывают государства; кроме того, резолюции могут подтверждать обычай, указывать направление развития права, быть начальной точкой в процессе правотворчества и влиять на формулировки будущих норм (1985).

II. Неравноправные договоры и *rebus sic stantibus*²

Китайская доктрина уделяла особое внимание проблеме неравноправных договоров. По мнению Чжоу Гэншэна, КНР – преемник Китая, но уже не полуколониальное государство. Как результат, КНР не связана обязательствами из неравноправных договоров, которые должны быть пересмотрены. До тех пор пока КНР не признает старый договор, ни одно иностранное государство не может предъявлять основанное на нем требование. Речь не идет о том, что эти договоры стали автоматически недействительными: в каждом отдельном случае необходимо выработать решение по поводу их признания или непризнания. По мнению Чэнь Тицяна, поскольку неравноправные договоры несовместимы с базовыми принципами суверенитета и равенства государств, современное международное право не требует их соблюдения.

¹ П. Юань подчеркивает избирательность оценки Китаем судебных решений. Так, Китай поддержал решение Международного суда ООН по делам о континентальном шельфе Северного моря, закрепившее концепцию естественного продолжения, и не поддержал арбитражное решение по делу о делимитации англо-французского шельфа, преуменьшившее значение принципа естественного продолжения (Yuan P. C. Op. cit. P. 37).

² Fry J. D., Huang Yining. Op. cit. P. 1019–1020; Chen Tiqiang. Op. cit. P. 22; Wang Tieya. Op. cit. P. 333–352.

Кроме того, классовый характер КНР радикально отличается от характера прежнего Китая; жизненно важные условия, существовавшие на момент заключения этих договоров, перестали существовать, в связи с чем они стали недействительными в силу принципа *rebus sic stantibus*.

Ван Тейя рассмотрел эту проблему подробно. Статья 55 Общей программы Китайской народной политической консультативной конференции 1949 г. гласит: «Центральное народное правительство КНР изучит договоры и соглашения, заключенные между Гоминьданом и иностранными правительствами, и признает, отменит, пересмотрит или перезаключит их в зависимости от их содержания»¹. Правительство КНР предприняло усилия по отмене привилегий, вытекающих из неравноправных договоров. Так, в 1950 г. Пекинская контрольная комиссия НОАК объявила о реквизиции казарм, принадлежавших США в Пекине. США сочли, что речь идет о нарушении ст. VII Протокола 1901 г. и ст. II Договора между США и Китаем 1943 г. Комиссия заявила, что казармы должны быть возвращены, так как неравноправные договоры, предусматривающие право размещения войск и оккупацию земли в Пекине, теперь отменены, а казармы подлежат реквизиции в силу необходимости. В комментарии *New China News Agency* от 18 января было указано, что Комиссия обязана выполнять Программу, а не неравноправные договоры. Статья 55 не указывает, являются ли данные договоры недействительными *ab initio* или же они просто оспоримы. Практика КНР подтверждает теорию о том, что они недействительны по своей природе; кроме того, это соответствует Венской конвенции 1969 г., предусматривающей недействительность договоров, заключенных под принуждением или противоречащих *jus cogens*. В практике КНР, тем не менее, есть исключения из правила о недействительности данных договоров *ab initio*. Так, в 1960 г. Китай и Бирма подписали договор о границе; при этом Китай согласился взять за основу границы, указанные в старых договорах с Великобританией. В 1969 г. правительство КНР объявило Айгунский и Пекинский договоры с Россией неравноправными, но во время переговоров 1964 г. Китай согласился рассматривать их как основу для урегулирования и не выдвигать требований о возврате захваченных территорий. Таким образом, КНР выделяет два признака неравноправных договоров (они заключены в результате применения силы или ее угрозы и нарушают принципы суверенитета и равенства) и считает, что они недействительны *ab initio* (но в особых случаях соглашается сохранять *status quo* до урегулирования в рамках переговоров).

Ван Тейя также рассмотрел принцип *rebus sic stantibus*, который многие китайские авторы считали основанием для прекращения неравноправных договоров. Китай часто ссылался на него в 20-х гг., требуя пересмотра некоторых договоров (например, с Бельгией). Данный принцип также имплицитно предусматривается ст. 55 Общей программы. Тем не менее в китайской практике есть мало примеров его использования. Один из них – Соглашение о Китайско-Чанчуньской железной дороге, Порт-Артуре и Дальнем между СССР и КНР 1950 г., в преамбуле которого было указано: «После 1945 года произошли коренные изменения в обстановке на Дальнем Востоке, а именно: империалистическая Япония потерпела поражение; реакционное гоминьдановское правительство было свергнуто; Китай превратился в народно-демократическую республику, создано новое, Народное Правительство, которое объединило весь Китай, осуществило политику дружбы и сотрудничества с Советским Союзом и доказало свою способность отстоять государственную независимость и территориальную целостность Китая, национальную честь и достоинство китайского народа. Президиум Верховного Совета СССР и Центральное Народное Правительство КНР считают, что эта новая обстановка дает возможность по-новому подойти к вопросу о КЧЖД, о Порт-Артуре и о Дальнем». В 1979 г. Китай использовал ссылку на изменившуюся международную обстановку при принятии решения о *непродлении* действия Китайско-советского договора о дружбе 1950 г. Чжоу Эньлай также ссылался на «исторические изменения» при подготовке договора о границе с Бирмой. Таким образом, правило *rebus sic stantibus* как дополнение к правилу *pacta sunt servanda* должно применяться лишь в исключительных случаях. Его нельзя использовать просто для оправдания нарушения договора. При правильном использовании оно не

¹ URL: <https://sourcebooks.fordham.edu/mod/1949-ccp-program.asp> (дата обращения: 01.03.2025).

будет представлять опасности для правила *pacta sunt servanda*, но, наоборот, будет дополнять его, и в совокупности они будут гарантировать святость договоров.

12. Международное и внутригосударственное право¹

Чжоу Гэншэн отвергал монизм, считая, что приоритет международного права противоречит принципу суверенитета; таким образом, эта теория обслуживает империализм. В свою очередь, дуализм переоценивает антагонистический аспект и игнорирует сотрудничество между международным и внутренним правом, основанное на том, что государства не только принимают внутреннее право, но и участвуют в принятии международного права (тезис Г. Трипеля. – В. Т.). Поэтому вопросы верховенства и антагонизма нерелевантны: «Если рассматривать вопрос о соотношении международного и внутреннего права как практический, то в конечном счете он является вопросом о том, как государство реализует международное право в своей внутренней сфере, то есть вопросом о выполнении его международно-правовых обязательств. Международное право по своей природе является обязательным для государства и не обязывает непосредственно его органы или население. Если внутреннее право противоречит международному праву, суд государства все равно должен его применить, но государство будет отвечать за нарушение международных обязательств. Поскольку государства признали нормы международного права, они обязаны привести свое внутреннее право в соответствие с международно-правовыми обязательствами. Вопрос о том, как выполнить это требование, зависит от усмотрения различных государств... До тех пор, пока государства серьезно относятся к своим международным обязательствам, отношения между международным и внутренним правом всегда можно согласовать».

Близкая позиция была высказана Ван и Вэй; по их мнению, монизм отрицает суверенитет и пытается заменить международное право «мировым правом», а сообщество государств – «мировым правительством». И далее: «Международное право и внутреннее право являются двумя системами права, или можно сказать, что международное право является особой системой права, отличающейся от внутреннего права... Однако, поскольку внутреннее право создается государствами, а международное право создается с участием государств, между двумя этими системами существуют тесные отношения взаимного проникновения и дополнения. В принципе, когда государства принимают внутреннее право, они должны учитывать требования международного права. Когда государства участвуют в создании международного права, они также должны рассматривать его с точки зрения внутреннего права. На практике существуют разные способы разрешения или избегания конфликта между международным и внутренним правом. Если государство принимает закон, который явно противоречит принципам, нормам, правилам или институтам международного права и тем самым ущемляет законное право и интерес другого государства, то он становится международным противоправным актом, поднимающим вопрос о международной ответственности. Речь при этом не идет о базовом противоречии между международным правом и внутренним правом».

Лю Фэнмин, не обсуждая дуализм и монизм, утверждает, что в случае конфликта международное право, как правило, должно превалировать над внутренним; но речь при этом идет о *современном* международном праве (а не о буржуазном). Данный вопрос, впрочем, лишен практического значения, поскольку КНР не примет обязательств, противоречащих принципам внутреннего права, и не примет закона, который будет противоречить ее международным обязательствам.

Конституция КНР 1982 г. не определила статус международного права в правовой системе КНР. Некоторые законы, однако, закрепили правило о приоритете положений договоров, за исключением тех, к которым КНР сделала оговорку (ст. 189 Закона о гражданском судопроизводстве 1982 г., ст. 142 Основ гражданского законодательства 1986 г. и др.). Для реализации договора иногда принимался специальный акт (трансформация): примеры – Закон о товарных знаках 1982 г., запрещающий использование знака красного креста или полумесяца в товарных знаках (ст. 53 Женевской конвенции I), и Положение о дипломатических привилегиях и иммунитетах 1986 г. (Венская

¹ *Hungdah Chiu*. Chinese Attitudes. P. 1145–1151; *Idem*. Chinese Views on Sources... P. 289–307; *Wang Tiejia*. Op. cit. P. 326–333.

конвенция 1961 г.). Некоторые акты закрепили отсылку к договорам (инкорпорация), например, ст. 24 Положения 1986 г. отсылала к конвенциям с участием Китая для решения вопроса о статусе представителей иностранных государств, приехавших в Китай для участия в конференциях под эгидой ООН.

Ли Хаопэй в связи с этим делает вывод о приоритете договоров над внутренним правом, не указывая, однако, распространяется ли он на законы, не содержащие соответствующую оговорку (1986). По мнению Ван Тейи, законы и договоры имеют одинаковую силу, поскольку процедуры их принятия/заключения схожи; некоторые законы предусматривают приоритет международных договоров, но речь идет о конкретных сферах; в целом существует тенденция, направленная на предоставление договорам приоритета над законами.

В целом, несмотря на критику китайскими авторами концепции дуализма, китайский подход можно охарактеризовать как строгий дуализм, допускающий применение международного права лишь в специально оговоренных случаях.

13. Вклад Китая в международное право¹

В качестве вклада Китая в развитие международного права китайские авторы рассматривали Пять принципов мирного сосуществования, Десять принципов Бандунгской конференции 1955 г., Восемь принципов помощи Китая зарубежным странам и принцип антигегемонизма.

Пять принципов (*Панча Шила*) были сформулированы Чжоу Эньлаем и закрепились в Соглашении между КНР и Индией о торговле и сношениях между Тибетским регионом Китая и Индией 1954 г. Речь идет о следующих принципах: 1) взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета, 2) взаимное ненападение (*non-aggression*), 3) взаимное невмешательство во внутренние дела, 4) равенство и взаимная выгода, 5) мирное сосуществование. В своем совместном заявлении премьер-министры Китая и Индии указали, что они должны применяться не только в Азии, но и в других частях света. В дальнейшем они были закреплены в ряде совместных заявлений (в том числе с СССР и США), договоров и резолюций и повлияли на содержание Бандунгской декларации 1955 г., Декларации о принципах 1970 г. и документов Нового международного экономического порядка.

По мнению Чэнь Тицяна, каждый из Пяти принципов существовал до этого и был придуман не КНР; беспрецедентным и крайне важным было их объединение в систему. В связи с этим они приобрели значение, отличающееся от значения принципов XIX в. Так, принцип уважения суверенитета отличается от принципа суверенитета, предоставлявшего сильным державам абсолютную свободу действий; в соответствии с ним нельзя посягать на территорию государства, каждый народ имеет право выбирать свою экономическую, социальную и политическую систему, угнетенные нации имеют право на освобождение. Слова «взаимное уважение» означают, что суверенитет всех государств должен уважаться, а суверенитет одного государства ограничен равным суверенитетом других (речь при этом не идет о доктрине «ограниченного суверенитета», предполагающей подчинение одних государств другим).

Принцип равенства, в свою очередь, требует не только формального равенства, но и равенства по существу. Иногда формальное равенство используется для прикрытия реального неравенства: формулировки договора содержат взаимные и одинаковые обязательства, но на самом деле преимущества получает более сильная сторона (пример – торговое соглашение между США и Гоминьданом 1946 г.). Вместе с тем реальное равенство иногда достигается за счет формального неравенства (например, НМЭП предполагает предоставление преференций развивающимся странам). В силу принципа равенства каждый член международной организации должен иметь один голос; наличие сразу трех голосов (намек на СССР) – совершенно неразумно.

По мнению Ван Тейи, дополняя принципы Устава ООН, Пять принципов «представляют собой первую попытку установить и развить принципы, на которых основаны международные отношения». Возникнув как принципы азиатской доктрины, они распространились на другие части света. Как и другие принципы, они являются не нормами, применимыми к конкретным делам, но абстракциями наивысшего уров-

¹ Yuan P. C. Op. cit. P. 16–17, 19–21; Chen Tiqiang. Op. cit. P. 23–29; Wang Tieya. Op. cit. P. 263–287; Zhipeng He, Lu Sun. A Chinese Theory of International Law. Singapore: Springer, 2020. P. 146–147.

ня, из которых вытекают все остальные нормы; они налагают общие обязательства и предоставляют критерии для других норм. Они, таким образом, образуют фундамент системы международного права. Некоторые авторы считают, что они не содержат ничего нового, но их провозглашение представляет собой важный вклад в развитие международного права: во-первых, впервые пять принципов были собраны в единую систему; во-вторых, они делают акцент на концепции взаимности, предполагающей ограниченный характер суверенитета; в-третьих, связав равенство и взаимную выгоду, они соединили юридическое и экономическое равенство и, таким образом, придали равенству содержательный, а не формальный характер. Данные принципы походят на *jus cogens*, но в отличие от последних применяются не только к договорам, но и к любым актам государства, и не развиваются на основе практики государств и судов, а прямо закреплены в Уставе ООН и других важных документах.

По мнению Чжипэн и Лу, приверженность Китая этим принципам связана с тремя обстоятельствами: во-первых, Китай хотел подать знак другим странам, боявшимся экспорта китайской революции; во-вторых, они отражают суть китайской философии, для которой самыми важными являются ценности мира и гармонии; в-третьих, они были разработаны под влиянием советской доктрины и, в частности, работ Тункина (СССР, однако, не использовал их на практике и не закреплял их в нормативных документах).

Десять принципов были сформулированы на Азиатско-африканской (Бандунгской) конференции, созванной по приглашению Бирмы, Цейлона, Индии, Индонезии и Пакистана (1955). Конференция стала важным шагом в борьбе с колониализмом, создании Движения неприсоединения и укреплении сотрудничества между развивающимися государствами. Помимо государств-инициаторов, в ней приняли участие 24 государства, в том числе КНР. Десять принципов рассматриваются китайской доктриной как следствие и развитие Пяти принципов.

Восемь принципов помощи Китая зарубежным странам были сформулированы Чжоу Энлаем в его отчете о визите в 14 дружественных стран (1964). К ним относятся следующие принципы: 1) оказывать помощь в соответствии с принципом равенства и взаимной выгоды; 2) строго уважать суверенитет государства-получателя, не выдвигая никаких условий и не требуя особых привилегий; 3) предоставлять финансовую помощь по разумным процентным ставкам; 4) помогать государству-получателю на пути к самодостаточности и независимости, а не создавать зависимость от Китая; 5) осуществлять только те строительные проекты, которые требуют минимальных инвестиций, могут быть реализованы в кратчайшие сроки и позволят государству-получателю увеличить его доход; 6) гарантировать, что Китай будет поставлять оборудование и материалы высочайшего качества по мировым ценам; 7) гарантировать, что персонал государства-получателя приобретет необходимые навыки; 8) требовать, чтобы китайские специалисты получали только такое материальное обеспечение, которое получают специалисты государства-получателя; любые особые требования или льготы запрещены. Эти принципы беспрецедентны по своей щедрости и бескорыстию и являются конкретным выражением Пяти принципов. Их принятие Китаем продиктовано его приверженностью пролетарскому интернационализму. Чем быстрее развивающиеся страны достигнут экономической независимости, тем больше шансов сохранить мир во всем мире.

Принцип антигегемонизма был сформулирован Мао в статье «Памяти Сун Ятсена» (1956); по его словам, Китай намерен полностью устранить великодержавный шовинизм в китайской внешней политике и выступает против притеснения слабых наций сильными. Данный принцип был закреплен в Китайско-японском совместном коммюнике 1972 г., Китайско-японском договоре о мире и дружбе 1978 г., Коммюнике об установлении дипломатических отношений между США и КНР 1979 г. и в Китайской конституции 1978 г. (преамбула: «Наша страна никогда не будет стремиться к установлению гегемонии или к превращению в супердержаву»)¹. Данный принцип направлен против угрозы миру со стороны сверхдержав, в том числе СССР, который оккупировал Чехословакию в 1968 г., Афганистан в 1970 г., подстрекал Вьетнам к вторжению в Камбоджу и поставил Лаос под контроль Вьетнама.

¹ Конституционные акты Китая: хрестоматия / сост. Д. В. Кузнецов. Благовещенск: Благовещенский гос. пед. ун-т, 2014. С. 107.

Заключение

Накамура Хадзимэ выделяет такие свойства китайского мышления, как акцент на восприятии конкретного, неразвитость абстрактного мышления, почитание прошлого, пристрастие к сложной множественности (следует воспринимать разнообразие и не размышлять о всеобщей справедливости), практичность, уважение к иерархии, уважение к природе, примиряющие и гармонизирующие тенденции и др.¹ Все эти свойства проявляются и в китайских работах по международному праву. Особенности этих работ выглядят следующим образом.

1. *Лояльность по отношению к государству.* Китайские ученые редко критикуют свое правительство и, наоборот, стараются оправдать его действия при помощи правовых аргументов. В некоторых случаях они, однако, констатируют проблему, из чего можно предположить, что власти не уделили ей достаточно внимания (либо что данная проблема вызвана иными обстоятельствами). Они также проявляют осторожность при освещении острых политических вопросов, таких как отделение Монголии, статус Тибета и т. п.: данные вопросы освещаются лаконично и односторонне, их оценка внешними наблюдателями может квалифицироваться как вмешательство.

Такая лояльность часто объясняется *тоталитарным давлением*; она, однако, скорее связана с особым социальным статусом китайского ученого, никогда не претендовавшего на интеллектуальную независимость от государства и тем более на оппонирование ему. Любая системная оппозиция предполагает классовый антагонизм; китайская же интеллигенция никогда не образовывала отдельного класса, но всегда входила в правящий класс; важной частью карьеры ученого была сдача экзамена на доступ к госслужбе². Каналами для выхода критической энергии в китайском обществе выступали восстания, заговоры или закрытая дискуссия, но не академическая трибуна.

2. *Отсутствие претензий на оригинальность.* Китайские ученые редко формулируют новые закономерности, ограничиваясь изложением схоластического материала, комментированием инициатив правительства и описанием правовой материи, часто с использованием *длинных перечней* (договоров, принципов и т. д.). Наиболее важные «открытия» – концепции согласования воли, мирного сосуществования и т. д. – были заимствованы, по крайней мере частично, у советских авторов. Китайские ученые также не стремятся отвечать на вопросы, не имеющие однозначного решения, например о юридической силе договоров в правовой системе КНР.

Данная особенность связана и с особым социальным статусом китайского ученого. Конечно, он *должен* заниматься наукой; его главная цель, однако, состоит не в том, чтобы установить истину, а в том, чтобы дать совет своему правительству и помочь своему народу. Для этого не требуется оригинальность; более того, она может оказаться *вредной*. Другая причина – влияние конфуцианства с его ностальгией по прошлому: конфуцианский ученый, конечно, надеется на лучшее будущее, однако он исходит из того, что оно возможно только при условии следования старым образцам (а не при помощи изобретения новых).

3. *Отсутствие критики и публичной дискуссии.* Китайские ученые подчеркнута вежливы по отношению к коллегам и редко ставят под сомнение их точку зрения (что не мешает им формулировать свою, отличающуюся точку зрения). Данная сдержанность отчасти компенсируется нападками на оппонентов из стран Запада и СССР. В более

¹ Nakamura Hajime. *Ways of thinking of eastern peoples.* India. China. Tibet. Japan. Honolulu: University of Hawaii Press, 1964. P. 175–296.

² «Во времена империи литераторы почти всегда сдавали экзамены и поэтому были, как правило, классиками и консерваторами. Большинство великих достижений китайской литературы было создано в этих рамках принятия социального порядка и центральной власти. Ни монастырские святыни, ни столкновение сектантских верований, ни разделение между церковью и государством не могли, как в Европе, породить разнообразие. Ученость в основном оставалась в официальных руслах... В современную эпоху эта традиция привела к двум последствиям. Во-первых, китайские ученые XIX века медленно принимали иностранные идеи и начинали процесс реформ. Во-вторых, когда старый порядок все-таки рухнул, дух национализма был настолько силен, что и реформаторы, и контрреволюционеры среди интеллигенции были в основном преданы „спасению Китая“. Они по-прежнему ориентировались на государство. Эта ориентация имела свои противоречия, поскольку роль ученого-чиновника всегда была двойной: не только заботиться об императорском управлении, но и консультировать правителя, а в случае необходимости – спорить с ним о политике» (Fairbank J. K., Goldman M. *Op. cit.* P. 361).

общем плане можно говорить о *дефиците дискуссии*, т. е. свободного обсуждения двух и более точек зрения, с подробным анализом каждой из них и с подведением итогов. Те дискуссии, которые транслируются китайскими авторами, в основном носят политический, а не юридический характер.

Данный феномен можно объяснить следующим образом. Во-первых, будучи бюрократом, китайский ученый не стремится опровергать взгляды своих коллег; он может делать это только *ad hoc*, при принятии конкретного решения, но не на системной основе. Во-вторых, в конфуцианской культуре критика обращена *против субъекта* и угрожает социальной гармонии; в западной же культуре она обращена *на объект* (позволяет увидеть его с другой стороны и установить истину во всей ее полноте). В-третьих, любая критика возможна только в отношении акцентированной позиции; китайский же дискурс является довольно общим и осторожным (в нем трудно найти объект для критики).

4. *Структурированность доктрины*. Данная особенность проявляется в *гомогенности* научного дискурса, т. е. в использовании общих подходов и стиля, регулярном цитировании коллег, распространенности компедиумов и др.; в *иерархичности академических отношений*, т. е. в подчеркивании научной преемственности, особом характере отношений между учителем и учеником, зависимости между правом на самостоятельное мнение и научным статусом (признанные авторитеты могут позволить себе большую смелость); в *отказе от претензий на оригинальность* и в *отсутствии внутренних научных конфликтов* (дискуссий), о чем речь шла выше.

Эту особенность также можно объяснить особым статусом ученого, политической функцией правовой доктрины и закрытостью научной корпорации. Немалое значение имеет и сугубо китайский феномен *гуаньси*, который можно определить как систему неформальных связей, предполагающих заботу о репутации участников, бытовые ритуалы (подарки, совместные трапезы) и обязательства поддержки¹. Будучи перенесенным в академическую среду, *гуаньси* генерирует *научную солидарность*, являющуюся достоинством и недостатком одновременно, а в более широком плане – ориентирует на постоянное взаимодействие с коллегами.

5. *Неразвитость абстрактного мышления*. Такие категории, как «воля», «порядок» и т. п., воспринимаются китайской доктриной не как самостоятельные категории, а как атрибуты конкретной реальности, находящиеся в динамическом соотношении с другими атрибутами (классовыми интересами, историческими фактами и др.). Они не уточняются, не подвергаются тонким логическим манипуляциям (например, расчленению на элементы или анализу в вымышленном контексте), не используются как критерии систематизации, но в основном выполняют описательную функцию². Инструментализм китайской доктрины в связи с этим можно объяснить просто *вниманием к обстоятельствам*.

Причина – отсутствие метафизического восприятия, выделяющего физический и идеальный уровни реальности и развитого в Европе под влиянием греческой философии и христианства. Действительно, западный юрист видит право как совокупность абстрактных идей (*эйдосов*), которые обладают самостоятельным бытием, стоят *выше* общественных отношений и отвечают за их организацию (*логос*). Китайской культуре такое видение чуждо; главная причина, вероятно, состоит в *отсутствии в ней Бога* как структурирующего начала. Это не предполагает дефицит нормативности; просто эта нормативность – иного порядка: она вытекает из повторяемости истории, социального устройства, ощущения гармонии и решений меритократов. Именно эти феномены и являются *подлинными* источниками китайского права.

¹ Гуриева С. Д., Джимиев П. Р. Социально-психологический феномен «гуаньси» как регуляторная функция поддержания социального капитала группы современного китайского общества // Современные технологии управления. 2021. № 4; Луцкая Е. Е., Леонтьев С. В., Лю Вэй. Китайская система взаимоотношений «гуаньси» и ее влияние на деловую этику и организационное поведение // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 4. С. 282–295.

² Примером может служить использование концепции *rebus sic stantibus*: китайские авторы не пытаются разобрать ее на составные элементы (непредвидимость, непредотвратимость и т. д.) и применить каждый из них к договорам с участием Китая; вместо этого они просто констатируют изменения, произошедшие с их страной и миром. Аналогично при рассмотрении неравноправных договоров они не пытаются доказать, почему неравенство обязательств как таковое угрожает порядку или влечет за собой порок воли, вместо этого прибегая к моральным оценкам.

6. *Неразвитость юридического языка.* Китайские авторы редко тщательно работают с текстом нормы или используют западные техники толкования (телеологическое, эволютивное и пр.). Причина – особая структура китайского языка, которая ориентирует на использование иных средств толкования (например, направленных на установление значения *топика*¹) либо в принципе не предполагает устранения двусмысленности *in abstracto* (уточнение осуществляется в самом процессе предусмотренного в высказывании действия)². Как и в предыдущем случае, речь идет не о *неразвитости* китайского языка, а о *неприменимости* его структуры к текстам на европейских языках.

Китайским исследованиям в сфере международного права также свойственны стилистические особенности, характеризующие китайскую литературу в целом: *драматические метаморфозы* (трансформация Китая из нищей страны в сверхдержаву и т. п.); *парадоксы* (Китай является и не является частью третьего мира); *полутона и недосказанности*, отражающие реальность как она есть (пример – неполный анализ совместных заявлений у Ван Тейи)³; *метафоры*, выполняющие эвристическую, аргументационную и декоративную функции⁴; *длинные перечни*, отражающие преобразование количества в качество; *морализаторство* (альтернативная нормативность) и др.

7. *Узкая перспектива.* Китайская доктрина сосредоточена на самом Китае и мало интересуется другими странами. Сталкиваясь с необходимостью оценки проблем, имеющих место в других частях света, китайские авторы склонны анализировать их через призму китайского опыта, предлагая для их урегулирования решения, выработанные для Китая. В более широком плане речь идет о недостатке сравнительной перспективы, позволяющей определить место самого Китая в современном глобальном порядке. Возможно, именно поэтому работы западных авторов, посвященные китайскому праву, часто выглядят интересней и глубже, чем работы собственно китайских авторов.

Данная особенность объясняется отмеченным дефицитом метафизического восприятия (китайские авторы порой не замечают *начал*, объединяющих исторические и юридические факты), длительной культурной изоляцией и вытекающей отсюда *синоцентричностью*, определенной расстановкой политических и научных приоритетов («перед тем как приглашать гостей, необходимо убраться в доме»⁵), неразвитостью азиатского регионального порядка и часто – просто недостатком информации.

8. *Внешние влияния.* Китайская доктрина испытала влияние нескольких иностранных доктрин. Данный факт не опровергает тезиса о закрытости перспективы, но, наоборот, подтверждает его: широкая рецепция чужого опыта возможна лишь тогда, когда этот опыт длительное время отторгался.

Во-первых, еще в XIX в. на китайский язык был переведен классический труд Э. де Ваттеля. Его подход, основанный на сочетании рациональных и естественно-правовых идей, однако, к тому времени уже устарел.

Во-вторых, старшее поколение китайских ученых (Чжоу Гэншэн и др.) сформировалось под влиянием европейских реформаторов, стремящихся при помощи международного права объединить народы в одну большую семью.

¹ В *топиковых* языках предложения часто начинаются с темы («старой» информации) и заканчиваются комментарием («новой» информацией). См.: Li Ch. N., Thompson S. A. Mandarin Chinese: A Functional Reference Grammar. Berkeley: University of California Press, 1989. P. 15.

² Данная особенность проявляется и в законодательной технике. Например, ст. 8 Закона о внешних сношениях КНР 2023 г. гласит: «Любая организация или частное лицо, совершающие действия, наносящие ущерб национальным интересам Китая, в нарушение настоящего Закона и других применимых законов в ходе международных обменов, должны быть привлечены к ответственности по закону». Практически каждое существительное в этом предложении не является точным; значение данной нормы, таким образом, состоит не в регулировании отношений, а в создании топика, направляющего правоприменительную деятельность.

³ Данная особенность хорошо раскрыта в традиционной живописи *гохуа*, где наряду с четко прорисованными контурами присутствуют размытые объекты и пустые пространства.

⁴ Пример: «...Китай невежественно появился на мировой арене, не имея базового представления о Западе, и беспомощно смирился с тем, что он – рыба или мясо, а другие – нож или разделочная доска» (Zhipeng He, Lu Sun. Op. cit. P. 101).

⁵ Xue Hanqin. Chinese Perspectives on International Law: History, Culture and International Law // Collected Courses of the Hague Academy of International Law. Vol. 355. 2012. P. 26.

В-третьих, фундаментом китайской доктрины стали концепции, разработанные советскими учеными; некоторые из них были впоследствии скорректированы (идея мирного сосуществования и др.).

В-четвертых, поскольку советская доктрина во многом опиралась на идеи немецких позитивистов XIX в. (Г. Трипеля и др.), китайская доктрина также заимствовала их (через «вторые руки»).

В-пятых, китайская доктрина испытала значительное влияние англосаксонской доктрины (факт, который часто недооценивается). Еще в XIX в. на китайский язык был переведен курс Г. Уитона. В 20–30-х гг. XX в. многие молодые ученые получили образование в Великобритании и США (их опыт повторяют современные ученые). В 50-х гг. на китайский были переведены работы Л. Оппенгейма, Э. Сатоу («Руководство по дипломатической практике»), А. Хиггинс («Международное морское право») и др. Как ни странно, английский и китайский подходы имеют некоторое сходство, состоящее в недоверии к метафизике: китайским ученым в связи с этим более понятны доводы английских авторов, основанные на анализе отношений, чем абстрактные построения немецких и советских юристов. Есть и важное отличие: английская доктрина не стремится к гармонии, но, наоборот, презюмирует конфликт интересов, делая его отправной точкой для построения аргументации.

В целом китайская доктрина международного права выглядит уникальным и интересным артефактом. С одной стороны, она воспроизводит многие западные идеи; с другой стороны, она содержит элементы традиционной китайской культуры. Вопрос о перспективах ее развития и ее возможном влиянии на глобальный порядок в связи с этим остается открытым.

Список литературы

Галенович Ю. М. Россия в «китайском зеркале». Трактровка в КНР в начале XXI века истории России и русско-китайских отношений. М.: Восточная книга, 2011. 416 с.

Гуриева С. Д., Джимиев П. Р. Социально-психологический феномен «гуаньси» как регуляторная функция поддержания социального капитала группы современного китайского общества // Современные технологии управления. 2021. № 4.

История дипломатии / под ред. А. А. Громыко: в 5 т. Т. 5. Кн. 2. М.: ИПЛ, 1979. 766 с.

Конституционные акты Китая: хрестоматия / сост. Д. В. Кузнецов. Благовещенск: Благовещенский гос. пед. ун-т, 2014. 190 с.

Кудашев Р. Ш. Записки переводчика СССР и КНР // Вопросы истории. 2002. № 12. С. 136–144.

Луцкая Е. Е., Леонтьев С. В., Лю Вэй. Китайская система взаимоотношений «гуаньси» и ее влияние на деловую этику и организационное поведение // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 4. С. 282–295.

Толмачев Ю. О. Китайско-индийский пограничный конфликт в 1962 году // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2016. № 2. С. 72–81.

Чжун Ж. Индо-Китайская война 1962 г. и послевоенное урегулирование // Национальная безопасность. 2014. № 5. С. 739–759.

Anghie A. The Evolution of International Law: Colonial and Postcolonial Realities // Third World Quarterly. 2006. Vol. 27. No. 5. P. 739–753.

Björn Ahl. Die Anwendung völkerrechtlicher Verträge in China // Beiträge zum ausländischen öffentlichen Recht und Völkerrecht. Band 207. 2009. P. 383–395.

Carrai M. A. Sovereignty in China. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. 298 p.

Chen Tiqiang. The People's Republic of China and Public International Law // Dalhousie Law Journal. 1984. Vol. 8. No. 1. P. 8–31.

Chesterman S. Asia's Ambivalence about International Law and Institutions: Past, Present and Futures // European Journal of International Law. 2017. Vol. 27. No. 4. P. 945–978.

Fairbank J. K., Goldman M. China: a New History. Harvard: Belknap Press, 2006. 560 p.

Fry J. D., Huang Yining. The Semisecret Life of Late Mao-Era International Law Scholarship // Pace Law Review. 2019. Vol. 39. No. 2. P. 991–1057.

Goldstein L. J. Return to Zhenbao Island: Who Started Shooting and Why it Matters // China Quarterly. 2001. No. 168. P. 985–997.

Hoffheimer D. J. China and the International Legal Order: An Historical Introduction // Case Western Reserve Journal of International Law. 1979. Vol. 11. P. 251–266.

Hungdah Chiu. Chinese Attitudes toward International Law in the Post-Mao Era, 1978–1987 // International Lawyer. 1987. Vol. 21. No. 4. P. 1127–1166.

Hungdah Chiu. Chinese Views on Sources of International Law // Harvard International Law Journal. 1987. Vol. 28. No. 2. P. 289–307.

Ji Li. The Evolving Rule of Law with Chinese Characteristics and Its Impacts on the International Legal Order // *UC Irvine Journal of International, Transnational and Comparative Law*. 2023. No. 8. P. 151–173.

Li Ch. N., Thompson S. A. *Mandarin Chinese: A Functional Reference Grammar*. Berkeley: University of California Press, 1989. 691 p.

Nakamura Hajime. *Ways of thinking of eastern peoples. India. China. Tibet. Japan*. Honolulu: University of Hawaii Press, 1964. 712 p.

Wang Tiewa. *International Law in China: Historical and Contemporary Perspectives* // *Collected Courses of the Hague Academy of International Law*. Vol. 221. 1990. P. 199–369.

Xue Hanqin. *Chinese Perspectives on International Law: History, Culture and International Law* // *Collected Courses of the Hague Academy of International Law*. Vol. 355. 2012. P. 41–234.

Yuan P. C. *China's Challenge to Traditional International Law: An Exposition and Analysis of Chinese Views and Behaviour in International Law and Politics* // *Dalhousie Law Journal*. 1987. Vol. 10. No. 3. P. 9–42.

Zewei Yang. *The People's Republic of China and the Development of Contemporary International Law: Review and Prospects* // *Journal of East Asia and International Law*. 2020. Vol. 13. No. 2. P. 337–358.

Zhipeng He, Lu Sun. *A Chinese Theory of International Law*. Singapore: Springer, 2020. P. 177–187.

References

Anghie A. (2006) *The Evolution of International Law: Colonial and Postcolonial Realities*. In *Third World Quarterly*, vol. 27, no. 5, pp. 739–753.

Björn Ahl (2009) *Die Anwendung völkerrechtlicher Verträge in China*. In *Beiträge zum ausländischen öffentlichen Recht und Völkerrecht*, Band 207, pp. 383–395.

Carrai M. A. (2019) *Sovereignty in China*. Cambridge, Cambridge University Press, 298 p.

Chen Tiquang (1984) *The People's Republic of China and Public International Law*. In *Dalhousie Law Journal*, vol. 8, no. 1, pp. 8–31.

Chesterman S. (2017) *Asia's Ambivalence about International Law and Institutions: Past, Present and Futures*. In *European Journal of International Law*, vol. 27, no. 4, pp. 945–978.

Chzhun Zh. (2014) *Indo-Kitaiskaya voyna 1962 g. i poslevoennoe uregulirovanie* [The Indo-China War of 1962 and the post-war settlement]. In *Natsional'naya bezopasnost'*, no. 5, pp. 739–759.

Fairbank J. K., Goldman M. (2006) *China: a New History*. Harvard, Belknap Press, 560 p.

Fry J. D., Huang Yining (2019) *The Semisecret Life of Late Mao-Era International Law Scholarship*. In *Pace Law Review*, vol. 39, no. 2, pp. 991–1057.

Galenovich Yu. M. (2011) *Rossiya v «kitaiskom zerkale». Traktovka v KNR v nachale XXI veka istorii Rossii i russko-kitaiskikh otnoshenii* [Russia in the «Chinese mirror». Interpretation of Russian History and Russian-Chinese Relations in China at the Beginning of the XXI century]. Moscow, Vostochnaja kniga, 416 p.

Goldstein L. J. (2001) *Return to Zhenbao Island: Who Started Shooting and Why it Matters*. In *China Quarterly*, no. 168, pp. 985–997.

Gromyko A. A. (Ed.) (1979) *Istoriya diplomatii: v 5 t. T. 5. Kn. 2* [History of diplomacy: in 5 volumes. Vol. 5. Book 2]. Moscow, IPL, 766 p.

Gurieva S. D., Dzhimiev P. R. (2021) *Sotsial'no-psikhologicheskii fenomen «guan'si» kak regul'yatornaya funktsiya podderzhaniya sotsial'nogo kapitala gruppy sovremennogo kitaiskogo obshchestva* [The socio-psychological phenomenon of «guanxi» as a regulatory function of maintaining the social capital of a group of modern Chinese society]. In *Sovremennye tekhnologii upravleniya*, no. 4.

Hoffheimer D. J. (1979) *China and the International Legal Order: An Historical Introduction*. In *Case Western Reserve Journal of International Law*, vol. 11, pp. 251–266.

Hungdah Chiu (1987) *Chinese Attitudes toward International Law in the Post-Mao Era, 1978–1987*. In *International Lawyer*, vol. 21, no. 4, pp. 1127–1166.

Hungdah Chiu (1987) *Chinese Views on Sources of International Law*. In *Harvard International Law Journal*, vol. 28, no. 2, pp. 289–307.

Ji Li (2023) *The Evolving Rule of Law with Chinese Characteristics and Its Impacts on the International Legal Order*. In *UC Irvine Journal of International, Transnational and Comparative Law*, no. 8, pp. 151–173.

Kuznetsov D. V. (Ed.) (2014) *Konstitutsionnye akty Kitaya: khrestomatiya* [Constitutional Acts of China: textbook]. Blagoveshensk, Blagoveshchenskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 190 p.

Kudashev R. Sh. (2002) *Zapiski perevodchika SSSR i KNR* [Notes of a translator of the USSR and the PRC]. In *Voprosy istorii*, no. 12, pp. 136–144.

Li Ch. N., Thompson S. A. (1989) *Mandarin Chinese: A Functional Reference Grammar*. Berkeley, University of California Press, 691 p.

Luts'kaya E. E., Leont'ev S. V., Lyu Vei (2017) *Kitaiskaya sistema vzaimootnoshenii «guan'si» i ee vliyaniye na delovuyu etiku i organizatsionnoye povedeniye* [China's guanxi relationship system and

its impact on business ethics and organisational behaviour]. In *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*, no. 4, pp. 282–295.

Nakamura Hajime (1964) *Ways of thinking of eastern peoples. India. China. Tibet. Japan*. Honolulu, University of Hawaii Press, 712 p.

Tolmachev Yu. O. (2016) *Kitaisko-indiiskii pogranichnyi konflikt v 1962 godu* [Sino-Indian border conflict in 1962]. In *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S. A. Esenina*, no. 2, pp. 72–81.

Wang Tiewa (1990) *International Law in China: Historical and Contemporary Perspectives*. In *Collected Courses of the Hague Academy of International Law*, vol. 221, pp. 199–369.

Xue Hanqin (2012) *Chinese Perspectives on International Law: History, Culture and International Law*. In *Collected Courses of the Hague Academy of International Law*, vol. 355, pp. 41–234.

Yuan P. C. (1987) *China's Challenge to Traditional International Law: An Exposition and Analysis of Chinese Views and Behaviour in International Law and Politics*. In *Dalhousie Law Journal*, vol. 10, no. 3, pp. 9–42.

Zewei Yang (2020) *The People's Republic of China and the Development of Contemporary International Law: Review and Prospects*. In *Journal of East Asia and International Law*, vol. 13, no. 2, pp. 337–358.

Zhipeng He, Lu Sun (2020) *A Chinese Theory of International Law*. Singapore, Springer, pp. 177–187.

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.11.2024

Дата принятия рукописи в печать: 25.03.2025

ДОГОВОР О ЗАПРЕЩЕНИИ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ: ЗАКРЕПЛЕНИЕ РЕЖИМА И СТАНОВЛЕНИЕ МЕХАНИЗМА

Синякин Иван Игоревич

Доцент кафедры международного права Московского государственного института международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент (Москва),
ORCID: 0000-0002-8899-4219, e-mail: ilc48@mail.ru.

Настоящая работа продолжает исследование, начатое в статье «Договор о запрещении ядерного оружия: введение в проблематику» (2024. № 6. С. 5–12). Автор предлагает международно-правовой анализ ключевых положений Договора 2017 г. с позиции основ права международной безопасности (в системной связи с Уставом ООН 1945 г. и Договором о нераспространении ядерного оружия 1968 г.) и права международных договоров. В процессе анализа выявляются явные пробелы, противоречия и несостыковки как с существующим режимом нераспространения ядерного оружия и обязательствами ядерных держав, так и с отдельными положениями самого Договора 2017 г. Низкая юридическая эффективность норм и невысокое качество всего международного режима обусловлены не только отсутствием среди разработчиков текста ядерных держав, но и явно неудачной попыткой искусственно соединить в рамках Договора различные нормы действующих режимов ядерного, химического и бактериологического нераспространения. В результате автор приходит к выводу, что даже присоединение к Договору 2017 г. стран, de jure и de facto обладающих ядерным оружием, не сможет обеспечить гарантированное ядерное разоружение.

Ключевые слова: Договор о запрещении ядерного оружия, поддержание международного мира и безопасности, право международных договоров, режим, механизмы

Для цитирования: Синякин И. И. Договор о запрещении ядерного оружия: закрепление режима и становление механизма // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2025. № 2. С. 31–41. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2025_2_31.

TREATY ON THE PROHIBITION OF NUCLEAR WEAPONS: CONSOLIDATION OF THE REGIME AND ESTABLISHMENT OF THE MECHANISM

Sinyakin Ivan

Associate professor, Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia, candidate of legal sciences (Moscow), ORCID: 0000-0002-8899-4219, e-mail: ilc48@mail.ru.

The present work continues the research started in the article «The Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons: introduction to the problem» (2024, no. 6, pp. 5–12). The author provides an international legal analysis of the key provisions of the 2017 Treaty from the perspective of the fundamentals of international security law (in systemic connection with the UN Charter of 1945 and the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons of 1968) and law of treaties. In the course of the analysis, the author identifies clear gaps, contradictions and inconsistencies both with the existing nuclear non-proliferation regime and the obligations of nuclear states, as well as with specific provisions within the 2017 Treaty itself. The low legal effectiveness of the norms and the quality of the entire international regime are attributed not only to the absence of nuclear states among the drafters of the text but also to a clearly unsuccessful attempt to artificially integrate various norms from the existing regimes of nuclear, chemical and biological non-proliferation within the framework of the treaty. As

a result, the author concludes that even the accession of de jure and de facto nuclear states to the 2017 Treaty will not ensure guaranteed nuclear disarmament.

Key words: Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons, maintaining of international peace and security, law of treaties, regime, mechanisms

*For citation: Sinyakin I. (2025) Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons: consolidation of the regime and establishment of the mechanism. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 2, pp. 31–41, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2025_2_31.*

Как говорилось ранее¹, фундаментальный характер закрепляемых отдельными международными договорами (прежде всего Уставом ООН 1945 г. и Договором о нераспространении ядерного оружия 1968 г., далее – ДНЯО) положений требует особого внимания при любых изменениях данных договоров и тем более при их замене. Полагаем, что Договор о запрещении ядерного оружия 2017 г. (далее – ДЗЯО), призванный заменить Договор 1968 г., не может считаться «надлежащей заменой».

Главное обязательство государств-участников ДЗЯО сформулировано в ст. 1, текст которой использует уже известные по договорам о запрещении и ограничении оружия массового уничтожения шаблонные формулировки. Так, п. «а» аналогичен положениям ст. 1 конвенций о запрещении бактериологического и химического оружия, пп. «b», «с», «е», «f» полностью взяты из ст. 1 и 2 Договора о нераспространении ядерного оружия 1968 г. Пункт «g» выдержан в формулировках договоров о безъядерных зонах, а положения п. «d» – дополнительных протоколов к этим договорам. Такое повторение, с одной стороны, избыточно, поскольку эти положения и так являются частью общего международного права, а с другой стороны, прямо указывает на стремление разработчиков ДЗЯО заменить ДНЯО, иными словами, подтверждает несовместимость этих договоров (подробнее см. ниже – ст. 18 ДЗЯО).

Существует мнение, что ДЗЯО, запрещая любое применение ядерного оружия, тем самым включает его применение в число военных преступлений, таких как применение химического или бактериологического оружия; при этом, правда, его применение государствами и против государств, не участвующих в ДЗЯО, остается правомерным². Подобный «дуализм» не просто нехарактерен для самой идеи международного преступления, но и противоречит ей: противоправность подобных действий объективна (не зависит от позиций отдельных государств), императивна (не является результатом выбора государства) и универсальна (едина для всего международного сообщества). В свою очередь запрещение применения конкретных видов вооружений, в том числе оружия массового уничтожения, не подразумевается лишь в силу норм общего международного гуманитарного и уголовного права³; для этого необходимо специальное соглашение государств⁴.

Более того, история свидетельствует об особом пути становления международно-правового запрета бактериологического и химического оружия. В 1925 г. был принят первый универсальный международный договор в отношении бактериологического и химического оружия – Протокол о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств. Государства, обладавшие наиболее крупными арсеналами таких вооружений, применявшие их в войнах или столкнувшиеся с их применением, активно и последовательно присоединялись к данному договору (в том числе будущие постоянные члены Совета Безопасности ООН)⁵. Как показывают даты начала участия государств в Протоколе, к моменту принятия конвенций о запрещении бактериологического (1972 г.) и химического

¹ Сinyaкин И. И. Договор о запрещении ядерного оружия: введение в проблематику // *Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу»*. 2024. № 6. С. 5–12.

² Марусин И. С. Договор о запрещении ядерного оружия 2017 года и перспективы его применения // *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. 2018. № 1. С. 29.

³ Например, пп. «а», «д» Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны 1907 г., подп. «xx» п. «2b» ст. 8 Римского статута Международного уголовного суда 1998 г.

⁴ Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного суда ООН. 1992–1996 годы. Нью-Йорк: ООН, 1998. С. 110.

⁵ Участниками Протокола стали: Франция – в 1926 г., Австрия, Египет, Италия и СССР – в 1928 г., Германия, Иран, Испания, Польша, Румыния и Турция – в 1929 г., Великобритания – в 1930 г., Ирак – в 1931 г., Болгария –

(1993 г.) оружия¹ наиболее и непосредственно заинтересованные стороны уже отказались от его применения в вооруженных конфликтах, а конвенционное запрещение вооружений стало логическим продолжением и закреплением процесса кодификации, по сути, обычной нормы международного права. Эти же обстоятельства способствовали и становлению соответствующих составов военных преступлений. С ядерным оружием ситуация была иной. Помимо того что данное оружие никогда не рассматривалось международным правом как запрещенное средство ведения войны, государства, испытавшие, применившие (США) и обладающие ядерным оружием в настоящий момент, никогда не отказывались от него. Иными словами, в отношении ядерного оружия отсутствует как запрещающая его норма общего международного права, так и практика непосредственно заинтересованных государств, прямо свидетельствующая о становлении подобного запрета или отказа.

Статья 3 ДЗЯО касается неядерных государств в понимании ДНЯО и, по сути, дословно воспроизводит их обязательства по ст. 3 Договора 1968 г. (в отношении гарантий МАГАТЭ). Подобное «дублирование» также подтверждает тезис о стремлении государств-участников демонтировать режим ДНЯО.

Одной из статей ДЗЯО, наиболее сильно размывающих эффективность всего предлагаемого режима и ставящих под сомнение реальность его существования, является ст. 4, касающаяся порядка достижения полной ликвидации ядерного оружия. Статья выделяет две группы ядерных государств: те, которые после 7 июля 2017 г. имели в собственности, во владении или под контролем ядерное оружие или другие ядерные взрывные устройства и ликвидировали свою программу ядерного оружия, и те, кто обладает им в настоящий момент. Первые должны сотрудничать с компетентным международным органом для проверки необратимой ликвидации его программы ядерного оружия и МАГАТЭ для контроля за исключительно мирной ядерной деятельностью; вторые – ликвидировать свое ядерное оружие в кратчайшие сроки (пп. 1–2). Кроме того, государства-участники назначают компетентный международный орган (органы) для согласования и проверки необратимой ликвидации программ ядерного оружия (п. 6).

Прежде всего обращает на себя внимание безадресность данной нормы: в настоящий момент среди участников ДЗЯО нет ни одного государства, которое подпадало бы под пп. 1–2. Из нынешних государств-участников ДЗЯО только две страны в прошлом имели ядерное оружие: Казахстан и ЮАР. Однако Казахстан передал России ядерное оружие, находившееся на его территории, в соответствии с Протоколом к Договору между СССР и США о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений от 23 мая 1992 г., а в 1994 г. Казахстан присоединился к ДНЯО в качестве неядерного государства². ЮАР отказалась от ядерного оружия в 1989 г. и в 1991 г. присоединилась к ДНЯО как неядерное государство. Отсюда следует, что положения ст. 4 не могут быть исполнены³, а назначаемые компетентные органы попросту нет смысла создавать из-за отсутствия предмета и цели обсуждения.

Другим недостатком является декларативность положений о международном контроле. В п. 1 приводится лишь упоминание о МАГАТЭ, с которым необходимо заключить соглашение о гарантиях относительно непереклечения заявленного ядерного материала с мирной ядерной деятельности и отсутствия незаявленных ядерного материала или деятельности в этом государстве – положения, взятые из ст. 3 ДНЯО. Однако орган, который будет непосредственно заниматься проверкой ликвидации ядерного оружия, в ДЗЯО не упомянут, имеется лишь указание на его назначение, при этом, правда, отсутствует порядок назначения.

В доктрине выдвигались предложения наделить полномочиями по международному контролю МАГАТЭ и Подготовительную комиссию Договора о всеобъемлющем

в 1934 г., Чехия – в 1938 г., Венгрия и Китай – в 1952 г., Сирия – в 1968 г., Израиль – в 1969 г., Япония – в 1970 г., Ливия – в 1971 г., США – в 1975 г.

¹ Конвенции вступили в силу соответственно в 1975 и 1997 гг.

² Муратшина К. Г. Политика государств постсоветской Центральной Азии в отношении Договора о запрещении ядерного оружия // Управленческое консультирование. 2019. № 11. С. 49–50.

³ Patton T., Philippe S., Mian Z. Fit for Purpose: An Evolutionary Strategy for the Implementation and Verification of the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons // Journal for Peace and Nuclear Disarmament. 2019. Vol. 2 (2). P. 388.

запрещении ядерных испытаний (далее – ДВЗЯИ)¹. Однако контроль за ликвидацией ядерного оружия не предусмотрен Уставом МАГАТЭ, к тому же на переговорах по разработке текста ДЗЯО МАГАТЭ не было представлено. Более того, остаются и другие вопросы: о порядке назначения и направления инспекций МАГАТЭ, их финансирования, действий МАГАТЭ в случае установления фактов несоблюдения ДЗЯО, об осуществлении экспортного контроля, обеспечении запрета на передачу ядерных материалов и технологий и т. д.² Все эти положения отсутствуют в Уставе МАГАТЭ, хотя цель ДЗЯО потребует от организации более интрузивных проверок, нежели по ДНЯО³.

Аналогичные вопросы возникают и в отношении Подготовительной комиссии ДВЗЯИ. В отличие от МАГАТЭ, обладающего организационным потенциалом, силами и средствами для проведения инспекций, Подготовительная комиссия лишена таких возможностей, а ее основная задача согласно Резолюции об учреждении от 19 ноября 1996 г. – проведение необходимых приготовлений к эффективному осуществлению ДВЗЯИ, который на настоящий момент не вступил в силу. Кроме того, договоры о запрещении/ограничении оружия массового уничтожения, предполагающие осуществление международного контроля, либо указывают на контролирующую структуру⁴, либо предусматривают ее учреждение и прописывают порядок функционирования⁵. Отсутствие таких положений в ДЗЯО говорит либо о плохой проработанности положений Договора, ставящей под сомнение его эффективность, либо о наличии в ст. 4 положений, характерных для *pactum de contrahendo* – соглашений заключить последующий договор или включить в будущий договор определенные положения⁶, что с учетом уровня участия в самом ДЗЯО видится малоперспективным.

Весьма противоречиво выглядят положения ст. 7 ДЗЯО, касающиеся международного сотрудничества и помощи. Согласно пп. 3 и 4 каждое государство-участник, которое в состоянии делать это, оказывает техническую, материальную и финансовую помощь государствам-участникам, пострадавшим от применения или испытания ядерного оружия, в целях содействия дальнейшему осуществлению Договора, а также оказывает помощь жертвам применения или испытания ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств (эти положения перекликаются с пп. 1–2 ст. 6 ДЗЯО, см. ниже). В данном вопросе непонятен ни способ определения возможности оказать помощь, ни ее объем, ни ответственность за неисполнение данного положения, ни механизм определения жертв применения или испытания ядерного оружия, ни порядок установления размера ущерба, что сводит обязательство на уровень простой декларации, пожелания либо заведомо неисполнимой нормы.

Но самым противоречивым в ст. 7 является п. 6, в соответствии с которым без ущерба для любых других обязанностей или обязательств, которые оно может иметь по международному праву, государство-участник, которое применило или испытало ядерное оружие или любые другие ядерные взрывные устройства, несет ответственность за оказание надлежащей помощи затронутым государствам-участникам

¹ Fleck D. The Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons: Challenges for International Law and Security // Nuclear Non-Proliferation in International Law. Vol. IV: Human Perspectives on the Development and Use of Nuclear Energy / ed. by J. L. Black-Branch, D. Fleck. Berlin: Springer, 2019. P. 405–406; Patton T., Philippe S., Milan Z. Op. cit. P. 389–392.

² Козин В. П. Возможно ли создать безъядерный мир к 2045 году? // США и Канада: экономика, политика, культура. 2018. № 6. С. 58–59; Müller H. What are the Institutional Preconditions for a Stable Non-Nuclear Peace? // Non-Nuclear Peace. Beyond the Nuclear Ban Treaty / ed. by T. Sauer, J. Kustermans, B. Segaeert. Switzerland: Palgrave Macmillan, 2020. P. 152–153.

³ Fleck D. Op. cit. P. 405–406.

⁴ Например, ст. 13 Договора о запрещении ядерного оружия в Латинской Америке 1967 г., ст. 3 ДНЯО, ст. 5 Договора о зоне, свободной от ядерного оружия, в Юго-Восточной Азии 1995 г.

⁵ Например, ст. 7–11 Договора о запрещении ядерного оружия в Латинской Америке 1967 г., ст. 8–9 Договора о зоне, свободной от ядерного оружия, в Юго-Восточной Азии 1995 г., ст. 8 Конвенции о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении 1993 г., ст. 2 ДВЗЯИ, ст. 12 Договора о зоне, свободной от ядерного оружия, в Африке 1996 г.

⁶ Марусин И. С. Указ. соч. С. 28; Aust A. Modern Treaty Law and Practice. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 25; McNair A. D. The Law of Treaties. Oxford: Clarendon Press, 1961. P. 27–29; Patton T. An International Monitoring System for Verification to Support both the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons and the Nonproliferation Treaty // Global Change, Peace & Security. 2018. Vol. 30 (2). P. 187–207; Scheffran J. Verification and Security of Transformation to a Nuclear-Weapon-Free World: the Framework of the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons // Ibid. P. 156–161; Williams H. Nuclear Babel: Narratives Around the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons // The Nonproliferation Review. 2018. Vol. 25 (1–2). P. 56.

в целях оказания помощи жертвам и восстановления окружающей среды. Помимо обозначенных выше проблем, аналогичных для пп. 3 и 4, имеется несколько самостоятельных аспектов, требующих разъяснения.

Прежде всего возникает вопрос о категоричности запрета применять ядерное оружие согласно ст. 1 ДЗЯО: если государство нарушает договорную норму, то по общему международному праву на него возлагается обязанность ликвидировать вред, причиненный другому государству таким нарушением¹. В таком контексте положения п. 6 ст. 7 ДЗЯО избыточны. Указание в международном договоре на ответственность имеет смысл в случае причинения вреда деятельностью, не запрещенной международным правом², однако при таком условии теряет смысл запрет применения ядерного оружия. Следует заметить, что положения, подобные п. 6 ст. 7 ДЗЯО, в конвенциях о запрещении бактериологического и химического оружия отсутствуют, что не только не сказывается на императивности запрета этих классов оружия массового уничтожения, но и ни в коей мере не освобождает от ответственности за его применение.

Другой вопрос касается действия данной нормы ДЗЯО (как и всего Договора) во времени: распространяется ли она на участника договора в отношении любого действия или факта, которые имели место до даты вступления договора в силу для указанного участника (ст. 28 Венской конвенции 1969 г.), или только после обозначенной даты? Существует мнение, что намерение большинства государств при разработке текста ДЗЯО было направлено на охват и всех прошлых событий, т. е. норме придано свойство ретроактивности³. Иными словами, новые государства-участники, в первую очередь ядерные державы, присоединившись к ДЗЯО, сразу будут нести ответственность за ущерб, который они принесли всеми случаями применения или испытания ядерного оружия, когда-либо имевшими место. Помимо того что ущерб от ядерных взрывов, случившихся в прошлом, невозможно точно определить практически (что закладывает основы для злоупотребления в сторону как увеличения, так и уменьшения его размера), столь «недружелюбное» условие об ответственности для ядерных держав служит «надежной гарантией» их неприсоединения.

При этом, как отмечается в доктрине, несмотря на подобные формулировки ДЗЯО, данные положения должны приветствоваться и добросовестно выполняться, поскольку в основу положена благая цель помощи жертвам и восстановления окружающей среды⁴. Не отрицая значимости этой цели и необходимости ее достижения в рамках самостоятельного международного договора или иных механизмов универсального сотрудничества, следует признать, что ДЗЯО закрепляет явное изначальное неравенство между участниками Договора, налагая обременительные обязанности на ядерные державы. При этом совершенно неоправданным с точки зрения международного права является привлечение к материальной ответственности за действия, которые в момент их совершения не считались неправомерными. Даже несмотря на то что при заключении договора государства свободны в своем волеизъявлении относительно его содержания, это снимает с разработчиков обязанности обосновывать целесообразность и справедливость предлагаемых положений.

Дополняют столь неоднозначный режим международного сотрудничества и ранее упомянутые положения ст. 6 ДЗЯО, возлагающие основную ответственность за оказание помощи пострадавшим и восстановление окружающей среды на государства, против которых было применено ядерное оружие или на которые распространились неблагоприятные последствия, вызванные применением или испытанием ядерного оружия. Это снова возвращает к вопросу о характере запрета ядерного оружия и его юридических последствиях. Если любое применение ядерного оружия провозглашается ДЗЯО неправомерным, то с позиции общего международного права между-

¹ Анцилотти Д. Курс международного права. Т. 1. М.: Изд. иностранной лит., 1961. С. 393; Арчага Э. Х. Современное международное право. М.: Прогресс, 1983. С. 403; Броунли Я. Международное право: в 2 кн. Кн. 2. М.: Прогресс, 1977. С. 78–79; Колосов Ю. М. Ответственность в международном праве. М.: Статут, 2014. С. 13; Курс международного права: в 7 т. Т. 3: Основные институты международного права. М.: Наука, 1990. С. 192; Фердросс А. Международное право. М.: Изд. иностранной лит., 1959. С. 353.

² Арчага Э. Указ. соч. С. 409–413; Броунли Я. Указ. соч. С. 94–95; Колосов Ю. М. Указ. соч. С. 135–136; Курс международного права. Т. 3. С. 249–254.

³ Rietiker D. The Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons: A Further Confirmation of the Human and Victim-Centred Trend in Arms Control Law // Nuclear Non-Proliferation in International Law. Vol. IV: Human Perspectives on the Development and Use of Nuclear Energy. P. 346.

⁴ Ibid. P. 347.

народную ответственность (в том числе материальную) должен нести делинквент, а не пострадавшее государство. В таком случае положения ст. 6 являются не только несправедливыми, но и противоречащими основам международно-правовой ответственности, а также не стимулирующими к соблюдению установленного запрета. Данные положения в совокупности с ранее упомянутыми в ст. 7 ДЗЯО «препятствиями» для присоединения к Договору ядерных держав создают абсурдную ситуацию, когда, например, Япония¹, пострадавшая от атомных бомбардировок, при гарантированном неучастии в Договоре США должна будет нести ответственность за все неблагоприятные последствия на своей территории, как возникшие в прошлом², так и существующие в настоящий момент. Кроме того, после имплементации положений ст. 6 во внутреннее законодательство граждане, пострадавшие от применения или испытания ядерного оружия, получают право требовать от своего государства оказания предусмотренной помощи, что способно создать чрезмерно обременительные экономические последствия.

Можно допустить, что достижение общей цели в соответствии со ст. 6 и 7 предполагалось разработчиками только при обязательном участии и добросовестном выполнении ДЗЯО сразу всеми государствами, в том числе ядерными (что было бы разумным). Однако против этого говорят положения ст. 15: Договор вступает в силу после сдачи на хранение пятидесятой ратификационной грамоты или документа о принятии, утверждении или присоединении со стороны любых государств. Отсюда следует, что формальное вступление Договора в силу было для разработчиков предпочтительнее его эффективности и действенности.

В условиях неучастия в ДЗЯО ядерных держав, из-за (и для) которых в первую очередь и создавался весь режим Договора, совершенно беспредметными и бесперспективными выглядят предусмотренные ст. 8 ДЗЯО регулярные совещания государств-участников, а решения любых вопросов, касающихся, например, осуществления и состояния Договора, мер для проверяемой и необратимой ликвидации программ ядерного оружия в установленные сроки, – лишены всякого смысла.

Пункт 2 ст. 17 ДЗЯО предусматривает право выхода из Договора, если государство-участник в порядке осуществления своего государственного суверенитета решит, что связанные с содержанием Договора исключительные обстоятельства поставили под угрозу высшие интересы его страны. С одной стороны, данное положение является типовым для всех международных договоров, регламентирующих нераспространение, запрещение и уничтожение ОМУ. С другой стороны, это означает, что заложенная в нем гипотетическая возможность выхода из Договора и правомерность возврата к статусу ядерного государства (будь то *de jure* или *de facto*) ставит под сомнение эффективность всего договорного режима. Даже обусловленность денонсации обязательным наличием специальных исключительных обстоятельств не гарантирует окончательную ликвидацию ядерного оружия как класса. Получается, что установленные ст. 1 и 4 ДЗЯО обязательства, направленные на полное и необратимое уничтожение ядерного оружия и его запрещение, не обладают абсолютной императивностью, требующей неукоснительного соблюдения, поскольку сам Договор предусматривает механизм возврата к ситуации, существовавшей до принятия ДЗЯО³.

В качестве пояснения проведем аналогию с принципом разрешения международных споров мирными средствами (п. 3 ст. 2 Устава ООН). Будучи нормой *jus cogens*, этот принцип подлежит неукоснительному соблюдению государствами независимо от участия/неучастия в Уставе ООН, приостановления прав и привилегий или исключения из Организации. По своей значимости нормы, запрещающие оружие массового уничтожения, должны обладать аналогичной императивностью как часть общего международного права, а не отдельного договорного режима. Отсюда сам факт ис-

¹ Пример Японии является гипотетическим. На настоящий момент Япония не подписала и не ратифицировала ДЗЯО и всячески демонстрирует отказ от каких-либо действий в данную сторону. Подробнее см.: Муратшина К. Г. Япония и Договор о запрещении ядерного оружия // Японские исследования. 2019. № 4. С. 8–15.

² Rietiker D. Op. cit. P. 346.

³ См. также: Муратшина К. Г., Пашкова Т. В. Китайская Народная Республика и Договор о запрещении ядерного оружия // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 441. С. 160; Considine L. Contests of Legitimacy and Value: the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons and the Logic of Prohibition // International Affairs. 2019. Vol. 95 (5). P. 1089–1090.

ключительно договорного закрепления запрета ядерного оружия, а также возможность выхода из него делает этот запрет бессмысленным. Более того, в данном случае примеры конвенций о запрещении бактериологического и химического оружия, содержащих аналогичные статьи о денонсации, нельзя считать подходящими к ситуации с ядерным оружием. Основная причина кроется здесь не столько в значимости запрета этих классов оружия массового уничтожения для поддержания международного мира и безопасности, сколько в согласии с таким запретом обладателей их самых больших арсеналов. Применительно к ядерному оружию, как следует из позиций ядерных государств, такой подход оказался нереальным.

Не менее значимо для всего режима уничтожения и нераспространения ядерного оружия положение ст. 18 ДЗЯО, в соответствии с которой осуществление Договора не наносит ущерба обязательствам государств-участников в отношении существующих международных соглашений, в которых они участвуют, если эти обязательства согласуются с Договором. Несмотря на то что в ДЗЯО отсутствует указание на конкретные международные договоры, его преимущественная сила по отношению к любым из них очевидна. Данное обстоятельство наравне с ранее упомянутыми является одним из препятствий для обеспечения его универсальности и эффективности.

Прежде всего необходимо отметить, что положения о связи с другими соглашениями не новы для подобных международных договоров. Аналогичные статьи встречаются в договорах о безъядерных зонах¹, в которых закрепляется необходимость учитывать права и обязанности участников по Уставу ООН, конвенциям по морскому праву, региональным и иным соглашениям. Наиболее значим среди указанных договоров Устав ООН, который в ст. 103 устанавливает известную «иерархию»: когда обязательства членов ООН окажутся в противоречии с их обязательствами по какому-либо другому международному соглашению, преимущественную силу имеют обязательства по Уставу ООН. Причем данное положение действует независимо от того, упоминается оно в соответствующем договоре или нет (как следует из п. 1 ст. 30 Венской конвенции 1969 г.). Это же касается и ДЗЯО. С одной стороны, запрет и уничтожение ядерного оружия согласуются с положениями Устава ООН. С другой стороны, Устав ООН не запрещает и не разрешает прямого применения любого конкретного оружия, включая ядерное, в том числе в случае реализации права на самооборону². Таким образом, не нарушая приоритета положений Устава ООН, ДЗЯО в отношении всех остальных договоров закрепляет преимущественную силу.

Совместим ли ДНЯО с вышеуказанной схемой соотношения ДЗЯО? Согласно п. 2 ст. 30 Венской конвенции 1969 г. если в договоре устанавливается, что он обусловлен предыдущим или последующим договором или что он не должен считаться несовместимым с таким договором, то преимущественную силу имеют положения этого другого договора. Применительно к рассматриваемой ситуации данные положения должны быть закреплены в ДНЯО, однако там они отсутствуют³. Предположим ситуацию, указанную в пп. 3 и 4 ст. 30 Венской конвенции 1969 г., когда участники ДНЯО становятся участниками ДЗЯО, при этом действие первого не прекращено и не приостановлено. В таком случае ДНЯО должен применяться в той мере, в какой он совместим с положениями ДЗЯО (это же правило применимо и в случае, когда все участники ДНЯО станут участниками ДЗЯО). С оставшимися ядерными государствами *de facto* в случае их присоединения к ДЗЯО будет применяться этот договор.

¹ Статья 21 Договора о запрещении ядерного оружия в Латинской Америке 1967 г., ст. 4 Договора о запрещении размещения на дне морей и океанов и в его недрах ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения 1970 г., п. 2 ст. 2 Договора о безъядерной зоне южной части Тихого океана 1985 г., п. 2 ст. 2 Договора о зоне, свободной от ядерного оружия, в Африке 1996 г., п. 2 ст. 2 Договора о зоне, свободной от ядерного оружия, в Юго-Восточной Азии 1995 г., п. «b» ст. 2 Договора о зоне, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии 2006 г.

² Законность угрозы ядерным оружием или его применением. Консультативное заключение Международного суда ООН от 8 июля 1996 г. // Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного суда ООН. 1992–1996 годы. С. 109–110, 114–115.

³ Несмотря на то что Венская конвенция 1969 г. вступила в силу на 10 лет позже ДНЯО и не имела обратной силы (ст. 4), понимание конфликта последовательно заключенных договоров, относящихся к одному и тому же вопросу, как проблемы приоритета применения одного из них сложилось задолго до принятия как ДНЯО, так и Венской конвенции 1969 г. См.: Vienna Convention on the Law of Treaties: A Commentary / ed. by O. Dörr, K. Schmalenbach. Berlin, Heidelberg: Springer, 2012. P. 507–508; Villiger M. E. Commentary on the 1969 Vienna Convention on the Law of Treaties. Leiden; Boston: Martinus Nijhoff, 2009. P. 400–401.

Отсюда возникает вопрос о совместимости положений ДНЯО и ДЗЯО. С точки зрения содержания некоторые их статьи совпадают (например, ст. 1, 2, 3 ДНЯО и ст. 1, 3 ДЗЯО)¹, однако тексты нельзя рассматривать отдельно от целей договоров, которые по своей сути не просто существенно различаются, а находятся в противоречии. Оставшиеся не противоречащие (т. е. совместимые) положения ДНЯО либо теряют смысл (ст. 5, 8, 9, 11), либо обязательны в силу общего международного права и отдельных международных договоров (ст. 3, 4, 7). Иными словами, в подобной схеме взаимодействия двух договоров ДНЯО становится не только несовместимым с ДЗЯО, но и бессмысленным, а в конечном счете и неисполнимым. Безусловно, имеются основания считать, что главные положения ДНЯО о нераспространении ядерного оружия (ст. 1 и 2) представляют собой частный случай обязательств по ст. 1 ДЗЯО, а также то, что ДЗЯО есть результат выполнения государствами ст. 6 ДНЯО о полном разоружении, в связи с чем между рассматриваемыми договорами формально отсутствуют противоречия и препятствия для их параллельного «сосуществования». Однако, если допустить возможность одновременного участия государства в ДНЯО, закрепляющем правомерность обладания ядерным оружием, и ДЗЯО, полностью запрещающем его как класс, противоречие и несовместимость становятся очевидными².

В то же время на участников ДНЯО, как и любого международного договора, распространяется принцип *pacta sunt servanda*, означающий, среди прочего, требование точного выполнения договора в отношении его содержания³. ДНЯО определяет правомерность обладания ядерным оружием для тех государств, которые произвели и взорвали ядерное оружие или другое ядерное взрывное устройство до 1 января 1967 г. (п. 3 ст. 9). Данная правомерность обладания ядерным оружием автономна и не зависит от положений каких-либо иных международных договоров. Получив закрепление в рамках ДНЯО – не прекращенного и не приостановленного международного договора, – это положение остается действительным, действующим и обязательным к признанию в этом качестве, соблюдению и уважению как участниками ДНЯО, так и всеми третьими государствами. Иными словами, независимо от участия или неучастия в ДЗЯО все государства обязаны уважать закрепленный ДНЯО правомерный статус ядерных держав, этот статус нельзя признать неправомерным или недействующим лишь в силу того, что это закреплено в более позднем договоре.

Наконец, участие в новом международном договоре не может быть основанием для прекращения действия или невыполнения ранее заключенного договора. Кроме того, согласно п. 1 ст. 10 ДНЯО денонсация может иметь место только при соблюдении специальных условий: каждый участник Договора в порядке осуществления государственного суверенитета имеет право выйти из Договора, если он решит, что связанные с содержанием настоящего Договора исключительные обстоятельства поставили под угрозу высшие интересы его страны. Заключение ДЗЯО или присоединение к нему не может составлять вышеуказанные исключительные обстоятельства. А значит, любой выход из ДНЯО по причинам иным, чем указаны в п. 1 ст. 10, будет неправомерным, составит нарушение международного права, повлечет международную ответственность, а главное – не освободит нарушителя от выполнения положений ДНЯО. Единственно возможный выход из данной ситуации – отмена ДНЯО по решению всех его участников.

Таким образом, существующее противоречие между рассматриваемыми договорами не может быть устранено положением ст. 18 ДЗЯО. Правомерность ядерного оружия и обладания им ядерными державами не может быть устранена простым фактом участия в ДЗЯО, не может подразумеваться ДЗЯО (в частности, указанием на приоритетность его положений) или выводиться из соответствующих основ права международных договоров. Наличие этого запрета в самом ДЗЯО не имеет никакого юридического значения для достижения данной цели. Единственный правомерный механизм полного запрещения ядерного оружия должен включать в себя два обязательных шага: отмена ДНЯО всеми государствами-участниками и присоединение к ДЗЯО.

¹ Высказано мнение о взаимодополняемости ДНЯО и ДЗЯО и действию последнего в рамках режима первого. См.: *Considine L.* Op. cit. P. 1086.

² См. также: *Considine L.* Op. cit. P. 1084–1058; *Fleck D.* Op. cit. P. 404; *Williams H.* Op. cit. P. 59.

³ *Талалаев А. Н.* Право международных договоров. Действие и применение договоров. М.: Междунар. отношения, 1985. С. 24.

Интересное значение в свете действия ДЗЯО приобретает ст. 20, устанавливающая равную аутентичность текстов договора на английском, арабском, испанском, китайском, русском и французском языках. С одной стороны, это отражает обычную практику использования официальных языков ООН, а согласно пп. 51 и 53 Временных правил процедуры Конференции ООН для согласования юридически обязывающего документа о запрете ядерного оружия, который привел бы к полной ликвидации этого оружия, языками Конференции являются английский, арабский, испанский, китайский, русский и французский и все официальные документы Конференции представляются на этих языках. С другой стороны, 4 из 6 языков – государственные языки 5 ядерных держав, не участвующих в Договоре (впрочем, расчет разработчиков мог быть нацелен на перспективное участие ядерных держав). В соответствии с п. 1 ст. 33 Венской конвенции 1969 г., если аутентичность текста договора была установлена на двух или нескольких языках, его текст на каждом языке имеет одинаковую силу. При этом важно дополнить, что речь в данном случае идет о едином тексте, аутентичность которого установлена на двух и более языках, т. е. договор имеет единое содержание, находящее выражение в разноязычных текстах, а не разноязычные варианты этого содержания¹. Кроме того, аутентичные тексты юридически не признаются переводами с какого-либо «оригинального» текста, имеющего при толковании какую-либо преимущественную силу². Существует, однако, практическое соображение, согласно которому если текст договора разрабатывался и принимался на каком-то одном языке (например, рабочий язык Конференции), то совершенно естественно полагаться именно на такой текст, особенно если он является недвусмысленным³. В случае с ДЗЯО это утверждение будет справедливо в отношении текстов на всех официальных языках ООН. Складывается ситуация, когда высшей юридической силой для участников Договора с точки зрения применения и толкования будут обладать тексты на языках неучастников.

Есть и другая «практическая проблема». Несмотря на установленную п. 3 ст. 33 Венской конвенции 1969 г. презумпцию, что термины договора имеют одинаковое значение в каждом аутентичном тексте, на практике ни термины, ни сами тексты не могут быть абсолютно идентичными. Смысл того или иного термина индивидуален в каждом языке и национальной системе права, что прямо исключает универсальную идентичность как значений юридических терминов, так и самих слов⁴. В связи с этим возникает ряд вопросов. Так, в случае необходимости толкования положений ДЗЯО придется обратиться к аутентичным текстам, в том числе на языках государств-неучастников, между которыми в силу отсутствия вышеуказанной идентичности могут существовать противоречия. Устранить эти противоречия способны не просто носители языка, а специалисты в области разоружения, международного права, владеющие знаниями о соответствующей внутри- и внешнегосударственной правоприменительной практике и официальной государственной позиции. Иными словами, для толкования ДЗЯО его участникам может потребоваться помощь неучастников, чья официальная позиция в отношении Договора – категорически отрицательная. Впрочем, из этой ситуации существует выход: поскольку ст. 33 Венской конвенции 1969 г. и ст. 20 ДЗЯО диспозитивны, участники Договора по согласию вправе изменить количество аутентичных текстов, как и выбрать определенный текст, который будет обладать наивысшей юридической силой.

Анализ положений ДЗЯО выявляет фактическую непригодность механизмов к достижению договорной цели. Маловероятно, что даже участие ядерных держав смогло бы изменить ситуацию, поскольку, как показало исследование, полное ядерное разоружение требует мер, находящихся за пределами режима (создание контрольного механизма, отмена ДНЯО). Возможно, задачей предлагаемого текста ДЗЯО было создание «отправной точки» для дискуссии с ядерными державами, а не реальных мер по ликвидации класса оружия массового уничтожения.

¹ Лукашук И. И. Современное право международных договоров. Т. I: Заключение международных договоров. М.: Волтерс Клувер, 2004. С. 620–629; *Linderfalk U. On the Interpretation of Treaties*. Dordrecht: Springer, 2007. P. 356.

² Талалаев А. Н. Указ. соч. С. 109; *Vienna Convention on the Law of Treaties: A Commentary*. P. 594; *Villiger M. E. Op. cit.* P. 457.

³ *Aust A. Op. cit.* P. 205; *Vienna Convention on the Law of Treaties: A Commentary*. P. 594.

⁴ *Linderfalk U. Op. cit.* P. 356; *Villiger M. E. Op. cit.* P. 456.

Список литературы

- Анцилотти Д. Курс международного права. Т. 1. М.: Изд. иностранной лит., 1961. 447 с.
- Аречага Э. Х. Современное международное право. М.: Прогресс, 1983. 480 с.
- Броунли Я. Международное право: в 2 кн. Кн. 2. М.: Прогресс, 1977. 507 с.
- Козин В. П. Возможно ли создать безъядерный мир к 2045 году? // США и Канада: экономика, политика, культура. 2018. № 6. С. 41–65.
- Колосов Ю. М. Ответственность в международном праве. М.: Статут, 2014. 224 с.
- Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного суда ООН. 1992–1996 годы. Нью-Йорк: ООН, 1998. 132 с.
- Курс международного права: в 7 т. Т. 3: Основные институты международного права. М.: Наука, 1990. 260 с.
- Лукашук И. И. Современное право международных договоров. Т. I: Заключение международных договоров. М.: Волтерс Клувер, 2004. 658 с.
- Марусин И. С. Договор о запрещении ядерного оружия 2017 года и перспективы его применения // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2018. № 1. С. 20–31.
- Муратшина К. Г. Япония и Договор о запрещении ядерного оружия // Японские исследования. 2019. № 4. С. 6–23.
- Муратшина К. Г. Политика государств постсоветской Центральной Азии в отношении Договора о запрещении ядерного оружия // Управленческое консультирование. 2019. № 11. С. 47–56.
- Муратшина К. Г., Пашкова Т. В. Китайская Народная Республика и Договор о запрещении ядерного оружия // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 441. С. 160–168.
- Талалаев А. Н. Право международных договоров. Действие и применение договоров. М.: Междунар. отношения, 1985. 294 с.
- Фердросс А. Международное право. М.: Изд. иностранной лит., 1959. 652 с.
- Aust A. *Modern Treaty Law and Practice*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 544 p.
- Considine L. *Contests of Legitimacy and Value: the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons and the Logic of Prohibition* // *International Affairs*. 2019. Vol. 95 (5). P. 1075–1092.
- Vienna Convention on the Law of Treaties: A Commentary* / ed. by O. Dörr, K. Schmalenbach. Berlin, Heidelberg: Springer, 2012. 1423 p.
- Fleck D. *The Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons: Challenges for International Law and Security* // *Nuclear Non-Proliferation in International Law. Vol. IV: Human Perspectives on the Development and Use of Nuclear Energy* / ed. by J. L. Black-Branch, D. Fleck. Berlin: Springer, 2019. P. 395–415.
- Linderfalk U. *On the Interpretation of Treaties*. Dordrecht: Springer, 2007. 410 p.
- McNair A. D. *The Law of Treaties*. Oxford: Clarendon Press, 1961. 789 p.
- Müller H. *What are the Institutional Preconditions for a Stable Non-Nuclear Peace? // Non-Nuclear Peace. Beyond the Nuclear Ban Treaty* / ed. by T. Sauer, J. Kustermans, B. Segaert. Switzerland: Palgrave Macmillan, 2020. P. 151–166.
- Patton T. *An International Monitoring System for Verification to Support both the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons and the Nonproliferation Treaty* // *Global Change, Peace & Security*. 2018. Vol. 30 (2). P. 187–207.
- Patton T., Philippe S., Mian Z. *Fit for Purpose: An Evolutionary Strategy for the Implementation and Verification of the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons* // *Journal for Peace and Nuclear Disarmament*. 2019. Vol. 2 (2). P. 387–409.
- Rietiker D. *The Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons: A Further Confirmation of the Human and Victim-Centred Trend in Arms Control Law* // *Nuclear Non-Proliferation in International Law. Vol. IV: Human Perspectives on the Development and Use of Nuclear Energy* / ed. by J. L. Black-Branch, D. Fleck. Berlin: Springer, 2019. P. 325–353.
- Scheffran J. *Verification and Security of Transformation to a Nuclear-Weapon-Free World: the Framework of the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons* // *Global Change, Peace & Security*. 2018. Vol. 30 (2). P. 143–162.
- Villiger M. E. *Commentary on the 1969 Vienna Convention on the Law of Treaties*. Leiden; Boston: Martinus Nijhoff, 2009. 1057 p.
- Williams H. *Nuclear Babel: Narratives Around the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons* // *The Nonproliferation Review*. 2018. Vol. 25 (1–2). P. 51–63.

References

- Anzilotti D. (1961) *Kurs mezhdunarodnogo prava. T. 1* [The Course of International Law. Vol. 1]. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoi literatury, 447 p.
- Archaga E. H. (1983) *Sovremennoe mezhdunarodnoe pravo* [Modern International Law]. Moscow, Progress, 480 p.
- Aust A. (2000) *Modern Treaty Law and Practice*. Cambridge, Cambridge University Press, 544 p.
- Brownlie Y. (1977) *Mezhdunarodnoe pravo: v 2 kn. Kn. 2* [International Law: in 2 books. Book 2]. Moscow, Progress, 507 p.

Considine L. (2019) Contests of Legitimacy and Value: the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons and the Logic of Prohibition. In *International Affairs*, vol. 95, no. 5, pp. 1075–1092.

Dörr O., Schmalenbach K. (Eds.) (2012) *Vienna Convention on the Law of Treaties: A Commentary*. Berlin, Heidelberg, Springer, 1423 p.

Ferdross A. (1959) *Mezhdunarodnoe pravo* [International Law]. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoi literatury, 652 p.

Fleck D. (2019) The Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons: Challenges for International Law and Security. In Black-Branch J. L., Fleck D. (Eds.) *Nuclear Non-Proliferation in International Law. Vol. IV. Human Perspectives on the Development and Use of Nuclear Energy*. Berlin, Springer, pp. 395–415.

Kolosov Y. M. (2014) *Otvetstvennost' v mezhdunarodnom prave* [Responsibility in International Law]. Moscow, Statut, 224 p.

Kozin V. P. (2018) *Vozmozhno li sozdat' bez'yadernyi mir k 2045 godu?* [Is it Possible to Have Non-Nuclear World in 2045?]. In *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*, no. 6, pp. 41–65.

Kratkoe izlozhenie reshenii, konsul'tativnykh zaklyuchenii i postanovlenii Mezhdunarodnogo suda OON. 1992–1996 gody (1998) [Extracts of Judgements, Advisory Opinions and Orders of the ICJ. 1992–1996]. New-York, OON, 132 p.

Linderfalk U. (2007) *On the Interpretation of Treaties*. Dordrecht, Springer, 410 p.

Lukashuk I. I. (2004) *Sovremennoe pravo mezhdunarodnykh dogovorov. T. I: Zaklyuchenie mezhdunarodnykh dogovorov* [Modern Law of Treaties. Vol. 1: Conclusion of Treaties]. Moscow, Volters Kluver, 658 p.

Marusin I. S. (2018) *Dogovor o zapreshchenii yadernogo oruzhiya 2017 goda i perspektivy ego primeneniya* [Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons and Perspectives of its Application]. In *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie*, no. 1, pp. 20–31.

McNair A. D. (1961) *The Law of Treaties*. Oxford, Clarendon Press, 789 p.

Müller H. (2020) What are the Institutional Preconditions for a Stable Non-Nuclear Peace? In Sauer T., Kustermans J., Segaert B. (Eds.) *Non-Nuclear Peace. Beyond the Nuclear Ban Treaty*. Switzerland, Palgrave Macmillan, pp. 151–166.

Muratshina K. G. (2019) *Yaponiya i Dogovor o zapreshchenii yadernogo oruzhiya* [Japan and the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons]. In *Yaponskie issledovaniya*, no. 4, pp. 6–23.

Muratshina K. G. (2019) *Politika gosudarstv postsovetskoj Tsentral'noi Azii v otnoshenii Dogovora o zapreshchenii yadernogo oruzhiya* [The Policy of Central Asia States on Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons]. In *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, no. 11, pp. 47–56.

Muratshina K. G., Pashkova T. V. (2019) *Kitaiskaya Narodnaya Respublika i Dogovor o zapreshchenii yadernogo oruzhiya* [The People's Republic of China and Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 441, pp. 160–168.

Patton T. (2018) An International Monitoring System for Verification to Support both the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons and the Nonproliferation Treaty. In *Global Change, Peace & Security*, vol. 30, no. 2, pp. 187–207.

Patton T., Philippe S., Mian Z. (2019) Fit for Purpose: An Evolutionary Strategy for the Implementation and Verification of the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons. In *Journal for Peace and Nuclear Disarmament*, vol. 2, no. 2, pp. 387–409.

Rietiker D. (2019) The Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons: A Further Confirmation of the Human and Victim-Centred Trend in Arms Control Law. In Black-Branch J. L., Fleck D. (Eds.) *Nuclear Non-Proliferation in International Law. Vol. IV. Human Perspectives on the Development and Use of Nuclear Energy*. Berlin, Springer, pp. 325–353.

Scheffran J. (2018) Verification and Security of Transformation to a Nuclear-Weapon-Free World: the Framework of the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons. In *Global Change, Peace & Security*, vol. 30, no. 2, pp. 143–162.

Talalaev A. N. (1985) *Pravo mezhdunarodnykh dogovorov. Dejstvie i primenenie dogovorov* [Law of Treaties. Legal Effect and Application of Treaties]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 294 p.

Ushakov N. A. (Ed.) (1990) *Kurs mezhdunarodnogo prava: v 7 t. T. 3: Osnovnye instituty mezhdunarodnogo prava* [The Course of International Law: in 7 volumes. Vol. 3: Basic Institute of International Law]. Moscow, Nauka, 260 p.

Villiger M. E. (2009) *Commentary on the 1969 Vienna Convention on the Law of Treaties*. Leiden, Boston, Martinus Nijhoff, 1057 p.

Williams H. (2018) A Nuclear Babel: Narratives Around the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons. In *The Nonproliferation Review*, vol. 25, no. 1–2, pp. 51–63.

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.11.2024

Дата принятия рукописи в печать: 25.03.2025

ПОНЯТИЕ И ЦЕЛИ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Коноплянко Александр Анатольевич

Старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин
юридического факультета Мелитопольского государственного университета (Мелитополь),
ORCID: 0009-0008-5966-7076, e-mail: a.konoplyanko63@mail.ru.

Анализируются различные доктринальные подходы к определению территориальных государственных изменений, выделяются их виды, а также рассматриваются основные цели, преследуемые государствами при их осуществлении. Особое внимание уделяется соотношению целей территориальных изменений с фундаментальными принципами международного права, такими как принцип территориальной целостности государств и право народов на самоопределение. Учитывая актуальность проблематики присоединения новых территорий в контексте современных международных отношений, акцент делается на правовой природе и специфических последствиях данного вида территориальных изменений. В статье отмечается, что присоединение новых территорий является сложным и многоаспектным процессом, имеющим значительные правовые последствия как для присоединяющего государства, так и для международного сообщества в целом. Присоединение новых территорий – это не только юридический акт, но и сложный социально-политический процесс, требующий от государств взвешенности, ответственности и приверженности принципам международного права. Только при соблюдении этих принципов присоединение может способствовать укреплению международной стабильности и сотрудничества. Подчеркивается важность соблюдения норм и принципов международного права, обеспечения прав и интересов населения присоединенных территорий, а также поддержания международного мира и безопасности.

Ключевые слова: территориальные изменения, государственная территория, конституционное право, международное право, суверенитет, право народов на самоопределение, территориальная целостность, аннексия, цессия, новые территории

Для цитирования: Коноплянко А. А. Понятие и цели территориальных государственных изменений в контексте современного международного права // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2025. № 2. С. 42–48. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2025_2_42.

THE CONCEPT AND OBJECTIVES OF TERRITORIAL STATE CHANGES IN THE CONTEXT OF MODERN INTERNATIONAL LAW

Konoplyanko Alexander

Senior lecturer, Melitopol State University (Melitopol), ORCID: 0009-0008-5966-7076,
e-mail: a.konoplyanko63@mail.ru.

Various doctrinal approaches to defining territorial state changes are analyzed, types of territorial changes are identified, and the main goals pursued by states in their implementation are considered. Particular attention is paid to the relationship between the goals of territorial changes and the fundamental principles of international law, such as the principle of territorial integrity of states and the right of peoples to self-determination. Given the relevance of the problem of accession of new territories in the context of modern international relations, special attention is paid to the legal nature and specific consequences of this type of territorial changes. The article notes

that the accession of new territories is a complex and multifaceted process with significant legal consequences both for the accessing state and for the international community as a whole. The accession of new territories is not only a legal act, but also a complex socio-political process that requires states to be balanced, responsible and committed to the principles of international law. Only if these principles are observed can accession contribute to strengthening international stability and cooperation. Particular attention is paid to the importance of observing the norms and principles of international law, ensuring the rights and interests of the population of the annexed territories, as well as maintaining international peace and security.

Key words: territorial changes, state territory, constitutional law, international law, sovereignty, the right of peoples to self-determination, territorial integrity, annexation, cession, new territories

*For citation: Konoplyanko A. (2025) The concept and objectives of territorial state changes in the context of modern international law. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnaluu»*, no. 2, pp. 42–48, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2025_2_42.*

Проблема территориальных государственных изменений занимает одно из центральных мест в системе международно-правового регулирования. Динамика современных международных отношений, характеризующаяся усилением геополитической напряженности и пересмотром устоявшихся границ, актуализирует вопросы, связанные с понятием, видами и целями территориальных изменений.

Эффективное правовое регулирование территориальных изменений в международном праве остается одной из ключевых задач, решение которой имеет большое значение для поддержания мира и стабильности. В текущей глобальной обстановке, характеризующейся многочисленными политическими, экономическими и культурными вызовами, вопросы территориальных изменений приобретают особую актуальность.

Данные изменения представляют собой один из ключевых аспектов в системе международно-правового регулирования, оказывающий значительное влияние на глобальную стабильность и безопасность. Исторически изменения государственных границ всегда были связаны с рядом сложных вопросов, касающихся суверенитета, самоопределения и территориальной целостности. В современных условиях эти проблемы приобретают новое измерение под воздействием глобализации, развития информационных технологий и изменения экономического и политического ландшафта. В последние десятилетия мы наблюдаем усиление геополитической напряженности, вызванное разнообразными факторами, начиная от возросшего влияния новых мировых держав до экономической и политической нестабильности в различных регионах мира. Пересмотр устоявшихся границ зачастую становится результатом или причиной конфликтов, которые требуют внимательного подхода с точки зрения международного права. В качестве примеров можно назвать ситуации в Восточной Европе, на Ближнем Востоке и в некоторых частях Африки, где территориальные споры оказывают прямое влияние на международные отношения и региональную безопасность.

В контексте присоединения новых территорий особую значимость приобретают вопросы правовой интеграции и адаптации присоединяемых территорий в правовую систему принимающего государства. Как отмечает В. Д. Зорькин, процесс правовой интеграции новых территорий представляет собой сложный многоаспектный феномен, требующий тщательного конституционно-правового анализа¹. При этом ключевую роль играет обеспечение баланса между сохранением правовой преемственности и необходимостью унификации правового пространства.

Присоединение новых территорий неизменно влечет за собой задачу интеграции правовых систем. В этом контексте государство сталкивается с необходимостью обеспечения баланса между двумя основополагающими принципами: сохранением правовой преемственности и унификацией правового пространства. *Правовая преемственность* предполагает сохранение на присоединенной территории действующих

¹ Зорькин В. Д. Конституционный Суд России: доктрина и практика. М.: Норма, 2017. 592 с.

правовых норм, институтов и процедур, сложившихся до момента присоединения. Данный принцип призван обеспечить стабильность правоотношений, защиту прав и интересов граждан, а также уважение к историческим и культурным особенностям присоединенной территории. *Унификация правового пространства*, напротив, направлена на устранение различий в правовом регулировании на всей территории государства путем распространения действия единого законодательства, судебной и правоприменительной практики. Цель унификации – создание единого правового поля, повышение эффективности правовой системы и обеспечение равных прав и возможностей для всех граждан.

Дилемма возникает из-за того, что полная унификация может привести к игнорированию правовой специфики присоединенной территории, а чрезмерное следование принципу преемственности – к фрагментации правового пространства и сложностям в правоприменении.

Оптимальное соотношение между правовой преемственностью и унификацией зависит от ряда факторов. Такими факторами могут являться:

степень различий между правовыми системами присоединяющего государства и присоединенной территории. Особенно это проявляется в регулировании имущественных прав;

исторический контекст и особенности формирования правовой системы на присоединенной территории;

волеизъявление населения присоединенной территории относительно сохранения или изменения существующего правопорядка;

наличие международных обязательств присоединяющего государства в сфере прав человека и защиты прав меньшинств.

Для обеспечения оптимального соотношения между преемственностью и унификацией могут быть использованы различные механизмы:

1) вместо одномоментной замены всего массива правовых норм изменения внедряются поэтапно, начиная с наиболее важных сфер правового регулирования;

2) для различных отраслей права и сфер общественных отношений могут быть предусмотрены разные режимы правового регулирования, учитывающие специфику присоединенной территории;

3) необходимо предусмотреть сохранение действия отдельных норм и институтов, отражающих местные традиции, обычаи и специфику правовой культуры, действовавшей на момент присоединения;

4) решения о правовой интеграции необходимо принимать с учетом мнения жителей присоединенной территории, с проведением общественных слушаний и консультаций.

Обеспечение баланса между правовой преемственностью и унификацией при присоединении новых территорий – сложная задача, требующая глубокого анализа, взвешенного подхода и поиска компромиссных решений. Ключевым фактором успеха является уважение исторических, культурных и правовых особенностей присоединенной территории, гарантирование прав человека и создание условий для гармоничной интеграции в единое правовое пространство.

С точки зрения международного права присоединение новых территорий может рассматриваться как особый вид территориальных изменений, который влечет за собой ряд специфических правовых последствий. Как указывает И. И. Лукашук, в таких случаях возникает необходимость решения комплекса вопросов, связанных с правопреемством государств в отношении международных договоров, государственной собственности, архивов и долгов¹.

Конституционное и международное право устанавливает строгие критерии легитимности территориальных изменений. Согласно Декларации о принципах международного права 1970 г. территориальные приобретения, являющиеся результатом угрозы силой или ее применения, не должны признаваться законными. Этот принцип подтверждается и в других международно-правовых актах, в том числе в резолюциях Совета Безопасности ООН.

Особого внимания заслуживает проблема обеспечения прав граждан на присоединяемых территориях. С. А. Авакьян подчеркивает, что в процессе интеграции но-

¹ Лукашук И. И. Международное право. Особенная часть: учеб. М.: Волтерс Клувер, 2005. 517 с.

вых территорий государство должно гарантировать соблюдение фундаментальных прав и свобод всех лиц, находящихся под его юрисдикцией, независимо от их гражданства¹. Это требует разработки специальных правовых механизмов, обеспечивающих плавный переход от одной правовой системы к другой.

Присоединение новых территорий, будучи одной из форм изменения государственных границ, характеризуется рядом специфических черт, отличающих его от других видов территориальных трансформаций, таких как цессия, покупка территории или обмен территориями. Спецификой присоединения территорий в отличие от цессии или обмена, которые предполагают наличие соглашения между двумя или более государствами, является присоединение по инициативе одного государства, которое с согласия другого распространяет свой суверенитет на новую территорию. Присоединение безвозмездно и, как правило, не связано с передачей материальных ценностей или денежной компенсации, что отличает его от купли-продажи территории. От временной оккупации присоединение отличается тем, что направлено на установление постоянного и необратимого суверенитета над приобретенной территорией.

Присоединение новых территорий влечет за собой комплексные правовые последствия, затрагивающие различные сферы общественной жизни.

1. Происходят территориальные изменения государства. Изменяются его границы, увеличивается территория, что находит отражение в соответствующих нормативных правовых актах, картах и международных договорах.

2. Изменяется правовой статус населения. Население присоединенной территории, как правило, приобретает гражданство присоединившего государства. При этом должны быть предусмотрены специальные условия и процедуры натурализации, а также приняты решения о лицах, отказавшихся от гражданства, чтобы избежать нарушения их конституционных прав.

3. На присоединенной территории начинает действовать законодательство присоединившего государства. Однако должны быть предусмотрены переходные периоды и специальные режимы правового регулирования.

4. Очень важно регулирование права собственности. Вопросы правового режима собственности, находящейся на присоединенной территории, должны регулироваться национальным законодательством присоединившего государства с учетом законодательства, которое действовало на присоединенной территории, а также общепризнанных принципов международного права.

5. Присоединившее государство несет ответственность за выполнение международных обязательств на присоединенной территории, в том числе в области прав человека, защиты окружающей среды.

Присоединение новых территорий – сложный юридический процесс с многими последствиями. Его легитимность и успех зависят от множества факторов, включая соответствие принципам международного права, волю населения и способность присоединившего государства обеспечить стабильность и развитие на новой территории.

В контексте федеративного устройства России присоединение новых территорий ставит вопрос об их статусе в составе федерации. М. В. Баглай отмечает, что процесс интеграции новых субъектов в федеративную структуру требует тщательного учета их исторических, культурных и экономических особенностей². При этом необходимо обеспечить баланс между сохранением региональной специфики и соблюдением конституционных принципов единства правового и экономического пространства федерации.

Важным аспектом присоединения новых территорий является проблема их экономической интеграции. Г. А. Гаджиев указывает на необходимость разработки специальных экономико-правовых механизмов, обеспечивающих плавное включение экономики присоединяемых территорий в общенациональную экономическую систему³. Здесь можно упомянуть создание особых экономических зон, применение специальных налоговых режимов и другие меры экономического стимулирования.

¹ Авакьян С. А. Конституционное право России: учеб. курс: в 2 т. М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. 485 с.

² Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации: учеб. М.: Норма, 2007. 704 с.

³ Гаджиев Г. А. Конституционная экономика. М.: Юстицинформ, 2010. 256 с.

С точки зрения международного права присоединение новых территорий неизбежно затрагивает вопросы международной правосубъектности. К. А. Бекашев отмечает, что в таких ситуациях возникает необходимость пересмотра международно-правовых обязательств как присоединяющего государства, так и государства, которому ранее принадлежала присоединяемая территория¹. Это требует проведения сложных дипломатических переговоров и может привести к пересмотру ряда международных договоров.

Особую актуальность в контексте присоединения новых территорий приобретает проблема признания такого присоединения международным сообществом. А. Х. Абашидзе подчеркивает, что отсутствие международного признания может создавать значительные правовые и политические проблемы, в том числе в сфере защиты прав граждан присоединенных территорий на международном уровне².

Присоединение новых территорий как один из наиболее значимых актов в международных отношениях неизменно ставит вопрос о его признании мировым сообществом. Данный аспект приобретает особую актуальность, поскольку именно международное признание, или его отсутствие, во многом определяет легитимность территориальных изменений и их влияние на международную стабильность. Отсутствие конкретных норм и критериев признания законности прав народа на самоопределение дает основания говорить о двойственности последствий непризнания данного волеизъявления народа.

Непризнание присоединения новых территорий – это сложный политико-правовой феномен, который может иметь двоякие последствия. С одной стороны, непризнание может рассматриваться как инструмент давления на государство, осуществившее присоединение, с целью побудить его к соблюдению норм международного права и уважению прав человека. С другой стороны, непризнание, особенно если оно носит массовый и продолжительный характер, способно создать очаг напряженности в международных отношениях, препятствовать нормализации обстановки в регионе и ущемлять права и интересы населения, проживающего на спорной территории.

Как говорилось выше, международное право не содержит исчерпывающего перечня критериев признания присоединения новых территорий. Однако анализ практики государств и доктринальных разработок позволяет выделить следующие основные факторы³.

1. Присоединение не должно осуществляться с применением силы или угрозы силой, а также нарушать территориальную целостность других государств. Присоединение должно основываться на свободно выраженном и подлинном волеизъявлении населения, проживающего на присоединенной территории.

2. Государство, осуществившее присоединение, должно гарантировать соблюдение прав человека на всей своей территории, включая права национальных меньшинств, а также права на владение и управление личной собственностью граждан. Признание не должно создавать угрозы международному миру и безопасности, напротив, должно способствовать их укреплению⁴.

Признание присоединения новых территорий может выражаться в различных формах:

официальное заявление государства или международной организации о признании присоединения;

заключение международных договоров с государством, осуществившим присоединение, установление дипломатических отношений, участие в международных организациях;

признание присоединения большинством государств-членов ООН или региональной международной организации.

Признание присоединения новых территорий международным сообществом имеет большое политическое значение, поскольку полностью обеспечивает легитимное

¹ Бекашев К. А. Международное публичное право: учеб. М.: Проспект, 2019. 1840 с.

² Абашидзе А. Х. Защита прав меньшинств по международному и внутригосударственному праву. М.: Права человека, 1996. 474 с.

³ Вельяминов Г. М. Международное право: опыты. М.: Статут, 2015. 1006 с.

⁴ Тузмухамедов Б. Р. Международное право в конституционной юрисдикции: хрестоматия. М.: Юристъ, 2006. 463 с.

владение новыми территориями, придавая им законный правовой характер в глазах мирового сообщества, способствует стабилизации обстановки в регионе, снижает риск возникновения новых конфликтов, создает благоприятные условия для развития торгово-экономического и политического сотрудничества.

Вопрос о признании присоединения новых территорий – это комплексная проблема, требующая взвешенного и ответственного подхода всех участников международных отношений. Баланс интересов государств, незыблемость международного права и безусловное соблюдение прав человека должны стать основополагающими принципами при решении данной задачи.

Вопрос о законности присоединения новых территорий вызывает коллизии между принципами территориальной целостности и права на самоопределение, которые требуют поиска баланса в международном праве.

Принципы территориальной целостности государств и права наций на самоопределение, являясь краеугольными камнями современного международного порядка, нередко вступают в противоречие друг с другом, создавая сложные юридические и политические дилеммы. Сущность коллизии заключается в том, что принцип территориальной целостности закрепляет право государства на суверенитет и нерушимость своих границ, исключает возможность одностороннего отторжения от него каких-либо частей. Право на самоопределение, напротив, предполагает возможность народов свободно определять свой политический статус и формы государственного устройства, включая право на создание собственного независимого государства. Коллизия возникает в тех случаях, когда стремление народа к самоопределению вступает в противоречие с правом существующего государства на сохранение своей территориальной целостности.

В международной практике сложились два основных подхода к разрешению данной коллизии: это приоритет территориальной целостности и приоритет права на самоопределение. Первый подход поддерживается в первую очередь государствами с многонациональным составом, исходит из того, что право на самоопределение не должно нарушать территориальную целостность существующих государств. Второй подход, отстаиваемый, как правило, народами, стремящимися к независимости, предполагает, что право на самоопределение приоритетно и может быть реализовано даже в ущерб территориальной целостности существующего государства.

Современное международное право стремится к поиску баланса между этими двумя основополагающими принципами. В решениях Международного суда ООН, доктринальных разработках и международной практике наметились следующие тенденции:

1) право на самоопределение не признается абсолютным, оно не должно использоваться для нарушения территориальной целостности государств, образованных на основе принципа самоопределения и уважающих права человека;

2) важна реализация права на самоопределение внутри государства. Государства обязаны создавать условия для реализации народами своего права на внутреннее самоопределение через автономию, культурную и языковую самобытность;

3) приоритет должен отдаваться мирному урегулированию. Споры, связанные с реализацией права на самоопределение, должны решаться исключительно мирным путем, через переговоры, медиацию, арбитраж.

Коллизия между принципами территориальной целостности и права на самоопределение носит сложный и многоаспектный характер. В каждом конкретном случае необходимо учитывать множество факторов: исторический контекст, волеизъявление населения, соблюдение прав человека, угрозу международному миру и безопасности. Поиск баланса между этими фундаментальными принципами – непрерывный процесс, требующий взвешенного и ответственного подхода всех членов международного сообщества.

Изучение территориальных изменений важно не только для понимания текущих международных процессов, но и для разработки стратегий предотвращения конфликтов и содействия мирному сосуществованию государств и народов. Анализ целей, которые преследуют государства в процессе территориальных изменений, позволяет выявить мотивации и потенциальные риски, связанные с изменением границ. Эти

цели могут варьироваться от обеспечения национальной безопасности и доступа к природным ресурсам до максимизации культурного и исторического влияния. Разнообразие геополитических, экономических и культурных факторов, влияющих на эти цели, подчеркивает сложность и многогранность данного вопроса.

Изучение и регулирование территориальных изменений остаются актуальными в современных международных отношениях. Они требуют всестороннего анализа и международного сотрудничества, направленного на обеспечение уважения международного права и поддержание мира и безопасности. Эффективное решение этих вопросов возможно только через диалог и взаимодействие всех заинтересованных сторон, включая государства, международные организации и гражданское общество.

Проблема территориальных государственных изменений в контексте присоединения новых территорий представляет собой комплексное явление, затрагивающее широкий спектр правовых, политических и экономических вопросов, остается одной из наиболее сложных и дискуссионных в современном международном праве. Ее решение требует комплексного подхода, учитывающего как устоявшиеся принципы международного права, так и новые тенденции в развитии международных отношений, тщательного научного анализа и разработки эффективных правовых механизмов, обеспечивающих баланс между интересами государства, правами граждан и принципами международного права.

Список литературы

Абашидзе А. Х. Защита прав меньшинств по международному и внутригосударственному праву. М.: Права человека, 1996. 474 с.

Авакьян С. А. Конституционное право России: учеб. курс: в 2 т. М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. 485 с.

Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации: учеб. М.: Норма, 2007. 704 с.

Бекашев К. А. Международное публичное право: учеб. М.: Проспект, 2019. 1840 с.

Вельяминов Г. М. Международное право: опыты. М.: Статут, 2015. 1006 с.

Гаджиев Г. А. Конституционная экономика. М.: Юстицинформ, 2010. 256 с.

Зорькин В. Д. Конституционный Суд России: доктрина и практика. М.: Норма, 2017. 592 с.

Лукашук И. И. Международное право. Особенная часть: учеб. М.: Волтерс Клувер, 2005. 517 с.

Тузмухамедов Б. Р. Международное право в конституционной юрисдикции: хрестоматия. М.: Юристъ, 2006. 463 с.

References

Abashidze A. Kh. (1996) *Zashchita prav men'shinstv po mezhdunarodnomu i vnutrigosudarstvennomu pravu* [Protection of minority rights under international and national law]. Moscow, Prava cheloveka, 474 p.

Avak'yan S. A. (2014) *Konstitutsionnoe pravo Rossii: uchebnyi kurs: v 2 t.* [Constitutional law of Russia: training course: in 2 volumes]. Moscow, Norma: INFRA-M, 485 p.

Baglai M. V. (2007) *Konstitutsionnoe pravo Rossiiskoi Federatsii: uchebnyk* [Constitutional law of the Russian federation: textbook]. Moscow, Norma, 704 p.

Beckashev K. A. (2019) *Mezhdunarodnoe publichnoe pravo: uchebnyk* [International public law: textbook]. Moscow, Prospekt, 1840 p.

Gadzhiev G. A. (2010) *Konstitutsionnaya ekonomika* [Constitutional economics]. Moscow, Yustitsinform, 256 p.

Lukashuk I. I. (2005) *Mezhdunarodnoe pravo. Osobennaya chast': uchebnyk* [International law. Special part: textbook]. Moscow, Volters Kluver, 517 p.

Tuzmukhamedov B. R. (2006) *Mezhdunarodnoe pravo v konstitutsionnoi yurisdiktsii: khrestomatiya* [International law in constitutional jurisdiction: textbook]. Moscow, Yurist", 463 p.

Vel'yaminov G. M. (2015) *Mezhdunarodnoe pravo: opyty* [International law: experiments]. Moscow, Statut, 1006 p.

Zor'kin V. D. (2017) *Konstitutsionnyi Sud Rossii: doktrina i praktika* [Constitutional Court of Russia: doctrine and practice]. Moscow, Norma, 592 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.11.2024

Дата принятия рукописи в печать: 25.03.2025

ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ГОСУДАРСТВ В ОТНОШЕНИИ ПРАВА НА ЗДОРОВЬЕ: НА ГРАНИ МЕЖДУ ИДЕАЛИЗМОМ И РЕАЛИЗМОМ

Авдеева Ольга Алексеевна

Аспирант кафедры международного права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), ORCID: 0000-0002-3794-086X, e-mail: o.a.avdeeva1@usla.ru.

Статья посвящена анализу международно-правовых обязательств государств в сфере реализации права на здоровье. Рассматриваются универсальные правовые инструменты и региональные стандарты, которые формируют многоуровневую систему гарантий. В фокусе исследования – толкование норм универсальных и региональных договоров, а также практика международных органов, демонстрирующая, как обязательства применяются в реальных условиях. Особое внимание уделяется трехуровневой модели обязательств государств – уважать, защищать и осуществлять – с акцентом на предотвращение дискриминации, обеспечение доступа к базовым медицинским услугам и защиту уязвимых групп. Исследуются современные вызовы, такие как пандемии, цифровизация здравоохранения и экологические угрозы. Подчеркивается необходимость международного сотрудничества, предлагаются рекомендации по укреплению систем здравоохранения посредством интеграции правовых норм, инвестиции в инфраструктуру и учета глобальных рисков на основе баланса между суверенитетом государств и обязательством гарантировать здоровье как общественное благо.

Ключевые слова: право на здоровье, здравоохранение, обязательства государств, уязвимые группы, пандемии, уровни обязательств

Для цитирования: Авдеева О. А. Обязательства государств в отношении права на здоровье: на грани между идеализмом и реализмом // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2025. № 2. С. 49–56. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2025_2_49.

STATES OBLIGATIONS UNDER THE RIGHT TO HEALTH: ON THE BORDERLINE BETWEEN IDEALISM AND REALISM

Avdeeva Olga

Postgraduate, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg), ORCID: 0000-0002-3794-086X, e-mail: o.a.avdeeva1@usla.ru.

The article is devoted to the analysis of international legal obligations of states in the field of implementing the right to health. It examines universal legal instruments and regional standards that form a multilevel system of guarantees. The focus of the study is on the interpretation of norms from universal and regional treaties, as well as the practice of international bodies, demonstrating how these obligations are applied in real-world contexts. Special attention is paid to the three-tier model of state obligations – to respect, protect and fulfill – with an emphasis on preventing discrimination, ensuring access to basic healthcare services, and protecting vulnerable groups. The article explores contemporary challenges such as pandemics, digitalization of healthcare and environmental threats. It highlights the necessity of international cooperation and provides recommendations for strengthening healthcare systems through the integration of legal norms, infrastructure investment and consideration of global risks, based on balancing state sovereignty and the obligation to guarantee health as a public good.

Key words: right to health, public health, state obligations, vulnerable groups, pandemics, levels of obligation

For citation: Avdeeva O. (2025) States obligations under the right to health: on the borderline between idealism and realism. In Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnaluu», no. 2, pp. 49–56, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2025_2_49.

Право на здоровье как ключевой элемент того комплекса правовых норм, что принято называть международным правом прав человека, занимает центральное место в обеспечении достойного качества жизни и устойчивого развития¹. Его актуальность в XXI в. обусловлена глобальными вызовами, включая пандемии (такие как COVID-19) и экономические кризисы, сохраняющееся неравенство в доступе к медицине, экологические угрозы и увеличение числа хронических заболеваний. Эти проблемы требуют четкого понимания обязательств государств, которые, будучи субъектами международного права, несут ответственность за реализацию права на здоровье как на национальном, так и на международном уровне.

Международно-правовые источники права на здоровье формируют многоуровневую систему, сочетающую универсальные и региональные нормы. На универсальном уровне ключевую роль играет Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (далее – МПЭСКП), ст. 12 которого закрепляет право на «наивысший достижимый уровень здоровья». Этот документ, дополненный Замечанием общего порядка № 14 Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам, устанавливает обязательства государств по обеспечению доступности, приемлемости, качества и недискриминации в сфере здравоохранения². Дополняют эту систему специализированные конвенции, такие как Конвенция о правах ребенка и Конвенция о ликвидации дискриминации в отношении женщин, которые акцентируют внимание на защите права на здоровье уязвимых групп. Устав ВОЗ и Цели устойчивого развития подчеркивают глобальный характер права на здоровье, связывая его с борьбой с бедностью и экологическими вызовами.

Особенность универсальных актов заключается в закреплении обязательств государств на глобальном уровне, обеспечении единых подходов к реализации права на здоровье для каждого человека, независимо от гражданства, места проживания или социального статуса. Можно также сделать вывод о комплексном характере обязательств, поскольку под правом на здоровье понимается не только право на доступ к медицинским услугам, но и связанные с ним аспекты, такие как право на чистую окружающую среду, доступ к чистой воде, питанию, гигиене и просвещению в области здоровья.

Значимость международного сотрудничества для реализации права на здоровье определяется ст. 2 МПЭСКП, призывающей развитые страны оказывать помощь развивающимся государствам в достижении целей в области здравоохранения. Кроме того, Цели устойчивого развития (ЦУР), принятые ООН в 2015 г., также акцентируют внимание на глобальном партнерстве для достижения ЦУР 3 («Обеспечение здорового образа жизни и содействие благополучию для всех в любом возрасте»).

Кроме того, универсальные источники подчеркивают тесную взаимосвязь с другими правами человека, такими как право на жизнь, право на образование, право на труд и право на благоприятную окружающую среду. Например, в ст. 25 Конвенции о правах инвалидов закреплено обязательство обеспечения инвалидам доступа к медицинским услугам наравне с другими гражданами, что подчеркивает взаимосвязь права на здоровье и запрета дискриминации.

Таким образом, универсальные источники права на здоровье отличаются широким охватом, комплексным подходом и акцентом на недискриминацию и международное сотрудничество. Они формируют основу для разработки внутригосударственного законодательства в области здравоохранения и обеспечивают ответственность государств перед международным сообществом.

Региональные нормы играют важную роль в защите и продвижении права на здоровье, дополняя универсальные международные стандарты и адаптируя их к специ-

¹ Подробнее: Авдеева О. А. Право на здоровье в международном праве: от аморфного архетипа к синтетической концепции // Российское право: образование, практика, наука. 2023. № 4. С. 45–52. DOI: [10.34076/2410_2709_2023_4_45](https://doi.org/10.34076/2410_2709_2023_4_45).

² Комитет ООН по экономическим, социальным и культурным правам. Замечание общего порядка № 14 (2000).

фическим условиям и потребностям отдельных регионов. Они обеспечивают более детализированное регулирование и создают механизмы для эффективной реализации права на здоровье на региональном уровне. Среди ключевых аспектов региональных норм можно выделить адаптацию к культурным, экономическим и социальным особенностям региона (в африканском регионе – борьба с инфекционными заболеваниями, доступ к чистой воде и санитарии¹; в европейском регионе – доступность высокотехнологичной медицинской помощи, защита прав пациентов и борьба с дискриминацией²; в американском регионе – обеспечение доступа к медицинским услугам для коренных народов) и усиление механизмов защиты права (создание специализированных международных органов).

Зачастую региональные акты устанавливают более строгие обязательства государств, тем самым обеспечивая более высокие стандарты. Например, в ст. 11 Европейской социальной хартии закреплено обязательство государств не только обеспечивать доступ к медицинским услугам, но и принимать меры для предотвращения заболеваний и обеспечения общественного здоровья. Таким образом, они дополняют универсальные международные нормы, делая их более четкими и применимыми, не только конкретизируя обязательства, но и создавая эффективные инструменты обеспечения их соблюдения через судебные и квазисудебные органы³.

Уровни обязательств государств. Все права человека, включая право на здоровье, налагают на государства три уровня обязательств: уважать, защищать и осуществлять. Неспособность или нежелание государства, будь то действие или бездействие, соблюдать обязательства по уважению, защите или осуществлению права равносильны нарушению этого права⁴. Каждый из этих уровней обязательств распространяется и на право на здоровье.

Обязательство *уважать* требует от государств воздерживаться от любых действий, которые прямо или косвенно негативно влияют на право на здоровье. Например, государства должны воздерживаться от отказа или ограничения равного доступа для всех лиц и групп к профилактическим, лечебным и паллиативным медицинским услугам. Государства обязаны, в частности, воздерживаться от дискриминации в отношении женщин и девочек⁵ и от навязывания дискриминационной практики, связанной с состоянием здоровья и потребностями женщин и девочек, такой как ограничение доступа к современным средствам контрацепции, стерилизация женщины без ее информированного согласия, цензура, сокрытие или намеренное искажение информации, касающейся здоровья женщин, включая сексуальное образование и другие способы поддержания сексуального и репродуктивного здоровья женщин и детей, а также не препятствовать участию женщин в вопросах, связанных со здоровьем⁶.

Кроме того, для обеспечения реализации права на здоровье государства также должны воздерживаться от депортации лиц, живущих с ВИЧ/СПИД, в государства, где они не смогут получить лечение, если их болезнь достигла терминальной стадии. Такой позиции придерживается ЕСПЧ в деле *«D. v. the United Kingdom»*, которое касалось предлагаемой депортации британскими властями мужчины, умирающего от СПИДа, в Сент-Китс и Невис, страну его происхождения. Диагноз был поставлен во время нахождения в британской тюрьме. Заявитель обратился за разрешением остаться в Соединенном Королевстве после окончания срока тюремного заключения. Его депортация в Сент-Китс и Невис повлекла бы за собой утрату должного медицинского обслуживания, которое он получал. ЕСПЧ отметил, что заявитель находил-

¹ Африканская хартия прав человека и народов (1981) // Международные акты о правах человека: сб. документов. М.: Норма, 2002. С. 887–905.

² Европейская социальная хартия (пересмотренная): принята в Страсбурге 3 мая 1996 г.; ратифицирована Федеральным законом от 3 июня 2009 г. № 101-ФЗ. Документ прекратил действие в отношении России 16 марта 2022 г. (Федеральный закон от 28 февраля 2023 г. № 43-ФЗ).

³ Постановление Европейского Суда по правам человека по делу *«Lopes de Sousa Fernandes v. Portugal»*. 56080/13, ECHR, 2017.

⁴ Комитет ООН по экономическим, социальным и культурным правам. Замечание общего порядка № 24 (2017).

⁵ Комитет ООН по экономическим, социальным и культурным правам. Замечание общего порядка № 14 (2000).

⁶ Ssenyonjo M. Economic, Social and Cultural Rights. 2nd ed. L.: Routledge, 2018. 667 p.

ся на поздней стадии СПИДа, и постановил, что резкое прекращение медицинского лечения в результате депортации заявителя в Сент-Китс и Невис подвергнет его реальному риску смерти при самых тяжелых обстоятельствах, что будет приравнено к бесчеловечному обращению. Суд отметил, что резкая отмена лекарственных препаратов, предоставляемых в государстве-ответчике, а также предполагаемое отсутствие адекватных методов лечения, любой формы психологической или социальной поддержки в принимающей стране ускорит смерть заявителя и подвергнет его острым душевным и физическим страданиям¹. Ввиду этих исключительных обстоятельств, принимая во внимание терминальную стадию, на которую перешло заболевание заявителя, Суд постановил, что заявитель не должен быть депортирован.

Однако в более поздних делах ЕСПЧ высказал противоположную позицию². Заявительница, гражданка Уганды, ВИЧ-инфицированная, прибыла в Великобританию под вымышленным именем. На следующий день, будучи тяжелобольной, она была госпитализирована в больницу, где ей был поставлен диагноз: ВИЧ-инфекция с серьезным повреждением иммунной системы и туберкулез. После длительного пребывания в больнице у нее развилось второе заболевание – особенно агрессивная форма онкологии. Она была повторно госпитализирована и начала длительный курс химиотерапии. После нескольких лет лечения и многочисленных рецидивов произошла ремиссия. Врачи охарактеризовали ее состояние как стабильное и добавили, что если бы она осталась в Великобритании, то продолжительность жизни значительно бы увеличилась в связи с доступностью современных препаратов. В случае возвращения в Уганду продолжительность жизни значительно сократится с десятилетий до 1–2 лет. В этих обстоятельствах заявительница утверждала, что в случае ее возвращения в Уганду она не будет иметь доступа к медицинскому лечению, в котором она нуждается, и что это приведет к нарушению ст. 3 и 8 ЕКПЧ.

Однако даже при таких обстоятельствах Суд постановил, что в случае высылки заявительницы в Уганду нарушение ст. 3 Конвенции отсутствует, поскольку в данном деле не было исключительных обстоятельств, как в деле «*D. v. United Kingdom*». Суд признал, что качество жизни заявительницы и продолжительность ее жизни действительно пострадают, если она будет депортирована в Уганду. Однако заявительница в момент рассмотрения дела не была тяжело больна. Скорость ухудшения состояния, которое она испытывает, и уровень качества медицинского обслуживания в Уганде, включая помощь родственников, нельзя определить наверняка, особенно с учетом постоянно меняющейся ситуации в отношении лечения ВИЧ-инфекции во всем мире.

Таким образом, позиция ЕСПЧ по данному вопросу неоднозначна. Хотя причина не всегда указывается прямо, она, по-видимому, основана на утверждении, что признание нарушения ст. 3 в случаях, связанных с жалобами на некачественное медицинское обслуживание в других государствах, повлечет волну иммиграции в Европу, где качество медицинского обслуживания и доступ к лекарствам значительно выше. Государства обязаны уважать равный доступ к медицинским услугам и не препятствовать отдельным лицам или группам лиц в их доступе, воздерживаясь от ряда практик, которые негативно влияют на реализацию права на здоровье. При этом данное обязательство выполняется с учетом принципа суверенного равенства государств.

Обязательство *защищать* требует от государств принятия мер, которые препятствуют вмешательству третьих лиц в право на здоровье. Государства обязаны принять законодательные или иные меры для обеспечения равного доступа к здравоохранению, обеспечить, чтобы приватизация сектора здравоохранения не представляла угрозы наличию, доступности, приемлемости и качеству медицинских товаров и услуг, обеспечить, чтобы медицинский персонал отвечал стандартам образования, квалификации и этическим нормам³.

Государства также обязаны принимать законодательные и другие меры по защите отдельных лиц от вредных социальных или традиционных практик, которые вле-

¹ Постановление Европейского Суда по правам человека по делу «*D. v. the United Kingdom*». 30240/96. ECHR, Judgment 2.5.1997, par. 53.

² Постановление Европейского Суда по правам человека по делу «*N. v. Great Britain*». 26565/05. 2008.

³ A Healthy knowledge. Right to information and the right to health. L.: Article 19, 2012.

кут негативные последствия для здоровья. Например, государства должны принять меры, чтобы предотвратить традиционные принудительные калечащие операции на женских половых органах и другие вредные традиционные практики, включая ранние браки, раннюю беременность, практики, нормализующие операции детей, и др. Аналогично обязательство защищать обязывает государства препятствовать производству, продаже и потреблению табака, алкоголя и наркотических веществ¹. Кроме того, государства обязаны принимать меры по защите всех уязвимых групп общества, в частности женщин, детей, подростков и пожилых людей. Государства также должны защищать право на доступ к информации, связанной со здоровьем, от вмешательства третьих лиц².

Обязательство осуществлять предполагает принятие соответствующих законодательных, административных, финансовых, судебных и других мер для содействия (например, посредством надлежащей подготовки врачей и другого медицинского персонала и предоставления достаточного количества медицинских учреждений), поощрения или предоставления доступа к основным предпосылкам здоровья (в случае неспособности по не зависящим от отдельных лиц причинам реализовать право на здоровье с помощью имеющихся в их распоряжении средств). Комитет по экономическим, социальным и культурным правам отметил, что, хотя нет причин, по которым частный сектор экономики не должен быть полностью вовлечен в предоставление медицинских услуг, необходимо понимать, что такой подход никоим образом не освобождает правительство от обязательств использовать все имеющиеся средства для содействия доступу к системе здравоохранения, особенно для неблагополучных слоев населения³. В деле «*Purohit and Moore v. The Gambia*» правозащитники стали свидетелями бесчеловечного обращения с пациентами в психиатрическом отделении больницы в Гамбии⁴. Они подали жалобу в Африканскую комиссию от имени пациентов, содержащихся в отделении. Основным законодательным актом, регулирующим вопросы психического здоровья в Гамбии, был закон о содержании психически больных, принятый еще в 1917 г. В жалобе указывалось, что колониальное законодательство имело серьезные недостатки; среди прочего, отсутствовали положения, устанавливающие гарантии диагностики, освидетельствования и содержания пациента. Африканская комиссия постановила, что лицам с психическими заболеваниями не должно быть отказано в праве на надлежащее медицинское обслуживание, которое имеет решающее значение для их выживания, ассимиляции и принятия обществом в целом. В этом отношении обязательство содействовать реализации права на здоровье является жизненно важным, поскольку деятельность коммерческих организаций в сфере здравоохранения весьма сложно контролировать, так как они могут быть нацелены на извлечение прибыли, и соблюдение прав человека отходит на второй план.

Минимальные основные обязательства. Государства несут основное обязательство по обеспечению удовлетворения, по крайней мере, минимальных стандартов прав, провозглашенных в МПЭСКП, включая основную первичную медико-санитарную помощь и основные предпосылки здоровья. В контексте здравоохранения минимальное основное обязательство признают уровнем, ниже которого не должны опускаться условия и услуги здравоохранения⁵. Это применимо в любое время, независимо от наличия ресурсов или любых других факторов. Что касается минимального основного содержания права на здоровье, то в программе ВОЗ «Здоровье для всех» и стратегии ВОЗ в области первичной медико-санитарной помощи определен базовый уровень здоровья, ниже которого не должен оказаться ни один человек ни в одной стране⁶. По мнению Комитета, основные обязательства в отношении здоро-

¹ Комитет ООН по экономическим, социальным и культурным правам. Замечание общего порядка № 14 (2000).

² A Healthy knowledge. Right to information and the right to health.

³ Комитет ООН по экономическим, социальным и культурным правам. Заключительные замечания: Филиппины. UN Doc E/C.12/1995/7.

⁴ «*Purohit and Moore v. The Gambia*». Communication No. 241/2001. 2003. URL: <http://www1.umn.edu/humanrts/africa/comcases/241-2001.html> (дата обращения: 10.03.2025).

⁵ Chapman A. R. Conceptualising the Right to Health: A Violations Approach // Tennessee Law Review. 1998. Vol. 65. № 2. P. 398–418.

⁶ Первичная медико-санитарная помощь: ВОЗ. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/primary-health-care> (дата обращения: 10.03.2025).

вья включают, самое меньшее, обязательства обеспечить право на доступ к медицинским учреждениям, питанию, достаточному для предотвращения голода, жилью и гигиене, основным лекарственным препаратам, а также принятие и осуществление национальной стратегии в области здравоохранения. Стратегии и программы действий должны разрабатываться и периодически пересматриваться на основе статистических данных, они должны включать контрольные показатели, с помощью которых можно тщательно отслеживать прогресс, также особое внимание должно быть уделено уязвимым группам.

С одной стороны, акцент сделан на доступе к медицинским учреждениям на недискриминационной основе, обеспечении основными лекарствами и осуществлении национальной стратегии в области здравоохранения (система здравоохранения). С другой стороны, обязательства сосредоточены на доступе к питанию, чистой питьевой воде и жилью (основные предпосылки здоровья). Комитет ООН по экономическим, социальным и культурным правам также подтвердил, что отдельные обязательства являются обязательствами «сопоставимого приоритета», например проведение вакцинации против основных заболеваний, обеспечение репродуктивного здоровья и здоровья детей, просвещение в вопросах здоровья, подготовка квалифицированного персонала и др.¹ Это означает, что, обеспечив выполнение минимальных основных обязательств, рассмотренных выше, государства обязаны выполнять обязательства «сопоставимого приоритета».

Говоря о возможности пострадавших от предполагаемых нарушений права на здоровье лиц или групп обращаться в международные органы, отдельные ученые утверждают, что экономические, социальные и культурные права как категорию можно признать «не подлежащими судебному рассмотрению»².

Это связано, во-первых, с тем, что такие права являются ресурсоемкими и «дорогостоящими» по своей природе и, следовательно, могут налагать неконтролируемое тяжелое бремя на государства³. Представляется, что в той мере, в какой такие дела связаны с приоритетами расходов государственного бюджета, эти решения остаются в сфере исключительной компетенции органов власти государств⁴. Экономические, социальные и культурные права вызывают значительный объем позитивных обязательств в том смысле, что государства должны принимать меры для их обеспечения и затрачивать материальные ресурсы, в то время как для обеспечения гражданских и политических прав государства обладают большим объемом негативных обязательств, а значит, и ресурсов требуется меньше.

Во-вторых, утверждается, что экономические, социальные и культурные права (в том числе право на здоровье) не подлежат судебной и квазисудебной защите ввиду расплывчатой формулировки и отсутствия точного определения того или иного права. Они являются лишь «идеалами» или «программными ориентирами для государственной политики», в отличие от тех же политических прав человека⁵. Отчасти именно по этой причине далеко не все участники МПЭСКП ратифицировали Факультативный протокол, закрепляющий механизм рассмотрения Комитетом индивидуальных жалоб⁶. Тем не менее права человека обеспечиваются посредством выполнения негативных обязательств, не требующих практически никаких ресурсов (обязательство уважать), создания нормативно-правовой основы, для чего нужны некоторые ресурсы (обязательство защищать), и выполнения позитивных обязательств, требующих, в разной степени, значительных ресурсов (обязательство осуществлять).

¹ Комитет ООН по экономическим, социальным и культурным правам. Замечание общего порядка № 14 (2000).

² *Fabre C.* Constitutionalising Social Rights // *Journal of Political Philosophy*. 2002. № 6. P. 263–284. DOI: 10.1111/1467-9760.00055.

³ *Sunstein C. R.* Against Positive Rights // *2 East European Constitutional Review*. 1993. P. 35–38.

⁴ *Mureinik M.* Beyond a Charter of Luxuries: Economic Rights in the Constitution // *South African Journal of Human Rights*. 1992. Vol. 8. № 4. P. 464–474.

⁵ *Arambulo K.* Strengthening the Supervision of the ICESCR: Theoretical and Procedural Aspects. Antwerp: Intersentia, 1999. P. 136–141.

⁶ Всего 26 государств-участников, Российская Федерация не ратифицировала.

В современном мире выполнение обязательств государств по обеспечению права на здоровье сталкивается со множеством вызовов, обусловленных глобальными изменениями в социальной, экономической и экологической сферах. Одним из наиболее острых вызовов выступают пандемии, такие как COVID-19, которые выявили слабость национальных систем здравоохранения. Нехватка медицинских ресурсов, медленное реагирование на кризисы и неравномерное распределение вакцин подчеркивают необходимость укрепления глобальной готовности к пандемиям¹. Государства обязаны не только инвестировать в инфраструктуру здравоохранения, но и активно сотрудничать на международном уровне для обеспечения справедливого доступа к медицинским ресурсам и технологиям².

Еще одним значимым вызовом является неравенство в доступе к медицинским услугам, которое усугубляется социально-экономическими и географическими факторами. Уязвимые группы, такие как мигранты, беженцы и коренные народы, часто сталкиваются с дискриминацией и ограниченным доступом к качественной медицинской помощи³. Кроме того, изменение климата и экологические угрозы создают дополнительные риски для здоровья населения, требуя от государств разработки стратегий адаптации и устойчивого развития⁴.

Цифровизация и новые технологии (развитие телемедицины и искусственного интеллекта) открывают новые возможности для улучшения систем здравоохранения, но также создают риски, связанные с неравенством в доступе к технологиям⁵ и защитой персональных данных⁶. Государства должны регулировать использование цифровых технологий, обеспечивая их доступность для всех слоев населения и защищая конфиденциальность пациентов. В условиях экономических кризисов и военных конфликтов, которые разрушают инфраструктуру здравоохранения, особое значение приобретают международное сотрудничество и гуманитарная помощь⁷.

Современные вызовы требуют от государств комплексного подхода, включающего укрепление национальных систем здравоохранения посредством разработки и регулярного пересмотра стратегий здравоохранения, обеспечения равного доступа к медицинским услугам и активного участия государств в глобальных инициативах, даже если полное выполнение обязательств невозможно в краткосрочной перспективе.

Правовые позиции судебных и квазисудебных органов позволяют сделать вывод о сложности обеспечения баланса между соблюдением прав человека и государственным суверенитетом. Только комплексный подход, основанный на признании универсальных минимальных стандартов и учете местных особенностей, позволит обеспечить выполнение государствами обязательств в отношении права на здоровье в условиях быстро меняющегося мира.

Для эффективной реализации права на здоровье требуется четкость в понимании и жесткость в выполнении государствами международных обязательств. Государствам необходимо перейти от декларативных заявлений и построения идеалистических конструкций к конкретным действиям, направленным на обеспечение доступности, качества и недискриминации в сфере здравоохранения. Это включает не только принятие прогрессивных законов, но и их практическое воплощение через финансирование, создание инфраструктуры и регулярный мониторинг. Только при таком подходе право на здоровье станет не аморфным архетипом, а реальной гарантией для каждого человека.

¹ *Goodman J. L., et al. Prepare now for a potential H5N1 pandemic // Science. 2025. Vol. 387. Is. 6738. P. 1047–1047. DOI: 10.1126/science.adw3278.*

² *Global Strategy on Digital Health 2020–2025: World Health Organization (WHO). 2021.*

³ *Reverby S. Historical Misfeasance: Immorality to Justice in Public Health // American Journal of Public Health. 2017. Vol. 107. № 1. P. 14–15. DOI: 10.2105/AJPH.2016.303554.*

⁴ *Watts N., et al. The 2019 Report of the Lancet Countdown on Health and Climate Change // The Lancet. 2019. Vol. 394. Is. 10211. P. 1836–1878. DOI: 10.1016/S0140-6736(19)32596-6.*

⁵ *Абашидзе А. Х., Маличенко В. С. Проблемы обеспечения международно-правовых гарантий в сфере охраны здоровья человека в условиях пандемии COVID-19 // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 15. № 4. С. 180. DOI: 10.17323/2072-8166.2022.4.155.183.*

⁶ *Topol E. J. High-Performance Medicine: The Convergence of Human and Artificial Intelligence // Nature Medicine. 2019. Vol. 25. № 1. P. 44–56.*

⁷ *Peters D. H., Garg A., Bloom G., et al. Poverty and Access to Health Care in Developing Countries // Annals of the New York Academy of Sciences. 2008. Vol. 1136. № 1. P. 161–171. DOI: 10.1196/annals.1425.011.*

Список литературы

Абашидзе А. Х., Маличенко В. С. Проблемы обеспечения международно-правовых гарантий в сфере охраны здоровья человека в условиях пандемии COVID-19 // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2022. Т. 15. № 4. С. 155–183. DOI: 10.17323/2072-8166.2022.4.155.183.

Авдеева О. А. Право на здоровье в международном праве: от аморфного архетипа к синтетической концепции // *Российское право: образование, практика, наука*. 2023. № 4. С. 45–52. DOI: 10.34076/2410_2709_2023_4_45.

Arambulo K. *Strengthening the Supervision of the ICESCR: Theoretical and Procedural Aspects*. Antwerp: Intersentia, 1999. 449 p.

Chapman A. R. Conceptualising the Right to Health: A Violations Approach // *Tennessee Law Review*. 1998. Vol. 65. № 2. P. 389–418.

Fabre C. Constitutionalising Social Rights // *Journal of Political Philosophy*. 2002. № 6. P. 263–284. DOI: 10.1111/1467-9760.00055.

Goodman J. L., et al. Prepare now for a potential H5N1 pandemic // *Science*. 2025. Vol. 387. Is. 6738. P. 1047–1047. DOI: 10.1126/science.adw3278.

Mureinik M. Beyond a Charter of Luxuries: Economic Rights in the Constitution // *South African Journal of Human Rights*. 1992. Vol. 8. № 4. P. 464–474.

Peters D. H., Garg A., Bloom G., et al. Poverty and Access to Health Care in Developing Countries // *Annals of the New York Academy of Sciences*. 2008. Vol. 1136. № 1. P. 161–171. DOI: 10.1196/annals.1425.011.

Reverby S. Historical Misfeasance: Immorality to Justice in Public Health // *American Journal of Public Health*. 2017. Vol. 107. № 1. P. 14–15. DOI: 10.2105/AJPH.2016.303554.

Ssenyonjo M. *Economic, Social and Cultural Rights*. 2nd ed. L.: Routledge, 2018. 667 p.

Sunstein C. R. Against Positive Rights // *2 East European Constitutional Review*. 1993. P. 35–38.

Topol E. J. High-Performance Medicine: The Convergence of Human and Artificial Intelligence // *Nature Medicine*. 2019. Vol. 25. № 1. P. 44–56.

Watts N., et al. The 2019 Report of the Lancet Countdown on Health and Climate Change // *The Lancet*. 2019. Vol. 394. Is. 10211. P. 1836–1878. DOI: 10.1016/S0140-6736(19)32596-6.

References

Abashidze A. Kh., Malichenko V. S. (2022) Problemy obespecheniya mezhdunarodno-pravovykh garantii v sfere okhrany zdorov'ya cheloveka v usloviyakh pandemii COVID-19 [Problems of ensuring international legal guarantees in the field of human health protection in the context of the COVID-19 pandemic]. In *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*, vol. 15, no. 4, pp. 155–183, DOI: 10.17323/2072-8166.2022.4.155.183.

Arambulo K. (1999) *Strengthening the Supervision of the ICESCR: Theoretical and Procedural Aspects*. Antwerp, Intersentia, 449 p.

Avdeeva O. A. (2023) Pravo na zdorov'e v mezhdunarodnom prave: ot amorfnoego arkhetipa k sinteticheskoi kontseptsii [The Right to Health in International Law: From an Amorphous Archetype to a Synthetic Conception]. In *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, no. 4, pp. 45–52, DOI: 10.34076/2410_2709_2023_4_45.

Chapman A. R. (1998) Conceptualising the Right to Health: A Violations Approach. In *Tennessee Law Review*, vol. 65, no. 2, pp. 389–418.

Fabre C. (2002) Constitutionalising Social Rights. In *Journal of Political Philosophy*, no. 6, pp. 263–284, DOI: 10.1111/1467-9760.00055.

Goodman J. L., et al. (2025) Prepare now for a potential H5N1 pandemic. In *Science*, vol. 387, is. 6738, pp. 1047–1047, DOI: 10.1126/science.adw3278.

Mureinik M. (1992) Beyond a Charter of Luxuries: Economic Rights in the Constitution. In *South African Journal of Human Rights*, vol. 8, no. 4, pp. 464–474.

Peters D. H., Garg A., Bloom G., et al. (2008) Poverty and Access to Health Care in Developing Countries. In *Annals of the New York Academy of Sciences*, vol. 1136, no. 1, pp. 161–171, DOI: 10.1196/annals.1425.011.

Reverby S. (2017) Historical Misfeasance: Immorality to Justice in Public Health. In *American Journal of Public Health*, vol. 107, no. 1, pp. 14–15, DOI: 10.2105/AJPH.2016.303554.

Ssenyonjo M. (2018) *Economic, Social and Cultural Rights*, 2nd ed. London, Routledge, 667 p.

Sunstein C. R. (1993) Against Positive Rights. In *2 East European Constitutional Review*, pp. 35–38.

Topol E. J. (2019) High-Performance Medicine: The Convergence of Human and Artificial Intelligence. In *Nature Medicine*, vol. 25, no. 1, pp. 44–56.

Watts N., et al. (2019) The 2019 Report of the Lancet Countdown on Health and Climate Change. In *The Lancet*, vol. 394, is. 10211, pp. 1836–1878, DOI: 10.1016/S0140-6736(19)32596-6.

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.11.2024

Дата принятия рукописи в печать: 25.03.2025

БИОГРАФИЧЕСКИЙ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ: ПОНЯТИЕ И ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Гаитова Елена Рафиловна

Аспирант кафедры теории государства и права имени С. С. Алексеева
Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург), ORCID: 0009-0006-5573-7474, e-mail: balaeva77@list.ru.

В настоящей статье исследуется биографический методологический подход, применение которого позволяет уяснить смысл учения без отрыва от личности его автора, благодаря чему содержание учения возможно осмыслить с нового ракурса и лучше исследовать историю развития политико-правовой мысли. Познание биографий ученых помогает проследить эволюцию научных взглядов на государство, право и политику, способствует осмыслению прогресса учений, показывая, как идеи мыслителей прошлого влияют на современные достижения в области теории государства и права, как возникают юридические традиции и правовые школы. В настоящей статье дано определение понятия «биографический методологический подход» как познавательной ориентации, позволяющей изучать историю учений о государстве и праве как неотъемлемую часть социокультурной среды общества, используемую в целях объяснения роли и значения в данных процессах субъективно-личностного фактора ученого. Определены познавательные возможности данного подхода для науки истории правовых и политических учений. Актуальность настоящего исследования определяется тем, что юридической наукой востребованы междисциплинарные и теоретико-методологические исследования. Новизна исследования состоит в проработке биографического методологического подхода, который недостаточно рассмотрен в науке истории правовых и политических учений и требует более глубокого изучения. Подобные исследования могут быть ценным вкладом в науку истории правовых и политических учений.

Ключевые слова: история правовых и политических учений, методология, методологический подход, биографический подход

Для цитирования: Гаитова Е. Р. Биографический методологический подход в истории политических и правовых учений: понятие и познавательные возможности // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2025. № 2. С. 57–66. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2025_2_57.

BIOGRAPHICAL METHODOLOGICAL APPROACH IN THE HISTORY OF POLITICAL AND LEGAL DOCTRINES: THE CONCEPT AND COGNITIVE CAPABILITIES

Gaitova Elena

Postgraduate, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg),
ORCID: 0009-0006-5573-7474, e-mail: balaeva77@list.ru.

This article explores a biographical methodological approach, the application of which makes it possible to understand the meaning of the teaching without detaching from the personality of its author, so that the content of the teaching can be comprehended from a new perspective, which will allow in general to conduct research on the history of the development of political and legal thought. The knowledge of biographies of scientists helps to trace the evolution of scientific views on the state, law and politics, contributes to understanding the progress of teachings, showing how the ideas of

thinkers of the past influence modern achievements in the field of theory of state and law, how legal traditions and legal schools arose. This article defines the concept of a biographical methodological approach, which is a cognitive orientation that allows to study the history of the teachings of the state and law as an integral part of the sociocultural environment of society, used to explain the role and significance of the subjective personal factor of a scientist in these processes. The article also defines the cognitive possibilities of this approach for the science of the history of legal and political doctrines. The relevance of this study is determined by the fact that interdisciplinary and theoretical and methodological research is in demand in legal science. The novelty of the study of the biographical methodological approach in the science of the history of legal and political doctrines is determined by the fact that previously the issues of methods of researching the biography of the author of the doctrine were not considered and require deeper study. Such studies can be a valuable contribution to the science of the history of legal and political doctrines.

Key words: the history of legal and political teachings, methodology, methodological approach, biographical approach

*For citation: Gaitova E. (2025) Biographical methodological approach in the history of political and legal doctrines: the concept and cognitive capabilities. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 2, pp. 57–66, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2025_2_57.*

Для современного состояния российской науки истории правовых и политических учений характерны сосредоточение на методологических вопросах и поиск новых исследовательских приемов. О важности внимания к вопросам методологии заявляли ученые еще в советский период: «Теоретико-методологическая часть истории политических учений как научной дисциплины относится к числу наименее разработанных и слабо освещенных в нашей литературе тем»¹. Осознание важности решения методологических проблем обусловило исследование одного из познавательных инструментов науки истории правовых и политических учений – биографического методологического подхода.

Состояние научной разработанности этого подхода можно определить по работам профессора С. В. Кодана². Необходимо подчеркнуть, что уже имеются теоретические наработки, связанные с изучением биографии автора с целью комплексного анализа его теории. Так, биографии исследуются во многих диссертационных работах, посвященных политико-правовым учениям³. В данных работах помимо учения рассматривается биография мыслителя, прослеживаются логические связи между событиями биографического характера и непосредственно учением, которое может быть понято только при комплексном анализе его содержания и биографии его создателя.

Глубокое познание учения осуществимо с помощью биографического методологического подхода. Благодаря данному подходу исследователь способен обнаружить взаимосвязи между биографическими фактами и учением, получить новые знания и теоретически обобщить их, выявить направление развития политико-правовой мысли. Как отмечает С. В. Кодан, «биографический подход особенно важен при исследовании источников доктринального характера, связанных с формированием идеологии юридической политики и государственно-правовых преобразований, а также оценок последних в сочинениях философов и правоведов»⁴.

¹ Политические учения: история и современность. Домарксистская политическая мысль / отв. ред. В. С. Нерсисянц. М.: Наука, 1976. С. 14.

² Кодан С. В. Биографический подход в инструментарию историко-юридического исследования: место в познавательных практиках, понятие, междисциплинарные взаимодействия // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2018. № 4. С. 34–49; Баженова Т. М., Кодан С. В. § 3. Биографический подход в изучении социальной памяти // Юридические формы переживания истории: практики и пределы: колл. моногр. / под ред. С. В. Бочкарева. СПб.: Астерион, 2020. С. 159–165.

³ См., например: Скворцов В. П. Либерально-демократические идеи о государстве и праве в учении Б. А. Кистяковского: дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2002. 166 с.; Протопопов Е. Е. Политико-правовые взгляды Е. Б. Пашуканиса: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 23 с.; Павлов А. А. Правовая концепция Гуго Гроция: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2002. 205 с.; Чурносков И. М. Правовая концепция Рональда Дворкина: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 22 с.; Кроткова Н. В. Государственно-правовые взгляды С. А. Котляревского: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 26 с.

⁴ Кодан С. В. Указ. соч. С. 40.

В настоящей статье автор, принимая во внимание возникшую потребность в проработке методологических вопросов и поиске новых исследовательских способов, анализирует биографический методологический подход как один из способов познания истории учений о праве и государстве. Для чего автором поставлены следующие задачи: 1) дать определение понятия «биографический методологический подход»; 2) выделить признаки этого подхода; 3) обозначить познавательные возможности названного подхода в науке истории правовых и политических учений.

В предметную область исследования истории правовых и политических учений входит познание истории развития теоретически оформленных взглядов на государство и право. В. Г. Графский считает, что предметом изучения истории политических и правовых учений является уяснение и обобщение истории возникновения, теоретического (логико-понятийного) упорядочения и практического использования правовых и политических идей и взглядов в жизни разных народов и стран в течение долгого периода – от древней и средневековой до современной эпохи¹.

«Метод есть предмет в его действии (в его формировании, организации и познавательном воздействии), а предмет – это системно организованное выражение познавательного итога, смысла и значения метода. Под методом в юридической науке понимается совокупность познавательных средств и приемов политико-правового исследования, как путь познания, ведущий от объекта к предмету»². Биографический методологический подход следует рассматривать как путь к предмету истории правовых и политических учений, к познанию развития политико-правовой мысли в целом и определения значения в этих процессах авторов учений.

История правовых и политических учений как часть социокультурной среды изучается юридической наукой. Политико-правовая мысль не только влияет на социокультурную среду общества, но и сама формируется ею. Процессы формирования и развития учений о государстве и праве могут быть познаны посредством биографического методологического подхода. Данный подход посредством познания биографии помогает ответить на следующие вопросы: как формировались взгляды мыслителя, при каких исторических условиях идеи оформлялись в программные положения учения, каких именно ученых вдохновляли на разработку собственных идей, как идеи трансформировались в иные учения, какова актуальность идеи в современном мире и др. Таким образом, биографический подход позволяет показать, какие учения на каком этапе развития общества появлялись, какие вопросы политико-правового характера поднимались в обществе, как они решались, какой вклад в развитие политико-правовой идеологии внесли отдельные авторы, как складывались конкретные направления (к примеру, юридический позитивизм). Как отмечает Д. И. Луковская, «в действительности и в самом учении, если оно оставило заметный след в истории, и в истории учений всегда можно и необходимо обнаружить смыслообразующую идею. Эта идея транслируется традициями, которые, как правило, оформляются в такие идейные комплексы, как определенные школы, течения, направления в исследовании права и государства»³.

Следовательно, биографический методологический подход не только используется для интерпретации учения, но и позволяет в целом проследить развитие учений о государстве и праве.

Определение понятия биографического методологического подхода имеет научно-практическое значение, так как позволяет встроить его в познавательный инструментарий науки истории правовых и политических учений, соответственно, для исследователя открываются новые возможности, связанные с расширением границ познания учений, открытием новых, ранее неизвестных областей исследования в истории политико-правовой мысли.

Приступая к анализу биографического методологического подхода, следует определить, что понимается в науке под методологическим подходом. По мнению В. А. Коз-

¹ История политических и правовых учений: учеб. / В. Г. Графский. 3-е изд., доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. С. 14.

² История политических и правовых учений: учеб. для вузов / под общ. ред. В. С. Нерсесянца. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2004. С. 7.

³ Луковская Д. И. Предмет и методология истории политических и правовых учений // Правоведение. 2007. № 3. С. 206.

лова, метод характеризуется подходом, который определяет основной путь, стратегию решения поставленной задачи. Подход, намечая ракурс исследования объекта, определяет лишь самую общую особенность того или иного метода. Конкретизируется подход в принципах, присущих соответствующему методу¹. Э. Г. Юдин под методологическим подходом понимал принципиальную методологическую ориентацию исследования, точку зрения, с которой рассматривается объект изучения (способ определения объекта), понятие или принцип, руководящий общей стратегией исследования². Для Н. Н. Тарасова методологический подход – это форма привлечения в юриспруденцию исследовательских средств как философского и метанаучного плана, так и других наук³.

Итак, существует множество определений понятия «методологический подход». Представляется верным понимание методологического подхода как определенной ориентации на исследование объекта путем привлечения исследовательского метода конкретной науки либо общеправовых средств познания. К примеру, биографический подход в методологии науки истории правовых и политических учений можно представить в форме исследовательской ориентации, задаваемой принципами биографического метода, выработанными исторической наукой. В Большой российской энциклопедии биографический метод описан как один из методов гуманитарных наук, в котором источниками эмпирических данных служат личные документы (дневники, письма, автобиографии, мемуары), а также особые биографические (нарративные) интервью. В каждой науке биографический метод имеет свою специфику⁴. В науке истории правовых и политических учений эта специфика проявляется в том, что исследователем применяется не биографический метод в целом, а познавательный инструмент в форме биографического методологического подхода, т. е. для лучшего понимания учения и истории его развития требуется исследовательская ориентация на изучение фактов жизни мыслителя. Познание смысла учения в отрыве от биографии ее автора невозможно и нецелесообразно.

С. В. Кодан под биографическим подходом понимает методологическую ориентацию исследователя на целевую установку изучения личностной составляющей в исторических процессах и развитии социальных институтов, которая опирается на имеющуюся в науке систему взглядов, принципов, методов и методик изучения жизненного пути личности как средства познания и получения нового знания об объекте конкретного исторического исследования⁵.

Итак, биографический методологический подход представляет собой познавательную ориентацию, позволяющую изучать историю учений о государстве и праве как неотъемлемую часть социокультурной среды общества, используемую в целях объяснения роли и значения в данных процессах субъективно-личностного фактора ученого.

Рассмотрим существенные *признаки биографического методологического подхода*, которые характеризуют его как особый инструмент познания истории политических и правовых учений.

1. Биографический методологический подход представлен в исследовательской деятельности в форме ориентации, позволяющей рассматривать объект исследования под определенным углом. Иными словами, данный подход наводит человека, познающего историю учений, на оптимальную организацию исследовательского процесса, на верный подбор подлежащих анализу источников (писем, мемуаров, автобиографий, воспоминаний и др.), а также необходимых инструментов для их анализа, выработанных биографикой, т. е. благодаря сформированной технике исследования дает ученому возможность последовательно выстроить стратегию познания. Таким образом, ученый сможет реконструировать событийный ряд, явившийся предпосыл-

¹ Козлов В. А. Проблемы предмета и методологии общей теории права. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. С. 88.

² Юдин Э. Г. Системный подход и принцип деятельности: Методологические проблемы современной науки. М.: Наука, 1978. С. 71.

³ Тарасов Н. Н. История и методология юридической науки: методологические проблемы юриспруденции: учеб. пособие для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2024. С. 172.

⁴ Биографический метод // Большая российская энциклопедия: сайт. URL: <https://bigenc.ru/c/biograficheskiy-metod-40734f> (дата обращения: 06.12.2024).

⁵ Кодан С. В. Указ. соч. С. 43.

кой к зарождению учения, посредством анализа биографических источников понять смысл конкретного учения. Исходя из этого биографический методологический подход является своего рода ориентиром, направляющим на понимание истории учений через призму познания биографии ее автора.

2. Вторым существенным признаком следует назвать то, что исследовательская ориентация имеет биографический аспект. В настоящее время биографический метод используется везде, где исследователя интересует субъективный опыт переживания социально-исторических процессов (войны, революции, кризисы, миграции) и определенных фаз человеческой жизни (детство, болезнь, смерть)¹. Биографический методологический подход базируется на направлении в науке, именуемом биографикой. «Биографика – как совокупность (а позднее – система) философско-методологических, историографических, историко-культурных, рецептурных знаний и представлений об отдельных биографических жанрах, о смысле, задачах и возможностях биографического мышления и познания, о методах биографической реконструкции – начинает конституироваться в Европе в XVIII–XIX вв.; в России позже – во второй половине XIX – нач. XX в.»² Биографический метод в биографике представляет собой познавательный инструмент изучения жизни и деятельности личностей, сосредотачивающийся на их индивидуальном опыте, взглядах, достижениях и последствиях этих достижений для общества и культуры. Этот метод широко используется в исторических научных исследованиях.

Учения о государстве и праве – неотъемлемая часть социокультурной среды общества. Благодаря теоретическому осмыслению государственно-правовых явлений в социуме формируются фундаментальные ценности, такие как равноправие, свобода, справедливость. Данные ценности лежат в основе деятельности любого общества. Соответственно, вклад ученого в развитие определенной политико-правовой идеи, образование теоретических школ (естественного права, юридического позитивизма и др.), преемственность взглядов возможно исследовать посредством биографического методологического подхода. Таким образом, биографический аспект в науке истории правовых и политических учений важен и необходим.

3. Третьим признаком является значимая роль субъективно-личностного фактора в науке истории правовых и политических учений. Осмысление учения немыслимо без обращения к его создателю, к его размышлениям и рассуждениям о таких явлениях, как государство, политика и право, изложенным в его сочинениях. В исторической науке, отмечает Л. П. Репина, основное внимание уделяется анализу персональных текстов, или источников личного происхождения, в которых оказывается запечатленным индивидуальный опыт, его эмоциональное переживание и тот или иной уровень осмысления³. Соответственно, политико-правовое учение, рассматриваемое как текст, как результат мыслительной деятельности автора, отражает его личное переживание и отношение к политическим и правовым преобразованиям. Именно для истории правовых и политических учений имеет значение субъективно-личностный фактор, который проявляется в восприятии и оценке автором учения существующих государственных и правовых институтов, его желание предложить обществу новую теорию для их совершенствования, вплоть до упразднения (критика и призыв к ликвидации института абсолютной монархии). Ввиду этого в науке истории правовых и политических учений при использовании биографического методологического подхода в центр внимания ставится личность автора и провозглашаемые им в тексте учения ценности.

Изучение биографии автора предполагает анализ жизненного опыта, образования, учителей, сформировавшихся ценностей и др. Как верно подмечено Л. Ю. Логуновой, «сама жизнь – это документ, ее можно исследовать как социокультурный текст. Элементами анализа такого „текста“ становится личность респондента во всех деталях его социального окружения и продуктах деятельности (творчество, профессиональная, досуговая деятельность, артефакты, личные вещи, предметы быта, награды),

¹ Гай-Воронская А. Л. Биографический метод и его эвристические возможности в социологических исследованиях // *Философия и социальные науки: научный журнал*. 2008. № 1. С. 50.

² История через личность: Историческая биография сегодня / под ред. Л. П. Репиной. 2-е изд. М.: Квадрига, 2010. С. 38.

³ Там же. С. 10.

условия и места проживания, материалы семейных архивов (визуального и нарративного характера). Контент-анализу может быть подвергнуто литературное, эпистолярное наследие (дневники, письма, записные книжки, альбомы), в котором сохранены следы личного отношения респондента к социальному окружению¹. Профессор И. Л. Честнов предлагает своего рода деконструкцию, которая включает в себя исследование (по терминологии Р. Рорти) автора: не только среды воспитания, научной школы, социального статуса и т. д., но и чисто личностных характеристик². «Новая биографическая история», или «персональная история в широком смысле слова», использует в качестве источников самые разные материалы, содержащие как прямые высказывания личного характера (письма, дневники, мемуары, автобиографии), так и косвенные свидетельства, фиксирующие взгляд со стороны, или так называемую объективную информацию³. Информация, полученная в ходе анализа биографии автора учения, значима, так как позволяет исследовать основополагающие факты, имеющие отношение к зарождению политико-правовой идеи. Без анализа многочисленных биографических фактов невозможно разобраться в процессах исторического развития политико-правовых воззрений, появления научных школ, преемственности взглядов. Следовательно, для науки истории правовых и политических учений личность ученого имеет основополагающее значение, так как теоретически оформленные взгляды на государство и право есть результат мыслительной деятельности, на который влияют различные факторы, в том числе биографические.

4. Учения о политике и праве – органическая часть социокультурной среды общества. Оценка учения и в целом социокультурной среды происходит через анализ существовавших политических, социальных и культурных контекстов, которые представляют собой совокупность факторов и условий, повлиявших на формирование мировосприятия и ценностей мыслителя. Понимание этих контекстов важно в обогащении знаний о процессах развития политико-правовой мысли. Соответственно, изучение биографии автора учения происходит с учетом контекста исторических, социальных, культурных и политических условий времени и места. Профессор Л. Ю. Логунова считает, что конечный результат применения биографического метода заключается в осмыслении социокультурных характеристик исторической ситуации, которая повлияла на биографию⁴. В познании истории правовых и политических учений необходимо комплексное исследование: биографии автора, конкретно-исторических условий, социальных, культурных, политических контекстов. «Каждый акт мысли, как он фактически происходит, осуществляется в некоем контексте, из которого он возникает и в котором живет, будучи, как и любой иной опыт, органической частью жизни мыслителя»⁵.

В процессе изучения существовавших в эпоху автора контекстов следует учесть, что наиболее остро в науке истории правовых и политических учений стоит методологическая проблема соотношения существующего социального, научного, культурного дискурса и личного поиска автора, основанного на восприятии действительности. Мишель Фуко внес значительный вклад в развитие теории дискурса и сделал ее ключевым элементом своих исследований. «Я не сказал, что автора не существует, я не говорил этого... Я говорил об определенной тематике, которую можно выявить как в произведениях, так и в критике, и которая состоит, если хотите, в том, что автор должен стереться или быть стерт в пользу форм, свойственных дискурсам»⁶. Фуко считал, что дискурс – это не просто способ коммуникации, а система знаний, которая формирует реальность и определяет наше восприятие. Влияние дискурса на мыслителя – проблема, решение которой позволяет вычлнить процессы, формирующие политико-правовые идеи. Автор учения отталкивается от идеалов и представлений того

¹ Логунова Л. Ю. Биографический метод в исследовании личности: методология и архитектура // Вестник Кемеровского государственного университета. Сер.: Политические, социологические и экономические науки. 2016. № 1. С. 18.

² Честнов И. Л. Постклассическая теория права. СПб.: АЛЕФ-Пресс, 2012. С. 35.

³ История через личность: Историческая биография сегодня. С. 10.

⁴ Логунова Л. Ю. Указ. соч. С. 19.

⁵ Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1980. С. 287.

⁶ Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / пер. с фр. М.: Касталь, 1996. С. 42.

дискурса, к которому он принадлежит. Но бывают ситуации, когда мыслитель ставит под сомнение господствующие ценности и предлагает ранее никому неизвестные идеи осмысления государственно-правовых явлений.

И. Л. Честнов утверждает, что задача постмодернизма – «вернуть» субъект действия, показать, что социальная (и правовая) реальность, политико-правовые институты, юридические тексты, юридически значимые действия и т. д. – результаты действий конкретного субъекта. Вместе с тем постструктурализм и постмодернизм как его продолжение показывают, что субъект обусловлен (жестко детерминирован) социокультурной и исторической ситуацией. Его действия именно такие потому, что он выходец из такой-то среды, за пределы которой он не в состоянии вырваться¹.

На основании изложенного анализ биографии автора учения предполагает глубокое исследование контекстов и существующего дискурса, ибо их влияние на восприятие автором политических и правовых явлений в конечном счете отражается на результатах его творчества в форме учения. Такая исследовательская ориентация на познание через личность самого ученого продукта его труда открывает новые горизонты в осмыслении не только истории правовых и политических учений, но и в целом истории развития юридической науки.

Познавательные возможности биографического методологического подхода. В общих чертах биографический методологический подход – это познавательный инструмент, который дает исследователю возможность раскрыть процессы формирования и эволюции учений о праве, государстве, показать вклад конкретного автора в развитие политико-правовой мысли. К примеру, исследователь решил, что будет изучать биографию немецкого правоведа, представителя исторической школы права Фридриха Карла фон Савиньи. В ходе изучения его биографии устанавливаются и систематизируются факты, повлиявшие на правовые взгляды мыслителя. Савиньи родился в семье, где юриспруденция была семейной традицией. Отец его, Кристиан Карл Людвиг фон Савиньи, был тайным советником правительства принца Изенбургского. Савиньи получил образование в лучших университетах Германии: Марбурге, Лейпциге, Геттингене, Йене и Берлине. Именно в университетах он познакомился с работами классических римских юристов, которые оказали большое влияние на его правовые взгляды. Не ограничиваясь теоретическими знаниями, Савиньи совместно со своим единомышленником К. Ф. Эйхгорном в 1815 г. основал «Журнал исторической юриспруденции». В 1840-е гг. он стал прусским «министром по пересмотру законодательства». Этот опыт позволил ему глубоко понять реальность правоприменения и влияние права на жизнь общества. Савиньи жил в эпоху значительных перемен в немецкой юриспруденции, в период формирования национального права². Более того, при изучении жизни Савиньи обнаруживаются интересные факты о его влиянии на российскую юридическую науку. «Главный труд К. А. Неволлина – „Энциклопедия законоведения“ (1840), – содержащий подробный обзор истории источников права, был выдержан в духе методологии исторической школы. В своем понимании природы права и особенностей его развития Неволлин следует заветам Савиньи»³.

Всесторонняя характеристика учения требует проведения детального анализа биографических фактов ее автора и обоснования их влияния на развитие политико-правовой мысли. Таким образом, биографический методологический подход выступает эффективным инструментом познания предметной области науки истории правовых и политических учений. При помощи данного подхода возможно обоснование исследовательских результатов, связанных с познанием истории учений о государстве и праве. Обеспечение объективности и достоверности полученных данных достигается тем, что техника применения биографического методологического подхода определяет критерии сбора биографических данных, последовательность обработки полученной информации и ее анализа, что обеспечивает научную обоснованность выводов, связанных с соотношением биографии и процессов формирования учения. Вследствие использования биографического методологического подхода получаем

¹ Честнов И. Л. Постклассическая теория права. С. 62.

² Денисов А. М. Жизнь и научное творчество Фридриха Карла Фон Савиньи // Юридическая мысль. 2018. № 3. С. 19–25.

³ Карцов А. С. Уроки Савиньи (из истории русского юридического образования) // Право и образование. 2008. № 4. С. 146.

целостное исследование истории развития политико-правовых воззрений, включающее последовательный анализ биографических фактов жизни ученых, всестороннее изучение эпохи, в которую творили авторы учений, преемственность идей. В результате такого комплексного исследования возможно получение наукой истории правовых и политических учений новых, ранее неизвестных знаний.

В заключение следует отметить, что «анализ юриспруденции – ее состояния и перспектив – невозможен вне науковедческого контекста, вне исследования ее социальной роли и взаимосвязи с другими научными дисциплинами»¹. Внедрение в юриспруденцию методов иных наук, в том числе методов исторической науки, а именно биографического метода, следует рассматривать как возможность развития исследований в области познания эволюции политико-правовой мысли, наполнение новым содержанием существующих в науке истории правовых и политических учений знаний. Познавательные приемы биографического плана дают исследователю возможность объяснить влияние субъективно-личностного фактора на зарождение и развитие политико-правовой мысли. Благодаря биографическому методологическому подходу возможно рациональное истолкование истории политико-правовых воззрений, получение новых объективно-достоверных знаний о зарождении и генезисе политико-правовых идей, сохранение научной памяти, а также прогнозирование перспектив развития российской науки истории правовых и политических учений, что говорит об актуальности исследования данного методологического подхода.

Список литературы

Баженова Т. М., Кодан С. В. § 3. Биографический подход в изучении социальной памяти // Юридические формы переживания истории: практики и пределы: колл. моногр. / под ред. С. В. Бочкарева. СПб.: Астерион, 2020. С. 159–165.

Биографический метод / О. М. Маслова // Большая российская энциклопедия: сайт. URL: <https://bigenc.ru/c/biograficheskii-metod-40734f> (дата обращения: 06.12.2024).

Гай-Воронская А. Л. Биографический метод и его эвристические возможности в социологических исследованиях // Философия и социальные науки: научный журнал. 2008. № 1. С. 47–51.

Денисов А. М. Жизнь и научное творчество Фридриха Карла Фон Савиньи // Юридическая мысль. 2018. № 3. С. 19–25.

История через личность: Историческая биография сегодня / под ред. Л. П. Репиной. 2-е изд. М.: Квадрига, 2010. 720 с.

История политических и правовых учений: учеб. / В. Г. Графский. 3-е изд., доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. 736 с.

История политических и правовых учений: учеб. для вузов / под общ. ред. В. С. Нерсесянца. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2004. 944 с.

Карцов А. С. Уроки Савиньи (из истории русского юридического образования) // Право и образование. 2008. № 4. С. 140–151.

Кодан С. В. Биографический подход в инструментарии историко-юридического исследования: место в познавательных практиках, понятие, междисциплинарные взаимодействия // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2018. № 4. С. 34–50.

Козлов В. А. Проблемы предмета и методологии общей теории права. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. 116 с.

Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1980. 488 с.

Кроткова Н. В. Государственно-правовые взгляды С. А. Котляревского: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 26 с.

Луковская Д. И. Предмет и методология истории политических и правовых учений // Правоведение. 2007. № 3. С. 197–211.

Логунова Л. Ю. Биографический метод в исследовании личности: методология и архитектура // Вестник Кемеровского государственного университета. Сер.: Политические, социологические и экономические науки. 2016. № 1. С. 17–23.

Павлов А. А. Правовая концепция Гуго Гроция: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2002. 205 с.

Политические учения: история и современность. Домарксистская политическая мысль / отв. ред. В. С. Нерсесянц. М.: Наука, 1976. 495 с.

Протопопов Е. Е. Политико-правовые взгляды Е. Б. Пашуканиса: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 23 с.

Скворцов В. П. Либерально-демократические идеи о государстве и праве в учении Б. А. Кистяковского: дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2002. 166 с.

¹ Честнов И. Л. Проблемы и перспективы юридической науки XXI в. // Юриспруденция XXI века: горизонты развития: Очерки / под ред. Р. А. Ромашова, Н. С. Нижник. СПб.: Санкт-Петербург. ун-т МВД России, 2006. С. 79.

Тарасов Н. Н. История и методология юридической науки: методологические проблемы юриспруденции: учеб. пособие для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2024. 260 с.

Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / пер. с фр. М.: Касталь, 1996. 448 с.

Честнов И. Л. Постклассическая теория права. СПб.: АЛЕФ-Пресс, 2012. 649 с.

Честнов И. Л. Проблемы и перспективы юридической науки XXI в. // Юриспруденция XXI века: горизонты развития: Очерки / под ред. Р. А. Ромашова, Н. С. Нижник. СПб.: Санкт-Петербург. ун-т МВД России, 2006. С. 69–110.

Чурносков И. М. Правовая концепция Рональда Дворкина: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 22 с.

Юдин Э. Г. Системный подход и принцип деятельности: Методологические проблемы современной науки. М.: Наука, 1978. 391 с.

References

Bazhenova T. M., Kodan S. V. (2020) Biograficheskii podkhod v izuchenii sotsial'noi pamyati [A biographical approach to the study of social memory]. In *Yuridicheskie formy perezhivaniya istorii: praktiki i predely: kollektivnaya monografiya*, ed. by S. V. Bochkarev. Saint-Petersburg, Asterion, pp. 159–165.

Chestnov I. L. (2006) Problemy i perspektivy yuridicheskoi nauki XXI v. [Problems and prospects of legal science of the XXI century]. In Romashov R. A., Nizhnik N. S. (Eds.) *Yurisprudentsiya XXI veka: gorizonty razvitiya: Oчерki*. Saint-Petersburg, Sankt-Peterburgskii universitet MVD Rossii, pp. 69–110.

Chestnov I. L. (2012) *Postklassicheskaya teoriya prava* [Postclassical theory of law]. Saint-Petersburg, ALEF-Press, 649 p.

Churnosov I. M. (2014) *Pravovaya kontseptsiya Ronal'da Dvorkina: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Ronald Dworkin's Legal Concept: an abstract of a candidate of legal sciences thesis]. Moscow, 22 p.

Denisov A. M. (2018) Zhizn' i nauchnoe tvorchestvo Fridrikha Karla Fon Savin'i [The life and scientific work of Friedrich Carl Von Savigny]. In *Yuridicheskaya mysl'*, no. 3, pp. 19–25.

Fuko M. (1996) *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let* [The Will to Truth: Beyond knowledge, power and sexuality. Works of different years]. Moscow, Kastal', 448 p.

Gai-Voronskaya A. L. (2008) Biograficheskii metod i ego evristicheskie vozmozhnosti v sotsiologicheskikh issledovaniyakh [The biographical method and its heuristic possibilities in sociological research]. In *Filosofiya i sotsial'nye nauki: nauchnyi zhurnal*, no. 1, pp. 47–51.

Grafskii V. G. (Ed.) (2022) *Istoriya politicheskikh i pravovykh uchenii: uchebnik* [The history of political and legal doctrines: textbook], 3rd ed., add. Moscow, Norma: INFRA-M, 736 p.

Kartsov A. S. (2008) Uroki Savin'i (iz istorii russkogo yuridicheskogo obrazovaniya) [Savigny's Lessons (from the History of Russian legal education)]. In *Pravo i obrazovanie*, no. 4, pp. 140–151.

Kodan S. V. (2018) Biograficheskii podkhod v instrumentarii istoriko-yuridicheskogo issledovaniya: mesto v poznavatel'nykh praktikakh, ponyatie, mezhdistsiplinarnye vzaimodeistviya [Biographical approach in the tools of historical and legal research: place in cognitive practices, concept, interdisciplinary interactions]. In *Istoriko-pravovye problemy: novyi rakurs*, no. 4, pp. 34–50.

Kollingvud R. Dzh. (1980) *Ideya istorii. Avtobiografiya* [The idea of the story. Autobiography]. Moscow, Nauka, 488 p.

Kozlov V. A. (1989) *Problemy predmeta i metodologii obshchei teorii prava* [Problems of the subject and methodology of the general theory of law]. Leningrad, Izdatel'stvo LGU, 116 p.

Krotkova N. V. (2007) *Gosudarstvenno-pravovye vzglyady S. A. Kotlyarevskogo: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [State-legal views of S. A. Kotlyarevsky: an abstract of a candidate of legal sciences thesis]. Moscow, 26 p.

Logunova L. Yu. (2016) Biograficheskii metod v issledovanii lichnosti: metodologiya i arkhitektonika [Biographical method in personality research: methodology and architectonics]. In *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, no. 1, pp. 17–23.

Lukovskaya D. I. (2007) Predmet i metodologiya istorii politicheskikh i pravovykh uchenii [The subject and methodology of the history of political and legal doctrines]. In *Pravovedenie*, no. 3, pp. 197–211.

Maslova O. M. (2022) Biograficheskii metod [The biographical method]. In *Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya*, available at: <https://bigenc.ru/c/biograficheskii-metod-40734f> (accessed: 06.12.2024).

Nersesyants V. S. (Ed.) (1976) *Politicheskie ucheniya: istoriya i sovremennost'. Domarksistskaya politicheskaya mysl'* [Political teachings: History and Modernity. Pre-Marxist political thought]. Moscow, Nauka, 495 p.

Nersesyants V. S. (Ed.) (2004) *Istoriya politicheskikh i pravovykh uchenii* [The history of political and legal doctrines], 4th ed., revised and add. Moscow, Norma, 944 p.

Pavlov A. A. (2002) *Pravovaya kontseptsiya Gugo Grotsiya: dis. ... kand. yurid. nauk* [The legal concept of Hugo Grotius: a candidate of legal sciences thesis]. Saint-Petersburg, 205 p.

Protopopov E. E. (2007) *Politiko-pravovye vzglyady E. B. Pashukanisa: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Political and legal views of E. B. Pashukanis: an abstract of a candidate of legal sciences thesis]. Moscow, 23 p.

Repina L. P. (Ed.) (2010) *Istoriya cherez lichnost': Istoricheskaya biografiya segodnya* [History through Personality: A Historical Biography Today], 2nd ed. Moscow, Kvadriga, 720 p.

Skvortsov V. P. (2002) *Liberal'no-demokraticheskie idei o gosudarstve i prave v uchenii B. A. Kistyakovskogo: dis. ... kand. jurid. nauk* [Liberal Democratic ideas about the state and law in the teachings of B. A. Kistyakovsky: a candidate of legal sciences thesis]. Tambov, 166 p.

Tarasov N. N. (2024) *Istoriya i metodologiya yuridicheskoi nauki: metodologicheskie problemy yurisprudentsii: uchebnoe posobie* [History and methodology of legal science: methodological problems of jurisprudence: textbook], 2nd ed., revised and add. Moscow, Yurait, 260 p.

Yudin E. G. (1978) *Sistemnyi podkhod i printsip deyatelnosti: Metodologicheskie problemy sovremennoi nauki* [A systematic approach and the principle of activity: Methodological problems of modern science]. Moscow, Nauka, 391 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.11.2024

Дата принятия рукописи в печать: 25.03.2025

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ: РЕГИОНАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ И МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ: ОБЗОР МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ СЕССИИ III КАЗАНСКОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ФОРУМА

Абдуллин Адель Ильсиярович

Заведующий кафедрой международного и европейского права Казанского (Приволжского) федерального университета, доктор юридических наук, профессор (Казань),
ORCID: 0000-0001-6078-8029, e-mail: Adel.Abdullin@kpfu.ru.

Давлетгильдеев Рустем Шамилович

Заведующий кафедрой теории и истории государства и права, профессор кафедры международного и европейского права Казанского (Приволжского) федерального университета, доктор юридических наук, профессор (Казань), ORCID: 0000-0001-5412-9027, e-mail: Roustem.Davletguldeev@kpfu.ru.

Гибадуллин Тимур Дамирович

Член Российской Ассоциации международного права, кандидат юридических наук (Казань),
ORCID: 0000-0003-2752-6347, e-mail: tdgibadullin@yandex.ru.

Для цитирования: Абдуллин А. И., Давлетгильдеев Р. Ш., Гибадуллин Т. Д. Международное право в условиях глобальной трансформации: региональная интеграция и межрегиональное взаимодействие: обзор международно-правовой сессии III Казанского международно-юридического форума // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2025. № 2. С. 67–70. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2025_2_67.

INTERNATIONAL LAW IN THE CONTEXT OF GLOBAL TRANSFORMATION: REGIONAL INTEGRATION AND INTERREGIONAL COOPERATION: OVERVIEW OF THE INTERNATIONAL LEGAL SESSION OF THE III KAZAN INTERNATIONAL LEGAL FORUM

Abdullin Adel

Head of the department, Kazan (Volga region) Federal University, doctor of legal sciences, professor (Kazan), ORCID: 0000-0001-6078-8029, e-mail: Adel.Abdullin@kpfu.ru.

Davletguldeev Rustem

Head of the department, Kazan (Volga region) Federal University, doctor of legal sciences, professor (Kazan), ORCID: 0000-0001-5412-9027, e-mail: Roustem.Davletguldeev@kpfu.ru.

Gibadullin Timur

Member of the Russian International Law Association, candidate of legal sciences (Kazan),
ORCID: 0000-0003-2752-6347, e-mail: tdgibadullin@yandex.ru.

*For citation: Abdullin A., Davletguldeev R., Gibadullin T. (2025) International law in the context of global transformation: regional integration and interregional cooperation: overview of the international legal session of the III Kazan international legal forum. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 2, pp. 67–70, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2025_2_67.*

26–27 сентября 2024 г. в Казани состоялся III Казанский международный юридический форум. Его тематика – «#СИЛАПРАВА» – была призвана раскрыть многогран-

ный созидательный потенциал права в условиях происходящих глобальных трансформаций, укрепления межгосударственной интеграции и расширения БРИКС, что будет способствовать формированию новой правовой модели организации взаимодействия между суверенными государствами на принципах равноправия, взаимного уважения и открытости мировому сообществу. Организаторами Форума выступили Республика Татарстан, мэрия города Казани, Ассоциация юристов России, Казанский федеральный университет, Ассоциация выпускников юридического факультета Казанского федерального университета.

В число центральных мероприятий Форума вошла сессия «Международное право в условиях глобальной трансформации: региональная интеграция и межрегиональное взаимодействие», прошедшая в Императорском зале Казанского федерального университета. Тематика сессии касалась общих вопросов регионального и межрегионального международно-правового сотрудничества в условиях глобальной трансформации, а также особенностей и перспектив такого сотрудничества в сфере науки, образования, труда и миграции.

Модераторами мероприятия выступили А. И. Абдуллин, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и европейского права Казанского федерального университета, и Н. Ю. Молчаков, кандидат юридических наук, декан Международно-правового факультета МГИМО МИД России. В сессии приняли участие известные специалисты в сфере международного права, представлявшие Суд Евразийского экономического союза, Законодательную палату Олий Мажлиса Республики Узбекистан, ведущие вузы России, Беларуси, Бразилии, Казахстана, Китая, Кыргызстана, Сербии, Узбекистана.

Мероприятие началось с приветственных слов А. А. Дронова, председателя Суда Евразийского экономического союза, А. Х. Саидова, доктора юридических наук, профессора, первого заместителя спикера Законодательной палаты Олий Мажлиса Республики Узбекистан, директора Национального центра Республики Узбекистан по правам человека, А. Э. Джоробековой, профессора, заведующей кафедрой «Международные отношения и право» Дипломатической академии МИД Кыргызской Республики имени Казы Дикамбаева.

Ключевые доклады сессии были посвящены международному праву как фактору интеграции (А. Я. Капустин, ИЗИСП при Правительстве РФ); особенностям межрегионального и регионального сотрудничества государств в рамках БРИКС, ЕАЭС, ШОС, ОИС, Африканского союза (А. Х. Абашидзе, РУДН; М. Л. Энтин, МГИМО МИД России; С. Ю. Марочкин и М. А. Астахова, ТюмГУ; Жоннас Эсмеральдо Маркес де Васконселос, UFBA, Бразилия; Лукас Карлос Лима, UFMG, Бразилия; Кассио Эдуардо Зен, USP, Бразилия; Ю. М. Орлова, ННГУ; О. В. Артамонов, Евразийская экономическая комиссия; Р. А. Касьянов, МГИМО МИД России; Р. В. Нигматуллин, УУНИТ; Р. Р. Амирасланов, РТУ МИРЭА; И. В. Хмиль, Крымский филиал РГУП; В. В. Пчелинцева, МГИМО МИД России; Е. А. Леонтьев, ТюмГУ); соотношению универсализма и регионализма (П. Н. Бирюков, ВГУ; Н. В. Афоничкина; И. И. Карандашов, СПбГУ); современным правовым формам участия государств в международных организациях (Д. К. Бекашев, МГИМО МИД России); ограничительным мерам (В. В. Войников, БФУ); функционированию судебных институций (Д. В. Красилов, СГЮА; А. Б. Мезяев, ТИСБИ; Е. В. Бабкина, Суд ЕАЭС; Н. В. Павлова, Суд ЕАЭС; О. А. Киселева, СПбГУ); сотрудничеству между Китаем и Россией (Чжан Юэпин (张月萍), Хэйлуунцзянский университет, КНР; А. П. Алексеенко, СПбГУ), КНР и Азербайджанской Республикой (Н. Н. Абдуллаев, МГИМО МИД России); международно-правовым аспектам миграции (Е. В. Киселева, РУДН; Д. В. Иванов и Д. М. Алиев, МГИМО МИД России), экологии (А. М. Солнцев, РУДН; Г. Ю. Юлдашева, ТашГЮУ, Узбекистан), цифровизации (Б. С. Каражан, ЕНУ имени Л. Н. Гумилева, Казахстан; С. Ю. Гаркуша-Божко, СПбГУ) и межрегионального взаимодействия в сфере финансов (В. Е. Понаморенко, НИУ ВШЭ).

Г. Е. Лукьянцев (Департамент многостороннего сотрудничества по правам человека МИД России) выступил с докладом на тему «Международное право в области защиты прав человека в условиях глобальной трансформации», где осветил современное положение дел в области международного сотрудничества по правам человека в контексте нарастания разобщенности и политизации в международных делах, в первую очередь ввиду агрессивного навязывания некоторыми странами своих подходов к международному сотрудничеству, намеренного провоцирования ими антагонизма,

отказа от поиска компромиссов, а также игнорирования справедливой озабоченности иных государств. Выступающий обратил внимание на рост градуса конфронтации и в деятельности межправительственных структур. Григорий Евгеньевич рассмотрел инструментализацию прав человека, политизацию международных структур в данной сфере на примере Европейского Суда по правам человека, Совета ООН по правам человека и 3-го комитета Генеральной Ассамблеи ООН. При этом докладчик подчеркнул позицию России, которая совместно с государствами-единомышленниками последовательно призывает все страны выстраивать взаимодействие в правозащитной сфере на основе общепризнанных принципов и норм международного права, конструктивного, равноправного и взаимоуважительного диалога. Подобный подход хорошо прослеживается в деятельности БРИКС, являющейся примером того, как страны могут обсуждать разногласия и приходиться к консенсусу на основе принципа равноправия и невмешательства по внутренним делам. Григорий Евгеньевич подчеркнул, что только при таком раскладе можно в полной мере обеспечить соблюдение прав человека и что решение насущных вызовов в правозащитной сфере требует сопряжения общих усилий, базирующихся на подлинной солидарности, единстве и сотрудничестве.

Б. Р. Тузмухамедов, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, выступил с докладом на тему «Универсальные договорные органы по правам человека: правовая природа и значимость решений». В своем выступлении Бахтияр Раисович, в частности, осветил вопросы правового статуса данных органов, особенностей их формирования и функционирования, правовой природы принимаемых этими органами решений. Докладчик отметил необходимость относиться к таким решениям с подобающим вниманием, но не воспринимать их как юридическую истину в последней инстанции. При этом сами договорные органы следовало бы предостеречь от действий, выходящих за пределы мандата, предусмотренного учредительным актом, – иначе они могут потерять роль важных международных институтов по защите прав человека и начать восприниматься лишь как неудобство, которым можно пренебречь. Выступающий подчеркнул, что чрезмерное усердие договорных органов может привести, а порой и приводит, к отчуждению государств и, как следствие, к их отказу от сотрудничества с комитетами.

А. С. Исполинов, доктор юридических наук, приглашенный профессор Всероссийской академии внешней торговли, представил выступление по теме «Мифы о настойчиво возражающем государстве». Алексей Станиславович пришел к выводу, что правило о настойчиво возражающем государстве пока не имеет обязательной силы и все еще находится в начальной стадии своей трансформации в обычную норму права. Его признание академическим сообществом не может перевесить отсутствие соответствующей практики государств. Кроме того, докладчик отметил, что данное правило имеет серьезные недостатки в виде чрезвычайной сложности выполнения его критериев, которая привела к тому, что оно мало используется государствами. При этом выступающий обратил внимание на то, что добросовестное соблюдение государством всех требований, предъявляемых к правилу о настойчиво возражающем государстве, также может быть обесценено решением международного суда или квазисудебного органа, где внезапно может быть заявлено об императивном статусе обычной нормы, против которой государство возражало.

О. В. Кадышева, кандидат юридических наук, доцент, и. о. заведующего кафедрой международного права Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, в докладе «Региональные императивные нормы в международном праве: миф или реальность» отметила, что, на первый взгляд, существование региональных норм *jus cogens* вызывает определенные сомнения в силу того, что сам институт таких норм – результат универсального сотрудничества. В то же время региональные подходы к международному праву являются не угрозой, а возможностью для эволюции международного права, и формирование региональных правопорядков, которые играют большую роль в качестве рамок и средств развития универсального правопорядка, неизбежно приведет к возникновению проблемы действия в рамках данных правопорядков норм особой юридической силы. В этом контексте региональные императивные нормы вполне могут существовать и иметь большую значимость, так как они будут способствовать выявлению общих и разделяемых фундаментальных ценностей международного сообщества в целом.

Д. С. Боклан, доктор юридических наук, профессор, заместитель руководителя департамента международного права НИУ «Высшая школа экономики», рассказала о новом измерении принципа международного сотрудничества в рамках БРИКС. В ходе своего доклада Дарья Сергеевна в числе прочего отметила и проиллюстрировала существование кризиса трех основных столпов классических международных организаций, а именно механизмов принятия решений, правотворчества и разрешения споров. Ввиду этого выступающая рассмотрела вопрос, можно ли использовать подход БРИКС для выхода из данного кризиса, может ли прогрессивное развитие принципа международного сотрудничества основываться на подходе данного международного объединения. Кроме того, в этом контексте Дарья Сергеевна рассказала о его нынешних достижениях, включая его расширение, большой перечень направлений сотрудничества стран БРИКС, а также высокий уровень исполнения ими своих коллективных решений. Докладчик обратила внимание и на вопрос о том, стоит ли рассматривать отсутствие у БРИКС международной правосубъектности в качестве недостатка.

Бранко Ракич (Бранко Ракић), PhD, профессор, заведующий кафедрой международного права и международных отношений Белградского университета, Республика Сербия, представил доклад на тему «Право населения Донбасса на восстановительное самоопределение». В своем выступлении докладчик рассмотрел такие принципы международного права, как принцип территориальной целостности государств и принцип самоопределения народов, уделив особое внимание последнему. Б. Ракич проанализировал соответствующие положения Декларации о принципах международного права 1970 г., Венской декларации и Программы действий 1993 г., Декларации по случаю пятидесятой годовщины ООН 1995 г., а также решения Верховного суда Канады от 20 августа 1998 г. по вопросу сецессии Квебека. Докладчик пришел к выводу, что международное право допускает внешнее самоопределение (сецессию) как крайнюю меру в том числе в случаях, когда тот или иной народ в государстве его проживания лишен реального доступа к власти для достижения его политических целей, экономического, социального и культурного развития и когда данные нарушения прав этого народа при этом являются грубыми. Б. Ракич отметил, что ввиду этого внешнее самоопределение Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики в 2014 г. соответствовало международному праву.

На сессии «Международное право в условиях глобальной трансформации: региональная интеграция и межрегиональное взаимодействие» ученые из разных регионов планеты обсудили широкий спектр вопросов, касающихся современных вызовов для международного права в контексте интенсификации интеграционных процессов в регионах мира, а также сближения интеграционных объединений различных регионов.

В рамках общей темы сессии особое внимание было уделено проблемам деятельности международных организаций и «групп интересов», таких как Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество, БРИКС, Евразийский экономический союз, Шанхайская организация сотрудничества.

Участники сессии обсудили проблемы отдельных отраслей международного права в условиях глобальной трансформации, в том числе международного права прав человека и права международных договоров, затронули особенности и перспективы международно-правового сотрудничества в сфере труда, миграции, экологии и финансов.

По результатам сессии участники дискуссии приняли итоговую резолюцию, в которой пришли к выводу о необходимости дальнейшей интенсификации интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза с участием Российской Федерации, дальнейшего развития международно-правового сотрудничества России на уровне БРИКС и ШОС; решили, что принцип сотрудничества государств как один из основных принципов международного права должен развиваться в контексте учета национальных интересов, признания многополярности международной экономической системы, приверженности инклюзивному росту и взаимовыгодному сотрудничеству; сделали заключение о главенствующей роли международного права в процессах интеграции и необходимости укрепления этой роли.

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.11.2024

Дата принятия рукописи в печать: 25.03.2025

**ВОЗВРАЩАЯСЬ К ИМПЕРСКОМУ ПРОШЛОМУ РОССИЙСКОЙ НАУКИ
МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА****Рец. на кн.: Наука международного права в дореволюционной
России / отв. ред. Л. А. Лазутин, Р. М. Халафян. – М.: Проспект,
2025. – 192 с.****Калиниченко Пауль Алексеевич**

Профессор кафедры интеграционного и европейского права
Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор (Москва),
ORCID: 0000-0002-0002-9618, e-mail: pakalinichenko@msal.ru.

Для цитирования: Калиниченко П. А. Возвращаясь к имперскому прошлому российской науки международного права. Рец. на кн.: Наука международного права в дореволюционной России / отв. ред. Л. А. Лазутин, Р. М. Халафян. – М.: Проспект, 2025. – 192 с. // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2025. № 2. С. 71–74. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2025_2_71.

**GOING BACK TO THE IMPERIAL PAST OF RUSSIAN SCIENCE
OF INTERNATIONAL LAW****Book review: The Science of International Law in Pre-Revolutionary
Russia / ed. by L. A. Lazutin, R. M. Khalafyan. – Moscow: Prospect,
2025. – 192 p.****Kalinichenko Paul**

Professor, Kutafin Moscow State Law University, doctor of legal sciences (Moscow),
ORCID: 0000-0002-0002-9618, e-mail: pakalinichenko@msal.ru.

*For citation: Kalinichenko P. (2025) Going back to the imperial past of Russian science of international law. Book review: The Science of International Law in Pre-Revolutionary Russia / ed. by L. A. Lazutin, R. M. Khalafyan. – Moscow: Prospect, 2025. – 192 p. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnal»*, no. 2, pp. 71–74, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2025_2_71.*

Подготовленная представителями уральской школы международного права¹ монография под ответственной редакцией доктора юридических наук, профессора Л. А. Лазутина и кандидата юридических наук, доцента Р. М. Халафяна посвящена интереснейшей и малоизученной тематике – истории развития отечественной науки международного права. Работа впечатляет уже самим составом авторов, объединяющим набирающих известность юристов-международников: Ю. С. Безбородов, И. А. Ведель, М. А. Лихачев, А. А. Лунев, Н. В. Сметанин, Т. А. Титова, И. В. Федоров, Л. М. Чуркина, Р. М. Халафян. Особенно трогательно в связи с этим упоминание Львом Александровичем Лазутиным в его предисловии к книге того вклада, который внес в отечественную науку Геннадий Владимирович Игнатенко – основатель уральской школы международного права. В этом отношении данный коллективный труд по истории международно-правовых наук сам по себе отражает сложившуюся преемственность поколений и научных традиций.

Книга охватывает страницы истории развития отечественной доктрины и науки международного права, связанные с их становлением и развитием от самых истоков (на заре Московии) вплоть до Октябрьской революции 1917 г. Монография концентрирует внимание на разнообразных аспектах теории и практики международного

¹ Основу школы составляют члены кафедры международного права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева.

общения государств и включения в эти процессы России преимущественно в имперский период ее истории. Международное право, его теоретические конструкции дореволюционной эпохи, в том числе понятие, предмет, система источников, раскрываются с той точки зрения, что они представляют собой продукт европейской правовой мысли, заложившей основу понимания международного права в России как средства международного общения государств.

Особенность работы заключается в том, что это историческое исследование дореволюционной науки, сделанное в XXI в. Прошлое всегда видится в более ясном свете, чем больше расстояние от него. Мы все воспитывались на работах по истории международного права В. Э. Грабаря¹, Д. Б. Левина², Ю. Я. Баскина и Д. И. Фельдмана³ прошлого века, которые были несвободны от идеологем и философских подходов политических сил, победивших в ходе революции и гражданской войны и создавших советское государство и право, противопоставленное монархическому прошлому. Однако эти условия позволяли дать весьма ограниченный научный исторический анализ. Современные же исследования не зависят от идеологического противостояния XX в.

Впечатляет тематический охват работы. Помимо теоретических подходов к международному праву дореволюционного периода и их развития книга включает исторические очерки по эволюции международно-правовой науки и образования, по развитию воззрений на суверенитет и функции органов внешних сношений государства, по основным началам национальной юрисдикции и правового положения частных лиц, а также по эволюции доктринальных подходов к участию Российской империи в международных структурах, использованию средств разрешения международных споров и деятельности международных судебных органов.

Исследование вышеупомянутых вопросов в монографии базируется на значительном количестве теоретических источников. Авторами рассмотрены философско-правовые и доктринальные взгляды В. П. Даневского, П. Е. Казанского, Д. И. Каченовского, Л. А. Камаровского, Н. М. Коркунова, Ф. Ф. Мартенса, В. А. Уляницкого и других классиков дореволюционной школы международного права в России (список персоналий приводится на с. 70–72 книги).

Конечно же, методологическая база исследования строилась на преимущественном использовании авторами историко-правового метода (что неудивительно), в частности при исследовании эволюции теоретических воззрений на международное право, доктринальных подходов к пониманию государственности и эволюции системы органов внешних сношений.

Особого внимания заслуживает глава монографии «Международные организации в российской дореволюционной доктрине международного права»⁴, посвященная вопросам дореволюционных подходов к определению правовой природы международных организаций, а точнее, их ранних форм, зародившихся в позапрошлом веке. В главе подробно исследуются отдельные аспекты понимания правового статуса и деятельности объединений государств, отразившиеся в трудах российских международников того периода, сопровождающиеся неутешительными выводами о неспособности «царской» науки спрогнозировать перспективу бурного развития межгосударственных структур в следующем веке.

Неподдельный интерес для отечественной науки истории международных отношений и международного права представляет глава «Органы внешних сношений государств: история становления и эволюции в российской науке международного права второй половины XIX века – начала XX века»⁵, отражающая исследование эво-

¹ Грабарь В. Э. Материалы к истории литературы международного права в России (1647–1917) / отв. ред. В. Н. Дурденевский, С. Б. Крылов. М.: Изд-во АН СССР, 1958.

² Левин Д. Б. Наука международного права в России в конце XIX и начале XX века: Общие вопросы теории международного права. М.: Наука, 1982.

³ Баскин Ю. Я., Фельдман Д. И. История международного права. М.: Междунар. отношения, 1990.

⁴ Безбородов Ю. С. Международные организации в российской дореволюционной доктрине международного права // Наука международного права в дореволюционной России: моногр. / отв. ред. Л. А. Лазутин, Р. М. Халафян. М.: Проспект, 2025. С. 116–131.

⁵ Ведель И. А. Органы внешних сношений государств: история становления и эволюции в российской науке международного права второй половины XIX века – начала XX века // Наука международного права в дореволюционной России. С. 93–115.

люции органов внешних сношений и внешнеполитических функций Российской империи позднего периода до начала мировых войн в целом.

Актуален материал, изложенный в главе «Основные начала концепции юрисдикции в международном праве»¹, посвященной становлению представлений о национальной юрисдикции в российской правовой науке. В частности, особое познавательное значение приобретают положения параграфа, касающегося зарождения отечественной науки и доктрины международного частного права, поскольку представляют редкое исследование генезиса и того исконного места, которое занимала и должна занимать эта комплексная отрасль знаний.

Отмечая несомненные достоинства рецензируемой работы, следует в то же время обратить внимание на досадный формальный недостаток, связанный с отсутствием полного списка использованной литературы (библиографии). Из приведенных в тексте сносок очевидно, что это внушительный перечень, который мог бы быть полезным при изучении рассмотренных в монографии вопросов в будущем и стать ориентиром для всех, кто заинтересовался темой монографии.

В любом случае эта книга заслуживает высокой оценки как подлинно научное исследование. Эта работа должна пополнить как фонд каждой юридической библиотеки, так и полки личных собраний и коллекций книг по тематике международно-правовых наук.

Список литературы

Баскин Ю. Я., Фельдман Д. И. История международного права. М.: Междунар. отношения, 1990. 208 с.

Безбородов Ю. С. Международные организации в российской дореволюционной доктрине международного права // Наука международного права в дореволюционной России: моногр. / отв. ред. Л. А. Лазутин, Р. М. Халафян. М.: Проспект, 2025. С. 116–131.

Ведель И. А. Органы внешних сношений государств: история становления и эволюции в российской науке международного права второй половины XIX века – начала XX века // Наука международного права в дореволюционной России: моногр. / отв. ред. Л. А. Лазутин, Р. М. Халафян. М.: Проспект, 2025. С. 93–115.

Грaбарь В. Э. Материалы к истории литературы международного права в России (1647–1917) / отв. ред. В. Н. Дурденевский, С. Б. Крылов. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 491 с.

Левин Д. Б. Наука международного права в России в конце XIX и начале XX века: Общие вопросы теории международного права. М.: Наука, 1982. 197 с.

Чуркина Л. М. Основные начала концепции юрисдикции в международном праве // Наука международного права в дореволюционной России: моногр. / отв. ред. Л. А. Лазутин, Р. М. Халафян. Москва: Проспект, 2025. С. 75–92.

References

Baskin Yu. Ya., Fel'dman D. I. (1990) *Istoriya mezhdunarodnogo prava* [History of international law]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 208 p.

Bezborodov Yu. S. (2025) *Mezhdunarodnye organizatsii v rossiiskoi dorevolutsionnoi doktrine mezhdunarodnogo prava* [International organizations in the Russian pre-revolutionary doctrine of international law]. In *Nauka mezhdunarodnogo prava v dorevolutsionnoi Rossii: monografiya*, ed. by L. A. Lazutin, R. M. Khalafyan. Moscow, Prospekt, pp. 116–131.

Churkina L. M. (2025) *Osnovnye nachala kontseptsii yurisdiktсии v mezhdunarodnom prave* [The basic principles of the concept of jurisdiction in international law]. In *Nauka mezhdunarodnogo prava v dorevolutsionnoi Rossii: monografiya*, ed. by L. A. Lazutin, R. M. Khalafyan. Moscow, Prospekt, pp. 75–92.

Grabar' V. E. (1958) *Materialy k istorii literatury mezhdunarodnogo prava v Rossii (1647–1917)* [Materials on the history of literature of international law in Russia (1647–1917)], ed. by V. N. Durdenevskii, S. B. Krylov. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR, 491 p.

Levin D. B. (1982) *Nauka mezhdunarodnogo prava v Rossii v kontse XIX i nachale XX veka: Obshchie voprosy teorii mezhdunarodnogo prava* [The science of international law in Russia in the late XIX and early XX centuries: General issues of the theory of international law]. Moscow, Nauka, 197 p.

Vedel' I. A. (2025) *Organy vneshnikh snoshenii gosudarstv: istoriya stanovleniya i evolyutsii v rossiiskoi nauke mezhdunarodnogo prava vtoroi poloviny XIX veka – nachala XX veka* [Bodies of foreign relations of States: the history of formation and evolution in the Russian science of international

¹ Чуркина Л. М. Основные начала концепции юрисдикции в международном праве // Наука международного права в дореволюционной России. С. 75–92.

law in the second half of the 19th century – the beginning of the 20th century]. In *Nauka mezhdunarodnogo prava v dorevoljucionnoi Rossii: monografiya*, ed. by L. A. Lazutin, R. M. Khalafyan. Moscow, Prospekt, pp. 93–115.

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.11.2024

Дата принятия рукописи в печать: 25.03.2025

ЭЛЕКТРОННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ К «РОССИЙСКОМУ ЮРИДИЧЕСКОМУ ЖУРНАЛУ»

Редактор *О. Ю. Петрова*
Дизайн обложки *И. М. Митрофановой*
Компьютерная верстка *О. Ю. Петровой*

Подписано к использованию 31.03.25.
Уч.-изд. л. 7,30. Объем 1,99 МВ

Согласно п. 1 ч. 2 ст. 1, ч. 4 ст. 11
Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ
маркировке не подлежит